

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2023 Том 28 № 2

DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Маркова Е.А., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ассистент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: glazkova1992@gmail.com

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЈТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиаальной коммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – ознакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Каплявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 23.06.2023. Выход в свет 30.06.2023. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 19,60. Тираж 500 экз. Заказ № 679. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2023 VOLUME 28 NUMBER 2

DOI 10.22363/2312-9220-2023-28-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ekaterina A. Markova, PhD in Philology, senior researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: glazkova1992@gmail.com

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Nataliya Panasenکو, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Демидов Н.М., Клинг О.А.** Притчевость в произведениях Н.В. Гоголя: особенности авторского воплощения 199
- Ван Л., Михайлова М.В.** Источник трагедии: любовная проблематика и концепция эроса в повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» 210
- Клименко И.В.** Компоненты неоромантической сюжетной схемы в произведениях А. Грина и Л. Перуца 219

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

- Елфимова М.Г.** «История Российского государства» Бориса Акунина – конспирологическая игра Г.Ш. Чхартишвили с читателями? 228

КОМПАРАТИВИСТИКА

- Ян М.** Перевод и критика произведений Л.Н. Толстого в Шанхае начала XX в. 237
- Ван Ц.** Исследование романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в Китае: история и современность 247

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М.** Эволюция арабской исторической литературы и ее современные тенденции: каноны и инварианты 256
- Rather N.A.** Challenging Eurocentric narratives: a postcolonial feminist analysis of the lives and experiences of Third World women (Вызов европоцентристским нарративам: постколониальный феминистский анализ жизни и опыта женщин третьего мира) 271
- Стрелкова Г.В., Лесик К.А.** Особенности современной ангажированной поэзии хинди 284

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ: ТЕЛЕВИДЕНИЕ

- Ершов Ю.М.** Европейское телевидение 2020-х гг.: проблемы и тенденции развития 293
- Laruk E.V.** Czech Republic television: genre and thematic features of TV news in 1989–2021 (Телевидение Чешской Республики: жанрово-тематическое своеобразие телевизионных новостей в 1989–2021 гг.) 306
- Даутова Р.В., Тихонова О.В.** Телевидение Республики Татарстан как инструмент национальной идентификации 318
- Dolgova Yu.I.** Russia and Ukraine in the mirror of each other's TV channels (Россия и Украина во взаимном ТВ-информировании) 333

НОВЫЕ МЕДИА

- Yakova T.S., Volkova I.I.** Classical theories of media systems: relevance for the contemporary research (Классические теории медиасистем: актуальность для современных исследований) 344
- Pugachev A.A., Kharchenko A.V., Sleptsov N.A.** Transforming the future: a review of artificial intelligence models (Трансформация будущего: обзор моделей искусственного интеллекта) 355

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ

- Гаврилов В.В.** Роль технологии вузовского проектного обучения в подготовке целостной медиальности 368
- Pandey V., Kumar G., Algavi L.O., Kumar M., Sharma V.** Exposure of fake news to the Indian social media users (Воздействие фальшивых новостей на индийских пользователей социальных сетей) 381

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- Котов А.А., Нигматуллина К.Р., Поляков М.Л.** Медиастратегии с участием лоббистов: государственная поддержка IT-индустрии 397

CONTENTS

LITERATURE STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Demidov N.M., Kling O.A.** Parable in Nikolai Gogol's works: specifics of the author's presentation 199
- Wang L., Mikhailova M.V.** The source of tragedy: love problems and the concept of eros in the story of L.D. Zinovieva-Annibal's "Thirty-Three Freaks" 210
- Klimenko I.V.** Components of the neoromantic plot scheme in the works by A. Grin and L. Perutz 219

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Elfimova M.G.** *The History of the Russian State* by Boris Akunin is Grigori Chkhartishvili's game of conspiracy? 228

COMPARATIVE STUDIES

- Yang M.** Translation and criticism of the works of Leo Tolstoy in Shanghai at the beginning of the 20th century 237
- Wang Q.** The study on Grossman's *Life and Fate* in China: history and present advance 247

FOREIGN LITERATURES

- Zarytovskaya V.N., Al-Rahbi A.M.** The evolution of Arabic historical literature and its current trends: canons and invariants 256
- Rather N.A.** Challenging Eurocentric narratives: a postcolonial feminist analysis of the lives and experiences of Third World women 271
- Strelkova G.V., Lesik K.A.** Socially-engaged narrative in contemporary Hindi poetry 284

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA: TV

- Ershov Yu.M.** European TV in the 2020s: challenges and development trends 293
- Lapuk E.V.** Czech Republic television: genre and thematic features of TV news in 1989–2021 306
- Dautova R.V., Tikhonova O.V.** Television of the Republic of Tatarstan as an instrument of national identity 318
- Dolgova Yu.I.** Russia and Ukraine in the mirror of each other's TV channels 333

NEW MEDIA

- Yakova T.S., Volkova I.I.** Classical theories of media systems: relevance for the contemporary research 344
- Pugachev A.A., Kharchenko A.V., Sleptsov N.A.** Transforming the future: a review of artificial intelligence models 355

MEDIA EDUCATION

- Gavrilov V.V.** The role of university project-based learning technology in shaping a holistic media personality 368
- Pandey B., Kumar G., Algavi L.O., Kumar M., Sharma V.** Exposure of fake news to the Indian social media users 381

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

- Kotov A.A., Nigmatullina K.R., Polyakov M.L.** Media strategies with lobbyists: government support for the IT industry 397

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERATURE STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-199-209

EDN: PBTJXC

УДК 82.01/.09

Научная статья / Research article

**Притчевость в произведениях Н.В. Гоголя:
особенности авторского воплощения**

Н.М. Демидов , О.А. Клинг

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

 josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

Аннотация. Анализируется притчевость произведений Н.В. Гоголя как один из важнейших элементов писательской стратегии. Делается упор на ее формальном воплощении в произведениях автора: показывается важная связь притчи с художественной деталью произведения и композицией в целом, с выстраиванием писателем сложной системы конфликтов и их роли в сюжетной схеме. В рамках исследования авторы считают необходимым предостеречь от поверхностного понимания притчевости Гоголя как некоей вульгарной формы резонерства или поучения. Чтение текстов писателя показывает, что притчевость в них несколько отходит от классической модели и напоминает параболу, форму притчи в литературе европейского модернизма, которая усложняет и делает менее очевидным собственно назидательный аспект. Рассматриваемый в исследовании притчевый элемент может и должен изучаться не в общих чертах, не обзорно, а как неотъемлемая часть поэтики и художественной системы автора – это позволяет анализировать данный феномен более детально, как индивидуально освоенную часть композиции творчества отдельно взятого автора. Гоголь при используемом подходе предстает как явление мировой литературы, а поводом рассуждать таким образом служит сложная система притчевости, по-разному реализованная в конкретных текстах писателя. Именно она вбирает в себя частные элементы поэтики, имеющие самые разные функции, которые образуют единую систему художественного своеобразия гоголевских текстов, а главное – их оригинальности, непохожести друг на друга даже в пределах авторского сборника.

Ключевые слова: притча, художественная деталь, модернизм, экзистенциализм, метатекст

© Демидов Н.М., Клинг О.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2023 г.; отрецензирована 6 февраля 2023 г.; принята к публикации 10 марта 2023 г.

Для цитирования: Демидов Н.М., Клинг О.А. Притчевость в произведениях Н.В. Гоголя: особенности авторского воплощения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 199–209. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-199-209>

Parable in Nikolai Gogol's works: specifics of the author's presentation

Nikita M. Demidov^{ID}✉, Oleg A. Kling^{ID}

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*
✉ josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

Abstract. The parable of the works of N.V. Gogol as one of the most important elements of the writer's strategy is analyzed. Emphasis is placed both on its formal and content embodiment in the author's works. The formal part shows the important connection between the parable and the artistic detail of the literary work and the composition on the whole. The content part deals with the writer, who builds a complex system of conflicts and their role in the plot scheme. For the study, researchers consider it necessary to warn against a shallow analysis of Gogol's parable as a kind of vulgar form of reasonableness or teaching. Reading the author's texts shows that the parable departs from the classical model and resembles "die Parabel", a form of parable in the literature of European modernism, which complicates and makes the edifying aspect less obvious. The parable element considered in this work should be studied not in general terms, but as an integral part of the poetics and artistic system of the author, which allows us to consider this phenomenon in more detail, as an individually mastered part of the composition of the work of a single author. Using this approach, it is possible to show Gogol as a phenomenon of world literature, and the reason for that is a complex system of parables, implemented in different ways in his literary works. This system absorbs particular elements of poetics using a variety of functions that form a single system of artistic originality of Gogol's texts. Moreover, it emphasizes the originality of texts and their dissimilarity from each other even within the author's collection.

Keywords: parable, artistic detail, modernism, existentialism, metatext

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2023; revised February 6, 2023; accepted March 6, 2023.

For citation: Demidov, N.M., & Kling, O.A. (2023). Parable in Nikolai Gogol's works: Specifics of the author's presentation. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 199–209. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-199-209>

Введение

В изучении творческого наследия Гоголя присутствует непростой вопрос о притчевости его текстов и поэтики в целом. Сам по себе данный литературный, если не сказать шире – культурный феномен прочно закрепил

свою самостоятельность давно утвержденными и как бы застывшими особенностями формы и содержания. Это таит в себе некоторую опасность, но одновременно и порождает неподдельный интерес исследователя: мы становимся свидетелями освоения проработанной и сложнейшей структуры притчи таким художником, как Гоголь. Не останавливаясь на степени трудности нашей задачи, следует предостеречь от поверхностного понимания притчевости Гоголя как некой вульгарной формы резонерства или поучения. Существует специфическая именно при изучении Гоголя трудность, когда «тандем» трагического и комического, высокого с прозаическим и повседневным, близкое их соприкосновение, доходящее чуть ли не до их полного неразличения, затрудняет реконструкцию художественной цели автора, которая и позволяет говорить о самом существовании притчевого контекста. Однообразные, хотя и верные интерпретации творчества писателя, касающиеся социально-гуманистического аспекта содержания и центром тяжести задающие реалистическую парадигму произведений, только маскируют данную проблему и обедняют Гоголя не только на идейном уровне, но и как конструктора собственных текстов, как стилиста. Современные литературоведы неустанно напоминают о загадочности гоголевских произведений, о смысловой амбивалентности его текстов: так, известный чешский русист Иво Поспишил пишет, что «...jen málokde se setkáváme se zcela racionalizujícím vysvětlením, s absolutním zlehčením; současně je však Gogolovi také cizí absolutní tajuplnost. Mnohem otřesnější je noetická nejistota, kterou Gogolovy vyprávěny evokují» (Pospíšil, 1994, s. 92). Сказанное приводит к осознанию достаточно простого факта: изучаемый вопрос лежит скорее в области формы, чем содержания, или же и содержание, и форма находятся в более тесном сотрудничестве, чем было принято считать.

Обсуждение

Гоголь и притча

Литературная энциклопедия терминов и понятий под редакцией Николюкина определяет притчу как «эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, иносказательной форме» (Литературная энциклопедия..., 2001, с. 808). Как литературный жанр притча действительно относится к эпосу и, если смотреть с точки зрения авторской стратегии, привлекательна для желающего овладеть этой жанровой формой прежде всего широтой обобщения декларируемой идеи (которая усиливается общей абстрагированностью действительности, представленной в притче) при нарочитой схематичности психологизма ее субъекта и объекта и принципиальной установкой фабулы на фактическое воспроизведение события, положенного в основу, без какого-либо серьезного развития действия – аллегория и сюжет в притче, как правило, сбалансированы. Такой подход к притче отражает ее уже не как отдельно взятое явление, а как вспомогательную жанровую парадигму, готовую для адаптации или творческого осмысления ее автором; впрочем, свою самостоятельность она и не теряет, даже выполняя пусть и первостепенные, но все же служебные функции; какие – и предстоит выяснить в настоящий момент. Стоит особо подчеркнуть,

что в рамках настоящего исследования принято остановиться на притчевости и ее «инструментах» у Гоголя именно с формальной, а не содержательной точки зрения, чтобы понять комплекс средств художественной выразительности и приемов, задействованный писателем для выражения притчевого содержания (которое в науке изучено лучше).

То, что автор выступает как творец определенной модели мира, можно уже считать трюизмом, однако принципиально, что эта модель не «растворена», не воплощена в художественном тексте, а сама им и является. Сама ограниченность, замкнутость текста, любого, не только литературного, предполагает вариативность использования средств для донесения любой информации. Что же тогда происходит с притчей, безусловно порожденной авторским сознанием, когда ее основные черты оказываются восприняты автором более масштабного по композиционному устройству произведения? Она либо бессознательно воспринимается писателем как архетип, интертекст, связанный с проблематикой произведения (для чего требуется незаурядное эстетическое усилие, связанное с тем, что архетип как древний смысл надо не просто механически воспроизвести, но обновить, соотнести с актуальной для автора системой художественно-изобразительных средств), или же реализуется как грандиозное обобщение уже сказанного автором (хорошим примером тут может послужить поэма Гоголя «Мертвые души»). Помимо этого, любое литературное произведение, будучи целостным, соотносится с метатекстами как абстрактным воплощением текстов, погруженных в культурное пространство и существующих уже до создания определенного авторского текста, и притчевость как часть метатекстового контекста переживает смену различных литературных течений и, соответственно, становится востребована по-разному. Мы фиксируем важность вечности и божественного абсолюта для Гоголя как автора «Избранных мест из переписки с друзьями» и вообще тему апокалиптического мировоззрения писателя, которая до сих пор продолжает привлекать внимание литературоведов (Glyantz, 2013, pp. 89–121), сатирическое высмеивание пороков общества в «Ревизоре» и героику, противопоставленную обыденности и рутинной пошлости в сборнике «Миргород». Можно сказать, что ведущие ценности конкретных текстов – то есть связи неодинаковых авторских замыслов с различными метатекстами произведений – будут также различаться между собой благодаря воле и личности автора, который привычную притчевую триаду «субъект – объект (в его роли обычно выступает окружающий мир, сама действительность) – абсолют (воспринимается как строгий закон, который выше человека и обязателен к исполнению)» может обыгрывать по-разному в соответствующих произведениях, и Гоголь не является исключением из правила, реализуя свои творческие потенции исходя из современного ему метатекста, культурной и социально-исторической ситуации вообще, анализируя и осмысляя именно ее, ориентируясь на свое мирозерцание и этические установки. Так, можно вспомнить научную проблему, касающуюся традиции гомеровской Одиссеи в «Мертвых душах», плодотворно рассматривавшуюся в отечественной и зарубежной науке (Kelly, 2005, pp. 37–61), когда Гоголь подкрепляет свои эстетические и, что важнее в рамках нашей темы – моральные установки

культурологическим контекстом, который для его современников был важен и актуален.

Образ автора в гоголевских текстах изучен очень плодотворно, но нам интересна сама возможность взгляда на него как на рассказчика притчевого по своей модели содержания без попыток механически перенести структуру притчи на конкретные произведения, что было бы неверным шагом. Повторимся, Гоголя следует воспринимать одновременно на двух важных уровнях – комически-сатирическом и драматически-трагическом, что создает некоторые трудности при анализе его поэтики. Но у Гоголя, особенно позднего, есть черта возведения определенных наблюдений в больший масштаб – иначе говоря, тенденция к генерализации и обобщению. Специфической чертой писателя или новаторством она, конечно же, не является, зато может использоваться как наиболее прямой и простой путь к постижению притчевости его текстов. Самым простым примером могут служить прямые высказывания обобщающего характера, которые легко опознать по характерному началу, например: «На Руси, где все любит скорее развернуться, нежели съежиться...». Другим примером может послужить аллюзия на евангельскую притчу о блудном сыне, которая скрыто преломляется в образе Чичикова из первого тома «Мертвых душ» и явно в образе помещика Хлобуева из второго тома. Горестная биография гоголевского героя соответствует фабуле притчи, но, что показательно, генерализируя в хлобуевском типе человека безвольного и легкомысленного, разоряющего и себя, и крестьян, автор в то же время не может обойтись без элементов конкретизации, пусть и на первых взгляд несущественных. Дается лаконичная характеристика внешнего облика героя и описание его одежды – неказистой, незавидной. В имеющей отношение к соответствующему эпизоду с Хлобуевым евангельской притче детализированность ослаблена; блудный сын должен апеллировать к самому общему контексту, на его месте может находиться любой человек в любую эпоху. С финалом первого тома «Мертвых душ» – пассажем про «Птицутройку», представляющим поэтический образ России, несколько проще. Само определение автором жанра произведения как поэмы предполагает не просто хорошо усматриваемую отсылку к метатексту – «Божественной комедии» Данте как образцу наивысшей формы художественного построения, но и выход к предельной форме обобщения как заданной стратегии построения текста, то есть указания на систематизацию общественных и духовных явлений появляются, по сути, еще до создания самого текста. Из этого следует разумное предположение, что само повествование будет предельно концентрировано и выберет своим центром что-то одно существенное, в то время как многочисленные ответвления сюжета лишь будут служить своеобразным подспорьем для художественной «отделки» самого главного, что и мы наблюдаем в «Мертвых душах»: материалом для рассуждения о судьбе России и других важнейших духовных и философских вопросов служит сравнительно небольшое количество героев и событий. Может показаться, что мы только что нечаянно сформулировали классическое понимание более позднего русского романа для XIX в., когда большой эпический размах сочетается с единственным главным героем как «центром

притяжения» всего произведения. Но на самом деле получается, что структура притчевости, так удачно воплощающаяся в «Мертвых душах», есть общее и частое место во многих произведениях, как скоро обнаружится, не только русской литературы. Тем более что поэму Гоголя трудно назвать типичным, традиционным произведением большой формы: пространность повествования у писателя не событийная, строго фабульная, охватывающая всероссийский масштаб, но и символическая, что обеспечивается контрастом «низкого» содержания и проникновенных лирических отступлений. Хорошим примером может послужить повесть «Тарас Бульба» как монолитное эпическое единство, в героических масштабах, несколько идеализированно описывающее битву за Веру и Отечество. Впрочем, некоторая идеализация образов казаков в повести, неразрывно переплетенная с фольклорной стилизацией, преследует важную цель: эпическое, монументальное обобщение и осмысление русской истории и, несмотря на кажущуюся общую простоту содержания повести, некоторое единообразие отдельных образов, деталей формирует единый модус художественности, в котором могут – благодаря широкой историко-философской панораме – преломляться самые разные смыслы.

В изданных лекциях Набокова по русской литературе глава, посвященная «Мертвым душам» Гоголя, содержит такие замечательные строки: «Гоголевские герои по воле случая оказались русскими помещиками и чиновниками, их воображаемая среда и социальные условия не имеют абсолютно никакого значения... искать в „Мертвых душах“ подлинную русскую действительность так же бесполезно, как и представлять себе Данию на основе частного происшествия в туманном Эльсиноре» (Набоков, 2018, с. 47). Можно понимать эти слова как очередное подтверждение высокого «космизма» «Мертвых душ», за которым скрывается понимание сложности сюжета поэмы и его нетипичной роли в композиционной организации повествования. В притче важнейшим компонентом, в котором растворен объект (то есть та действительность, реальность, в рамках которой действует человек), является фабула как простая последовательность определенных событий, что не вызывает нареканий наряду с устойчивой парадигмой этого жанра (Агранович, Саморукова, 1997). Сюжет в художественном произведении как последовательность событий, связанных по определенным правилам, будет отличаться более свободным изложением и строиться по индивидуальному, установленному автором хронотопу. Этот хорошо известный теоретический аспект непосредственно указывает на то, что сюжет напрямую связан с формой произведения, находится в ее «ведении». Важно понять, что сюжет пересекается с фабулой в понятиях конфликта и факта, и два этих начала одинаково выражены и там, и там, фабула так же, как и сюжет, является творческим началом; разница лишь в том, что в притче, целиком фабульной, они напряжены до предела. Соответственно, в поисках притчевого следа, справедливо указывая на сюжет как его основное вместилище, нужно понять, как именно эти два элемента проявляют себя в нарративной структуре произведения. Важнейших двигателей сюжета – конфликтов – у Гоголя много, и только соотносясь вместе, они формируют конфликт всего произ-

ведения. При этом хочется отметить особую, нетипичную роль детали в построении конфликта. Писатель как бы приостанавливает свой взгляд на определенном предмете, а затем, описаниями определяя их место в контексте общего содержания, переходит к следующему объекту; примером может служить хорошо известное описание внутреннего убранства дома Плюшкина или не менее известный эпизод, где два мужика рассуждают о «колесе» брички Чичикова – доедет ли оно до Казани или Москвы или нет. Далее авторский взгляд падает уже на посторонний предмет – встреченного у гостиницы франта, никак не связанного с предыдущей картиной непосредственно, но наряду с ней являющегося частью общей системы зарисовки вида и колорита уездного города.

Описания, детали выполняют не только свою привычную характеризующую функцию, они еще и принимают роль микроконфликтов, толкая сюжет вперед; ведь в противном случае фабула поэмы совпала бы с ее сюжетом и представляла бы цепь поездок Чичикова с целью скупки мертвых душ, что в корне неверно, как отмечал видный исследователь творчества Гоголя Юрий Манн (Манн, 2007). Всякое по-настоящему гениальное произведение предрекает жизнь сюжетной коллизии несравненно более долгую, чем жизнь фабулы, и гоголевский текст не является исключением. Если в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» движение сюжета обеспечивалось самой динамикой действия, ее остротой, то в «Мертвых душах» ситуация принципиально иная, бытовые и пейзажные подробности мыслятся как образы, непосредственно являющиеся элементами сюжетной канвы, на что обратил внимание еще Андрей Белый в книге «Мастерство Гоголя» (Белый, 1996). Получается, что на достаточно скупую фактологическую последовательность событий накладывается деталь за деталью; вот, например, такое свидетельство: перед тем, как Чичиков подъезжает к дому Коробочки, гремит гром, начинается ливень. Казалось бы, мелочь, не имеющая никакого отношения к повествованию, даже на уровне образности достаточно примитивная, а если попробовать ее изъять – сюжет даст трещину. Деталь оказывается неразрывно связана с сюжетом, а скрытность Гоголя, нежелание с охотой раскрывать даже самые немаловажные детали, только идет на руку поэтике произведения и позволяет считать его смысл поистине неисчерпаемым. В работе американской исследовательницы Кирстен Лодж *The Semiotics of Gogol's "Dead Souls"* подчеркивается не просто семантическая, но и семиотическая нагрузка отдельных элементов гоголевского текста, которую демонстрирует сам язык писателя; таким образом, на сложность притчевого начала оказывает существенное влияние как содержание, так и форма (языковая стилистика) (Lodge, 2002, pp. 69–84).

Продолжая мысль о воплощении притчевой структуры в рамках более сложно структурированного произведения, уточним, что такое изменение жанровой стратегии как бы продлевает жизнь притчи и помогает ей утвердиться в художественном произведении: закрытая форма сменяется более открытой и предполагает куда больше количество толкований за счет текста, в который она инкорпорирована, даже не имеет значения, каким образом, напрямую или образно (ср. например, вставную новеллу «Повесть о капи-

тане Копейкине» в «Мертвых душах» и притчу священника в «Процессе» Кафки и поэтику «Замка» как один большой роман-притчу). Нельзя просто сказать, что прямая вставка притчи делает ее ядром повествования, а формальное распространение ее на все пространство текста (разумеется, степень содержательности и важности притчевости не изменится, какой бы способ ни выбрал писатель) дает указание на несколько содержательных центров произведения; во-первых, отграниченная, имеющая характер вставки в основной текст ярче выражает свою нравственную первооснову, неважно, с неким выводом или без него, а во-вторых, такая тактика более интерактивна, чем «разлитая» по содержательному каналу притча. Читатель абсолютно точно заметит ее, не пройдет мимо, а значит, диалог с автором состоится с большей вероятностью.

Возможность неоднозначной интерпретации критически важна для экзистенциального мировоззрения авторов эпохи литературного модернизма, для которых характерна не уверенная декларация истины, а постоянное сомнение (например, «Тошнота» Сартра) или отчаянные искания («Замок» Кафки); кроме того, внутренний мир персонажа предстает более детально проработанным, что в произведении подчеркивается постоянной его рефлексией или желанием воссоздать определенную логическую цепь происходящего, но все попытки оборачиваются неудачей – мир абсурден, как абсурдна и сама экзистенция. Архаичная притча, являясь откликом на действительность, которую можно было объяснять догматически, давала не просто четкий и ясный ответ – но стратегию на любой поворот жизни, который был предсказуем в ее представлении. Указанное же выше относится к притче нового типа, которая называется параболой (различие между ней (*die Parabel*) и притчей классического типа (*das Gleichnis*) впервые было проведено усилиями немецких литературоведов, например Геро фон Вильпертом (Wilpert, 2001)).

К сожалению, в других языках различие между ней и притчей классического типа размыто; так, в английском *parable* – это и притча, и парабола. Парабола, реагируя на алогичную среду, будто бы потеряла возможность однозначного отклика на сумятицу внешних событий, зато, приравняв субъекта притчи – человека к тому, что раньше было объектом, – к миру, оказалась подвергнута некоторой интимизации, усилившей и изначально присущую ей адресность. Структурно парабола выглядит проще, но содержательно усложняется из-за того, что простые двухплановые аналогии классической притчи теряют свой приоритет. Сохраняя бинарность, то есть связь между контекстом притчи и той действительностью, на которую направлена ее назидательность, парабола связывает их уже напрямую, устраняя таким образом явный дидактизм тона. Видя страдания и медленное угасание Грегора Замзы из «Превращения», мы слишком живо представляем кризис бытия героя и безуспешные попытки справиться с ним. Психологизм в описании его чувств – в той или иной степени тактика борьбы с кошмаром, в который он погружен, и это передано очень живо и ярко, без ответа на волнующий вопрос, но главное здесь – это те тонкие различия в реакциях, многообразие и количество которых формирует экзистенциального человека. Бытийный вопрос, волнующий писателей первой половины XX в., таким образом, яв-

ляется тем связующим звеном, которое без существенных потерь соединило архаичную притчу и притчу нового образца – параболу, в ряде случаев не отказываясь, а по-новому осмысляя символику прошлого (хорошим примером является драма Сартра «Мухи»). Не вдаваясь в их анализ, хочется отметить показательную авторскую стратегию: с сохранением внешних рамок жанра – древнегреческой трагедии и простоты фабулы – образ Ореста как главного действующего лица очень сильно осложняется. Столкновение с фатумом выходит на новый уровень, и описанная выше реализация его, по сути, может быть использована как своеобразный канон произведения, исследующего экзистенциальную проблематику. Утверждение это несколько вольное, но оно помогает избавиться от предрассудка о притче как о жанре устаревшем и навсегда канувшем в лету; однако про относительную простоту фабулы, особенно в связи с упоминаемой выше спецификой ее у Гоголя, хочется отметить, что у модернистов она не является наиболее прихотливым элементом композиции. В абсолютном большинстве затрагиваемых нами произведений модернизма XX в. развертывание действия будет обеспечивать чередование эпизодов столкновения с окружающим миром и возникающих конфликтов, взывающих к самоанализу героя. У Гоголя же это выражено несколько сложнее, что связано, с учетом вышеописанной роли деталей в композиции, с предреалистическим, не совсем еще отошедшим от романтизма характером творчества писателя – персонажи представлены типизировано (хотя и не лишены ярких психологических черт, которые могут быть показаны опосредованно), но конфликт у Гоголя носит более скрытный характер. При этом его произведения так же тяготеют к параболическому началу из-за частого обращения к бытийной проблематике, являющейся истинным катализатором притчевости в произведении вообще.

Заключение

Гоголь как художник реализует достаточно сложную притчевую стратегию. Показательно то, как русский писатель, касаясь темы смерти – наивысшей степени трагического, последовательно движется от достойного к менее достойному (от погибшего Пискарева к здравствующему Пирогову в «Невском проспекте»), от живого к мертвому («Шинель») и достигает содержательной выразительности трагедии бытия за счет нужного композиционного распределения эпизодов и одновременно насыщения их отдельными деталями. Драма как Пискарева, так и Акакия Акакиевича как горькое повествование о холодной, жестокой несправедливости немыслима без чередования планов указанной нами антитезы и насыщения указанного противопоставления необходимыми деталями (достаточно вспомнить окончание злословий Пискарева, описание его похорон, где все отражает отсутствие эмпатии к судьбе персонажа). Гоголь значительно усложняет притчевое содержание благодаря экспериментам с формой, которые поражают разнообразием: это и иерархия повествовательных планов в композиции произведения, на что мы только что указали, и оговоренная тенденция к генерализации и обобщению, особая роль деталей в повествовании. Какой бы загадкой не было содержание гоголевских произведений, поэтика их поражает слож-

ностью формальной организации и задает притчевости неповторимый колорит, не отдаляясь сильно от притчевости классической (для Гоголя принципиально важна связь с христианством, предполагающим четкий ответ на поставленные вопросы), но и в чем-то превосходя структуру параболическую (амбивалентность, неоднозначность не только на уровне содержания, но и формы).

Говоря о функционировании притчи на дальнейших этапах развития литературы, можно сделать вывод, что в модернизме хорошо опознаваемую структуру притчи, пусть и претерпевающей указанные нами изменения, моделирует все-таки содержательный аспект, который обобщающим характером тематики обеспечивает стабильность обращения к притчевому началу, да и назидательное начало не исчезает, а подвергается серьезной мутации: теперь это не догматический взгляд на вещи, но агностицистический. Гоголь же, как мы выяснили, реализует притчевую стратегию со значительной опорой именно на форму литературного произведения, скрупулезным наполнением художественного мира конструируя сложную фиктивную реальность для воплощения притчевого контекста. Так, Роман Карст, сравнивая поэтики Гоголя и Кафки, справедливо подмечает, что «the basic difference is that Kafka makes illusion real while Gogol makes reality illusory – the former depicts the reality of the absurd, the latter the absurdity of the real» (Karst, 1975, p. 74). И действительно, Кафка наблюдает абсурд жизни как выражение крайней ее неоднозначности и трагичности непосредственно, тем самым реализует свою притчевую стратегию параболического типа, делая присутствие такой стратегии в тексте явным, очевидным для читателя. Притчевость Гоголя менее очевидна в своей локализации в текстах писателя, она менее концентрирована и распределена между разными средствами художественной выразительности, что мы и попытались продемонстрировать. Указанное наблюдение, как представляется, может быть распространено и на других представителей модернизма (и экзистенциализм, в частности) при типологическом их сопоставлении с Гоголем.

Список литературы

- Агранович С.З., Саморукова И.В.* Гармония – цель – гармония. Художественное сознание в зеркале притчи. М.: МИСиС, 1997. 134 с.
- Белый А.* Мастерство Гоголя: исследование. М.: МАЛП, 1996. 351 с.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.
- Манн Ю.В.* Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 744 с.
- Набоков В.* Лекции по русской литературе / пер. с англ. С. Антонова, А. Курт, Е. Голышевой, Г. Дашевского, И. Клягиной, Е. Рубиновой. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 448 с.
- Glyantz V.* The sacrament of end: the theme of apocalypse in three works by Gogol // *Shapes of Apocalypse: Arts and Philosophy in Slavic Thought*. Academic Studies Press, 2013. Pp. 89–121. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1zxshsh.10>
- Karst R.* The reality of the absurd and the absurdity of the real: Kafka and Gogol // *Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature*. 1975. Vol. 9. No. 1. Pp. 67–81.

- Kelly M.R.* Navigating a landscape of dead souls: Gogol and the Odyssean road // *New Zealand Slavonic Journal*. 2005. Vol. 39. Pp. 37–61.
- Lodge K.* The semiotics of Gogol's "Dead Souls" // *Ulbandus Review*. 2002. Vol. 6. Pp. 69–84.
- Pospišil I.* Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university // *D, Řada literárněvědná*. 1994. No. 43. D41. S. 91–100.
- Wilpert G.* Sachworterbuch der Literatur. Stuttgart, 2001. 865 s.

Сведения об авторах:

Демидов Никита Михайлович, аспирант, кафедра теории литературы, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0001-8336-4333. E-mail: josefkessler.vonwissenstein@yandex.ru

Клинг Олег Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0003-1543-5253; Scopus ID: 57210864490. E-mail: teolit@philol.msu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-210-218

EDN: PCIVFN

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Источник трагедии: любовная проблематика и концепция эроса в повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda»

Л. Ван , М.В. Михайлова

*Московский государственный университет имени Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

 w.liuyang@mail.ru

Аннотация. Тема любви находит многообразное отражение во всех произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Будучи одним из самых репрезентативных произведений писательницы, повесть «Тридцать три уroda» является важным и особенно показательным звеном при доказательстве процесса изменений в творческом методе и мировоззрении автора. Цель исследования – показать сложные взаимосвязи между любовью и эросом не только в повести «Тридцать три уroda», но и в реальной супружеской жизни Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Прослеживается художественное воплощение писательницей идей ее мужа, поэта-символиста Вяч. Иванова по созданию новой церкви, где Эрос «оплотняется», становится носителем «соборности». Утопический идеальный проект Вяч. Иванова по организации новой общественной формы, хотя в конечном итоге и потерпел крах, первоначально означал намерение преодолеть индивидуализм в среде посвященных, среди участников любовного действия, что доказывает влияние философии В.С. Соловьева на символистов и, в частности, на круг посетителей «Башни». В исследовании используются биографический, интертекстуальный и сравнительно-исторический методы. Делается вывод о том, что в чаемой идеальной форме общества, в котором нет места индивидуализму и эгоизму, должна была возобладать концепция нераздельности духа и тела. Однако текстуальный анализ повести «Тридцать три уroda» доказывает, что преодоления индивидуализма героиней не произошло, что путь к постижению эроса теоретически декларирован, но практически оказался не осуществлен. Отсюда трагическое звучание произведения и катастрофический его финал.

Ключевые слова: символизм, мировоззрение, любовь, трагедия, индивидуализм, соборность, новая церковь

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2023 г.; отрецензирована 6 марта 2023 г.; принята к публикации 10 марта 2023 г.

Для цитирования: Ван Л., Михайлова М.В. Источник трагедии: любовная проблематика и концепция эроса в повести Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 210–218. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-210-218>

© Ван Л., Михайлова М.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The source of tragedy: love problems and the concept of eros in the story of L.D. Zinovieva-Annibal's "Thirty-Three Freaks"

Liuyang Wang , Maria V. Mikhailova

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

 w.liuyang@mail.ru

Abstract. The theme of love is reflected in a variety of ways in all the works of L.D. Zinovieva-Annibal. As one of the most representative works of the writer, the story "The Thirty-Three Freaks" is an important and particularly revealing link in proving the process of change in the creative method and worldview of the author. The aim of the study is to show the complex relationship between love and eros, not only in the story "The Thirty-Three Freaks", but also in the real married life of Vyacheslav Ivanov and L.D. Zinovieva-Annibal. The writer's artistic embodiment of the ideas of her husband, the symbolist poet V. Ivanov, on the creation of a new religion, where Eros is "entrenched" and becomes a bearer of "solidarity", is traced. V. Ivanov's utopian ideal project of organizing a new social form, although it ultimately failed, originally meant the intention to overcome individualism among the initiates, among the participants of the love action, which proves the influence of V. Solovyov's philosophy on the symbolists and, in particular, on the circle of visitors of "The Tower". The study uses biographical, intertextual, and comparative-historical methods. The conclusion is made that in the ideal form of society, in which there is no place for individualism and egoism, the concept of inseparability of spirit and body should have prevailed. However, analysis of the novel "The Thirty-Three Freaks" shows that the heroine had not overcome individualism, that the path to comprehending of eros was theoretically declared, but was not realized in practice. Hence the tragic sound of the work and its disastrous finale.

Keywords: symbolism, worldview, love, tragedy, individualism, catholicity, new church

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2023; revised March 6, 2023; accepted March 10, 2023.

For citation: Wang, L., & Mikhailova, M.V. (2023). The source of tragedy: Love problems and the concept of eros in the story of L.D. Zinovieva-Annibal's "Thirty-Three Freaks". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 210–218. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-210-218>

Введение

Вопрос о взаимоотношениях между любовью и эросом всегда был важным понятием в восточной и западной философии. От Платоновской любви к Истине, божественной любви у Августина, акцента Боккаччо на эросе в человеческом мире, любви Декарта к разуму до прекращения желания в идеях неоконфуцианства¹. Философские рассуждения мудрецов о любви и желании оказали глубокое и длительное воздействие на развитие культуры и искусства. Изучение эроса и концепции любви в России в конце XIX –

¹ Сун-Мин Ли Сюэ (китайская транскрипция 宋明理学) – западное название синкретической китайской философской системы, сформировавшейся в XI–XVI вв. (со времен династии Сун до династии Мин). Эта система стала синтезом основных интеллектуальных традиций, существовавших в Китае того времени.

начале XX вв. развивалось по трем основным направлениям: как «отцелюбие» Н.Ф. Федорова, обращенное в прошлое, «абсолютная любовь» В.С. Соловьева, направленная в будущее, и «родительская любовь» В.В. Розанова, нацеленная на настоящее человечества (Брылина, 2014, с. 65). В статье «Смысл любви» В.С. Соловьев опровергает аскетическую традицию христианского учения, обсуждает значение любви и эроса, придавая ей философское измерение для человека и общества с точки зрения единства всего сущего. Уже современники выделили эту работу как «самое замечательное из всего им написанного, это даже единственное оригинальное слово, сказанное о любви-эросе в истории христианской мысли» (Бердяев, 1971, с. 178). Под влиянием Соловьева находились в той или иной степени все младосимволисты. Не стал исключением и Вяч. Иванов, для которого особое значение имела именно соловьевская концепция любви, подтолкнувшая его к созданию, по словам М. Сабашниковой, «новой человеческой общины», которая станет «началом новой церкви, где Эрос воплощается в плоть и кровь» (Сабашникова, 1993, с. 161)

Иванов не только стремился подчеркнуть «важность эротического начала для многих сфер духовной жизни и творческой деятельности человека», но и жаждал возратить «Эросу его исконное, Платоновое значение, стремление к нобилитации „извечного Эроса Невозможного“» (Цимборска-Лебода, 1997, с. 54). В качестве музы Вяч. Иванова и соратника по духовной устремленности к Дионису его жена Л.Д. Зиновьева-Аннибал во многом следовала его установкам, но в итоге создала нечто свое, куда привнесла «холодную трезвую рассудочность шведов, русский максимализм, стремление во всем идти до конца, горячую сербскую кровь, да еще с примесью необузданной эфиопской» (Алешина, 1999, с. 8). Став хозяйкой «Башни», получив на ней имя Диотимы, выдержав «поединок роковой» с Ивановым, впитав «соборные идеи» мужа, она сумела превратиться в «русскую Менаду». Сложность этого превращения отражена в самой спорной ее вещи – повести «Тридцать три уroda». Эта повесть – трагическая любовная история, связавшая талантливого актрису и девушку, которая ведет дневник, фиксируя там все перипетии их взаимоотношений. Подтекст этих взаимоотношений был настолько явственен, что повесть была запрещена судом. «Тридцать три уroda» вызвали много споров и негативных отзывов, потому что в повести «впервые в русской литературе была открыто заявлена тема лесбийской любви» (Суковатая, 1999), а тема эта «была запретна для русской классической литературы и неприемлема для консервативного читателя» (Алешина, 1999, с. 119). Впоследствии запрет был снят, и повесть выдержала два издания.

Но рискованный сюжет на самом деле заключал в себе глубокий философский смысл. Это признавал и сам Вяч. Иванов, рассматривая ее как вариацию на тему платоновского «Пира». Она, по его словам, «реалистическая по форме внешней, символическая по внутренней форме, платоническая по духу» (Иванов, 1999, с. 439). И, зная историю жизни и творческих интенций автора, можно осознать, что, «несмотря на нагромождение эротических аллюзий», эта повесть «повествует совсем не об эротике» (Суковатая, 1999). Она крайне важна для понимания всего контекста художественного творче-

ства и духовной жизни Зиновьевой-Аннибал и ее мужа Вяч. Иванова. Французский исследователь заметил: «основной мотив сюжета обращается к теме красоты и эроса как пути к высшей реальности, теме, дорогой символистам» (Дефарж, 2018, с. 35).

Обсуждение

Производные любви-Эроса

Из записей дневника мы узнаем, что девушка, имя которой в тексте не названо, влюбляется в актрису Веру, бросает своего жениха и сбегает с возлюбленной накануне свадьбы. Вера поражена красотой девушки, но предвидит, что тело человека, как и все остальное в природе, материально, подвержено старению, изменениям и в итоге – гибели. Поэтому Вера хотела бы сохранить красоту своей возлюбленной навечно. И лучший способ – ее портрет. Кроме того, она понимает, что нужно отдавать, жертвовать, делиться своим счастьем, чтобы сохранить возвышенный строй души. Разве это не высшая степень благородства – предложить того, кого любишь больше жизни, другим?

И вот она обращается к знакомым художникам (имеет значение знаковое число – 33!) с просьбой о портрете. Но результат оказывается плачевным: ни на одном из них не сохранена неповторимость и уникальность модели. Получается нелепость: Вера «бескорыстно» поделилась своей любимой с миром, преодолела индивидуалистическую тягу к присвоению и владению единоличному, но не сумела сохранить красоту возлюбленной. Придя в отчаяние, не соглашаясь с жестокими законами этого мира, Вера предпочитает смерть жизни в мире, лишенной любви и красоты. Стоит, однако, отметить, что за кажущейся романтической, бескорыстной и возвышенной любовью Веры кроется стремление доминировать. Она склонна к авторитарности, хочет контролировать, в ней живет ревность и уязвленное самолюбие. И отдает она свою возлюбленную на «растерзание» художникам как бы переступая через себя. Автор же дневника нежен и покорен, что хорошо уловил Вяч. Иванов: «Речь ее записей проста, трезва и умна, – порой как-то по-женски прозаична, порой же проникнута женственною прелестью, грацией и поэзией» (Иванов, 1999, с. 442). Вера же – «живая, страстная, страдающая, жарко и безоглядно любящая» (Козлова, 2017, с. 52), и она «женщина, способная «возлюбить большее и большего потребовать»² (Михайлова, 1999, с. 13). Неравенство партнеров, распределение ролей как «тирания – подчинение» изначально таили угрозу для взаимоотношений двух женщин, предвещая трагедию.

«Тридцать три уroda» можно прочитывать как вариацию на тему «Пира» Платона. И Вяч. Иванов это хорошо ощущал: «По учению Платона, Эрос, присущий благороднейшим душам и составляющий в них принцип духовного возрастания, направляется вначале на прекрасные тела, потом на души прекрасные, наконец – на вечные Прообразы, или Идеи умопостигаемых

² Эти слова можно считать кредо самой Зиновьевой-Аннибал – ведь она поставила их эпиграфом к своему рассказу «Медвежата».

сущностей» (Иванов, 1999, с. 443). И в соответствии с пониманием в этом платоновском диалоге «лестницы красоты» любовь должна подниматься от любви к телу до любви к душе, от единичной любви к всеобщей, от любви к случайности до любви к вечной истине.

Думается, что Вера находилась на нижней ступени этой лестницы, на что указал Вяч. Иванов: «Все отличительные признаки первой ступени этого восхождения налицо перед нами в разбираемой повести» (Иванов, 1999, с. 443). Это подтверждается признанием самой Веры: «Я люблю твое тело, оттого что оно прекрасно. Но души твоей не знаю. Не знаю, есть ли душа. И не нужна она мне, потому что прекрасно твое тело» (Зиновьева-Аннибал, 1999, с. 40). Следовательно, любовь Веры не является полноценной, потому что цельной любовь должна быть «не только по силе чувства, но и по объекту своего устремления на целостную личность любимого» (Иванов, 1999, с. 442).

Согласно пониманию В.С. Соловьева, в реальной жизни существует различие между «ты» и «я», и каждый человек представлен как «я», но явлен как «ты» для кого-то Другого. И только сняв границы этого различия в жизни и в восприятии, можно стать целостной личностью, приобретя абсолютный смысл. По словам В.С. Соловьева, «человек (вообще и всякий индивидуальный человек в частности), будучи фактически только этим, а не другим, может становиться всем, лишь снимая в своем сознании и жизни ту внутреннюю грань, которая отделяет его от другого. „Этот“ может быть „всем“ только вместе с другими, лишь вместе с другими может он осуществить свое безусловное значение стать нераздельною и незаменимою частью всеединого целого, самостоятельным живым и своеобразным органом абсолютной жизни» (Соловьев, 1991, с. 34). Эгоизм же стремится отрицать другого, эгоистичный человек не способен увидеть в Другом личность. Отрицая других и утверждая только себя, эгоист лишает себя реального жизненного содержания, превращает собственную индивидуальность в пустую форму, которая не способна к самосознанию, не является осуществлением индивидуальности. Такое явление скорее можно назвать самоотрицанием и саморазрушением. «Смысл человеческой любви», по Соловьеву, «есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма» (Соловьев, 1991, с. 32).

Философ выделил понятия, связанные с мифом об Эросе, такие как вечная любовь и абсолютный смысл. Это и есть «смысл любви». «Авторитарное» поведение Веры есть проявление собственных желаний, она не уважает личность своей возлюбленной, не признает ее индивидуальности. Она ведет себя так, как будто с абсолютной точностью знает, что и как нужно делать. «Ты должна их покинуть», говорит она своей избраннице, «Ты не их. Я тебя научу самой себе. Я тебя сделаю прекрасной» (Зиновьева-Аннибал, 1999, с. 27). И сама девушка замечает происходящие в ней изменения: «Вера меня делает. Мне кажется, что я становлюсь красивой оттого, что она меня видит. Это делает меня такою спокойною, уверенною и легкой в то же время» (Зиновьева-Аннибал, 1999, с. 33). Но это изменения внешние, доступные глазу...

Читателю становится ясно, что «сформировать» идеальную любовь и «взрастить» индивидуальность Другого Вере не удастся. И сама Вера понимает, что не может избавиться от собственнических инстинктов, от желания

властвовать и руководить, то есть от эгоистической природы своего «я». В этом причина ее борьбы с самой собой и ее неизбывных мук. Разум подсказывает ей, что она должна «давать» любимую «людям». Она взывает к себе: «Великодушие! Великодушие! Вот что делает из зверя человека» (Зиновьева-Аннибал, 1999, с. 29), но переступить через себя не в силах. Однако все же приходит к катастрофическому для себя решению: я «не могу не давать тебя людям. Они смотрят. Видят красоту» (Зиновьева-Аннибал, 1999, с. 29). То есть она готова поделиться красотой девушки, но это-то тоже оказывается неисполнимо. Красоты нет, есть уродство. То, что далось ей так нелегко, не приводит к желаемому результату.

Вера не может спасти ни себя, ни свою любовь. Вяч. Иванов утверждал, что «акт любви, только любви, полагающий другого не как объект, но как второй субъект, есть акт веры и воли, акт жизни, акт спасения» (Иванов, 1979, с. 304). Вот почему он всегда проводил границу между пониманием «воли» Зиновьевой-Аннибал и пессимистической трактовкой воли А. Шопенгауэром. Вера не относится к девушке как к другому субъекту, не учитывает ее желаний, почти не вступает с нею в диалог на равных. Когда известный художник Сабуров предложил написать портреты обеих, Вера, не задумываясь, отказала. И девушка узнала об этом от кого-то другого. У нее не только не было права выбора, но даже право знать было ограничено Верой.

Соловьев утверждает, что «предмет истинной любви не прост, а двойствен: мы любим [...] то идеальное (не в смысле отвлеченном, а в смысле принадлежности к другой сфере бытия) существо, которое мы должны ввести в наш идеальный мир, и [...] то природное человеческое существо, которое дает живой личный материал для этой реализации [...]» (Соловьев, 1991, с. 63). И еще: «Небесный предмет нашей любви только один [...] – вечная Женственность Божия; но [...] задача истинной любви состоит не в том только, чтобы поклоняться этому высшему предмету, а в том, чтобы реализовать и воплотить его в другом, низшем существе той же женской формы [...]» (Соловьев, 1991, с. 64). Но Вера ищет не вечную Женственность Божию, а вечную красоту, поэтому так боится физического изменения возлюбленной. Ведь неслучайно, плача, она произносит: «Все неверное на земле. И красота тоже. Ты состаришься». Пишущая дневник девушка смутно догадывается об этом: «Мне кажется, она боится больше всего двух вещей: привычки и измены» (Зиновьева-Аннибал, 1999, с. 47). Вера явно путает идеальное существо с природным человеческим существом, не понимая, что она должна прозреть в природном небесное. Старение – это неотъемлемая характеристика существа реального мира. Но если в нем проявится вечная Женственность, то и изменения не будут страшны! Слепое стремление к неверному предмету истинной любви также является причиной трагической развязки этой истории.

Напомним: в конце концов Вера решает отпустить возлюбленную «в мир», позволив тридцати трем художникам написать ее портрет. Но изображенная на портрете женщина – не Царица, какую видит Вера, ибо, как писал Соловьев, «при любви непременно бывает особенная идеализация любимого предмета, которой представляет любящему совершенно в другом свете,

нежели в каком его видят посторонние люди» (Соловьев, 1991, с. 62). Вместо этого появились тридцать три уroda, «тридцать три любовницы, тридцать три Царицы» (Зиновьева-Аннибал, 1999, с. 44). Происходит дробление, возникают осколки человека. А это и есть самое трагичное.

Маска «Менады»

Зиновьева-Аннибал рисует свою Веру так, что мы понимаем, по-видимому, она далеко не совершенна, ею владеет иррациональная слепая страсть. Однако не забудем, что Вера – это отражение самой Зиновьевой-Аннибал. И в ней воплотились не только ее переживания, но и собственный опыт хозяйки «Ивановских сред»: писательница вложила в произведение «много своего, автобиографического [...]» (Алешина, 1999, с. 121). Ведь неслучайно в другом своем произведении – цикле «Трагический зверинец» – Зиновьева-Аннибал дает героине опять имя Веры, доверяя ей свои детские воспоминания и впечатления. Она «дублирует» себя даже в деталях. Так, «подробно описаны „хитоны“ – вид платья в древнегреческом духе, изобретенные и широко практикуемые в жизни Л.Д. Зиновьевой-Аннибал» (Алешина, 1999, с. 121). Вера заказала девушке такой наряд. И комната Веры очень похожа на комнату в «Башне».

Зиновьева-Аннибал писала «Тридцать три уroda» в то самое время, когда она и ее муж Вяч. Иванов практиковали дионисийские эксперименты в «Башне» и пытались создать тройственный союз, чтобы возникла новая органическая общность. Иванов так характеризовал свое намерение: «Если любящие чудесно обрели друг друга, то они не принадлежит только друг другу» (Иванов, 1971, с. 96). Это означало, что он и жена, любя друг друга, смогут «ощущать себя одним существом», а следовательно, «могут вместе полюбить кого-то иного, третьего» (Алешина, 1999, с. 95). Однако гармонично выглядящее в теории, на практике давало сбои. Для участия в первой попытке «тройственного союза» был выбран поэт Сергей Городецкий, «молодой фавн, прибежавший из глубины скифских лесов» (Волошин, 1988, с. 464). По мнению исследовательницы творчества Зиновьевой-Аннибал С.В. Алешиной, у писательницы «страсть к мужу, ревность, ненависть и гордость спутались в дьявольский клубок противоречий» (Алешина, 1999, с. 98). И она надевает маску и берет на себя роль Веры, снова и снова увещевая себя, уговаривая быть великодушной. Хотя первый эксперимент закончился неудачей, за ним последовала вторая попытка. Иванов и Зиновьева-Аннибал в один голос говорят «об отречении от любовного плена двух и переходе к Одной Любви – ко всем и для всех» (Козлова, 2017, с. 54). Появился второй участник эксперимента – художница Маргарита Сабашникова, жена поэта Максимилиана Волошина. С нею отношения развивались также непросто. Известно, что ни Городецкий, ни Сабашникова не смогли достойно (следуя завету Иванова) исполнить свои роли. А самой Лидии Дмитриевне присутствие третьего человека в их браке причиняло боль, что и отражено в повести. Следует учитывать, что она еще и анализировала роль жертвы в дионисийском культе, поэтому примеряла на себя и ее.

Финал повести трагичен, но не пессимистичен. Смерть героини Веры несет уверенность в перерождении и возрождении Зиновьевой-Аннибал в реальном мире. После первого испытания с Городецким и окончания

написания повести «Тридцати трех уродов», в процессе второго дионисийского эксперимента с Сабашниковой, Зиновьева-Аннибал показала лицо «Менады». Когда Сабашникова столкнулась с проблемой своих отношений с Вяч. Ивановым (она совсем по-земному влюбилась в своего Учителя!), она сказала Лидии, что хочет «уехать». Тогда Лидия от лица Менады дала ей ответ: «Ты вошла в нашу жизни и принадлежишь нам. Если ты уйдешь, между нами навсегда останется нечто мертвое. Мы оба уже не можем без тебя» (Сабашникова, 1993, с. 161). То есть, раз включившись в дионисийскую оргию, участники не могут с нею распрощаться.

Трудно сопереживать Вере, которая неверно выбирает «второго субъекта», ища в нем только «вечную красоту», идеализирует свою возлюбленную и в конце концов кончает жизнь самоубийством после ее «измены» и разрушения своих идеалов. Л.Д. Зиновьева-Аннибал избрала форму повести, чтобы, надев маску, «произнести те слова, которые она не могла (да и не хотела) обратиться к своему мужу напрямую» (Михайлова, 2000). Ведь о многом говорит то, что повести предпослано посвящение «Вячеславу Иванову». И думается, что «В. Иванов точно прочитал замысел повести и высоко его оценил, но предпочел не заметить личного подтекста оной» (Михайлова, 2000).

Стоит обратить особое внимание и на то, что «в этом чадном рассказе оказалось какая-то пророческая сила» (Богомолов, 1991). Наверное, литературовед имел в виду предсказание Зиновьевой-Аннибал собственной смерти. Она скончалась от быстротечной скарлатины 17 октября 1907 г. Жизнь Веры в повести и жизнь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в реальности завершились трагически.

Заключение

Вопрос о взаимоотношениях между любовью и эросом всегда был одним из центральных в искусстве. «Тридцать три урода» отличаются от «Крыльев» М. Кузмина и «Санина» М.П. Арцыбашева, в которых пропагандируется гедонистическое и самодостаточно-плоское отношение к жизни, и от «Кубка метелей» А. Белого, в котором физическая любовь рассматривается как дьявольский эротизм. Эта повесть есть попытка поиска ответов на отношения любви и эроса среди противоречий, борьбы, жертв и разногласий реальной жизни. Дух нельзя отделять от тела, нельзя идеализировать внешность любимого человека – таково было наставление В. Соловьева символистам. Несомненно, Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал как «первый и второй субъекты» акта любви пытались преодолеть индивидуализм и эгоизм в надежде, что им удастся создать идеальную форму общественного устройства. Но это был утопический проект, крах которого предсказала автор, написав повесть о тридцати трех уродах.

Список литературы

- Алешина С.В. Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Творческая эволюция: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 1999. 213 с.
- Бердяев Н.А. Русская идея. Париж, 1971. 259 с.

- Богомолов Н.А.* «Мы – два грозой зажженные ствола». Эротика в русской поэзии от символистов до обэриутов // *Литературное обозрение*. 1991. № 11. С. 56–65.
- Брылина И.В.* Философия русского Эроса как социокультурный феномен // *Евразийство и мир*. 2014. № 1 (3). С. 65–81.
- Волошин М.А.* «Ярь». Стихотворение Сергея Городецкого // *Лики творчества*. Л.: Наука, 1988. С. 464–471.
- Дефарж Ф.* Лидия Зиновьева-Аннибал: быть женщиной и писателем в русском Серебряном веке // *Revue Russe*. 2018. № 51. С. 29–40. <http://doi.org/10.3406/russe.2018.2857>
- Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Тридцать три уroda: роман, рассказы, эссе, пьесы. М.: Аграф, 1999. 494 с.
- Иванов В.И.* Предисловие к посмертному изданию «Тридцати трех уродов» // *Тридцать три уroda* / Л.Д. Зиновьева-Аннибал. М.: Аграф, 1999. С. 439–443.
- Иванов В.И.* Собрание сочинений: в 4 томах. Том 1. Брюссель, 1971. 872 с.
- Иванов В.И.* Собрание сочинений: в 4 томах. Том 3. Брюссель, 1979. 896 с.
- Козлова Л.Н.* «Тридцать три уroda» Зиновьевой-Аннибал – о чем? Психологический аспект истории контактов семьи Волошина и семьи Вячеслава Иванова в Петербурге // *Киммерийский тоpos: мифы и реальность: сборник научных статей международной философско-культурологической конференции, Коктебель, 2013–2016 гг.* Коктебель: Антиква, 2017. С. 51–59.
- Михайлова М.В.* Лица и маски русской женской культуры Серебряного века // *Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках*. Харьков, 1998. С. 117–132.
- Михайлова М.В.* Страсти по Лидии // *Тридцать три уroda: роман, рассказы, эссе, пьесы*. М.: Аграф, 1999. С. 5–24.
- Сабашишникова М.В.* Зеленая Змея. История одной жизни / пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой; вступ. ст. С.О. Прокофьева. М.: Энигма, 1993. 413 с.
- Соловьев В.С.* Смысл любви // *Русский Эрос, или Философия любви в России: сборник / сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского*. М.: Прогресс, 1991. С. 19–76.
- Суковатая В.А.* «Тридцать три уroda» Лидии Зиновьевой-Аннибал, или Эротический «Другой» женской наррации // *Гендерные исследования*. 1999. № 2. <http://doi.org/10.13140/RG.2.2.13670.11845>
- Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вяч. Иванова // *Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация*. Тарту: Тартуский университет, 1997. С. 54–68.

Сведения об авторах:

Ван Люян, аспирант, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет, Московский государственный университет имени Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0003-4191-1700. E-mail: w.liuyang@mail.ru

Михайлова Мария Викторовна, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет, Московский государственный университет имени Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0001-8193-6588. E-mail: mary1701@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-219-227

EDN: OOUYCSW

УДК 82.09-1

Научная статья / Research article

Компоненты неоромантической сюжетной схемы в произведениях А. Грина и Л. Перуца

И.В. Клименко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

 klim.irishka4797@rambler.ru

Аннотация. Сравнивается функционирование компонентов неоромантической сюжетной схемы «обыкновенный человек в необычных обстоятельствах» в произведениях А. Грина, традиционно причисляемого к неоромантикам, и представителя иного художественного направления – Л. Перуца. Сравнение подобного рода продуктивно, так как позволяет вычлнить дифференциальные признаки неоромантического сюжета. Высказывается тезис о переосмыслении сюжетной схемы в романе австрийского писателя. Если в произведениях А. Грина благодаря необычным обстоятельствам как катализатору борьбы героя с самим собой раскрываются его лучшие качества, в романе Л. Перуца события подталкивают героя к преодолению себя, однако этого не происходит, так как он оказывается лишен необходимого внутреннего потенциала. Определяется роль смены точек зрения как неоромантического сюжетоформирующего и композиционного приема и в рассказах А. Грина, и в «Прыжке в неизвестное» Л. Перуца, а также использование ее при создании образов героев. А. Грин делает акцент на противопоставлении точки зрения героя и точки зрения, внешней по отношению к нему. В романе Л. Перуца герой, борясь с внешними точками зрения, проходит путь к обретению себя. Анализируется взаимодействие неоромантического плана романа с модернистским. Л. Перуц, прибегая к неоромантической сюжетной схеме, решает на ее основе вопрос реальности/ирреальности бытия человека, показывает зыбкость границ человеческого Я. Если герои А. Грина – природы изначально целостные, поэтому способные справиться с обстоятельствами и с собой в обстоятельствах, герой Л. Перуца приобретает целостность только на пороге смерти.

Ключевые слова: неоромантизм, модернизма, образ героя, точка зрения, двоемирие

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2023 г.; отрецензирована 6 февраля 2023 г.; принята к публикации 10 марта 2023 г.

Для цитирования: *Клименко И.В.* Компоненты неоромантической сюжетной схемы в произведениях А. Грина и Л. Перуца // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 219–227. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-219-227>

© Клименко И.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Components of the neoromantic plot scheme in the works by A. Grin and L. Perutz

Irina V. Klimenko

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ klim.irishka4797@rambler.ru

Abstract. The functioning of the components of the neoromantic plot scheme “an ordinary person in unusual circumstances” in the works by A. Grin, who is traditionally recognized as a neoromantic, and in the works by a representative of another artistic movement L. Perutz, is compared. This kind of comparison seems to be productive as it allows defining the differential features of a neoromantic plot. The thesis is expressed about the rethinking of the plot scheme in the novel by the Austrian writer. In the works by A. Grin the main character reveals his best qualities by dealing with unusual circumstances and coping with himself, however in the novel by L. Perutz, circumstances make the character to overcome himself to no avail, because he is deprived of the necessary spiritual qualities. Changing of points of view functions both in stories by A. Grin and in the Perutz’s novel as a plot-forming and compositional device and it is also used in creating images of characters. A. Grin focuses on the opposition between the character’s inner point of view and the point of view which is external to him. In the novel by L. Perutz the main character tries to find himself coping with external points of view. The interaction between the neoromantic and modernistic features of the novel is analyzed. L. Perutz solves the issue of the human existence reality/unreality, the fragility of the human self-boundaries by modifying neoromantic plot scheme. Integrity of A. Grin’s characters helps them to cope with circumstances and with themselves in circumstances whereas the L. Perutz’s character acquires integrity only on the verge of death.

Keywords: neoromanticism, modernism, character, point of view, romantic duality

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2023; revised February 6, 2023; accepted March 6, 2023.

For citation: Klimenko, I.V. (2023). Components of the neoromantic plot scheme in the works by A. Grin and L. Perutz. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 219–227. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-219-227>

Введение

Неоромантизм – одно из влиятельнейших и сложных для интерпретации художественных явлений рубежа XIX–XX вв. Проблема его взаимодействия с другими литературными направлениями и течениями неоднократно звучивалась в работах таких исследователей, как В.М. Толмачев, В.А. Луков, Д.Е. Яковлев, Д.К. Царик, и тем не менее предполагает дальнейшее рассмотрение множества как общенаправленных, так и частных вопросов.

При анализе неоромантической по своей природе сюжетной схемы рассказов А. Грина «обыкновенный человек в необычных обстоятельствах» обнаруживается корреляция на уровне типологического схождения с сюжетами двух произведений малоизученного в отечественном литературоведении австрийского писателя Л. Перуца – романа «Прыжок в неизвестное» и рассказа «Парикмахер Тюрлюпэн». В контексте того, что Л. Перуц тради-

ционно причисляется к экспрессионистическому направлению, сравнение его произведений с произведениями А. Грина оказывается продуктивно, так как выявление в них обозначенной сюжетной схемы как результата влияния неоромантизма позволяет отчетливо дифференцировать основные ее составляющие, которые представителем иного типа художественности воспринимаются как определяющие в неоромантической поэтике. В исследовании, опираясь на то, с помощью каких приемов обозначенная сюжетная схема реализуется в рассказах А. Грина «Позорный столб» и «Сто верст по реке», мы рассмотрим, как она трансформируется в романе «Прыжок в неизвестное» Л. Перуца.

Обсуждение

Точка зрения как сюжетоформирующий прием

Одна из ключевых сюжетных установок неоромантического произведения – обычный человек попадает в необычные обстоятельства, которые помогают ему раскрыть внутренний потенциал. В изображении внутреннего мира героев у А. Грина основное значение имеет игра с точками зрения, противопоставление позиции наблюдателя и самоощущения персонажа. С точки зрения наблюдателя герой может казаться заурядным, однако в процессе развития сюжета он обнаруживает в себе выдающиеся качества, и отношение к нему меняется. Показателен в этом контексте образ Гоана, персонажа рассказа «Позорный столб».

В начале повествования читатель вынужден занять точку зрения стороннего наблюдателя по отношению к герою. Именно сознание «обывателя» акцентирует внимание читателя на «обычности» Гоана. Как только происходит переключение на точку зрения самого героя, не только его действия предстают перед читателем в ином свете, но и мир в целом. Противопоставление точек зрения главных героев (Гоана и Дэзи) и точки зрения обывателей в «Позорном столбе» оказывается способом реализации романтического принципа двоемирия. Обыденность как таковая не принадлежит окружающему миру, она существует в сознании героев, в их мироощущении.

Благодаря постоянной смене точек зрения в течение повествования меняется интерпретация поступков героя и их оценка, но единый образ не расщепляется, скрепляемый точкой зрения обывателей, выдаваемой А. Грином за «объективное» мнение третьеличного повествователя.

Л. Перуц тоже использует игру с точками зрения, превращая ее в главный сюжетообразующий прием. С одной стороны, изначально повествованием задано превращение героя из обычного человека в выдающуюся личность путем проявления в сложной ситуации его душевных сил, как это предполагается в неоромантическом сюжете. С другой стороны, в действительности этого не происходит, так как «выдающимися качествами» Станислава Дембу искусственно наделяют извне. Он примеряет на себя маски разных личностей, подстраиваясь под чужое мнение. Неоромантический принцип зависимости героя от обстоятельств реализуется нарочито буквально.

Композиционная структура романа Л. Перуца представляет собой kaleidoscope разных точек зрения на главного героя. В каждой главе действу-

ющие лица, с позиции которых он изображен, пытаются интерпретировать его поведение, причем автор учитывает также и точку зрения самого Дембы. С одной стороны, она раскрывает истинную причину странного поведения героя, с другой – оставляет в неведении вплоть до самого финала, что все произошедшее с ним было плодом его воображения. Более того, сам факт наррации – повествования-размышления Дембы о самом себе – делает возможным определенный социальный опыт героя, по-новому открывающий для него жизнь (Schmidt, 2010, p. 7).

Под влиянием чужих точек зрения постепенно образ Дембы приобретает возвышенно-романтические черты, а затем происходит развенчание этого образа.

Так, воображение возлюбленной Дембы Сони превращает его в ревнивого героя-любownika, практически персонажа романтических историй:

«Она поняла сразу. Это было ясно с первого мгновения: Станислав Демба прятал какое-то оружие под своим пальто. У нее не было времени разглядеть, был ли то револьвер, нож или кастет; она знала только, что жизнь ее находится в крайней опасности».

Соня в первую очередь не Дембу представила романтическим героем, а саму себя. Фигура его заполнила в ее воображении позицию ревнивого кавалера. В таком случае она сама становится героиней необыкновенных событий. В неоромантическом произведении «обыденность или экзотичность окружающего мира зависит не от имманентно присущих ему качеств, а от характера мирозерцания индивида» (Луков, 2012, с. 311). Анализируя творчество Э. Ростана, В.А. Луков показывает, как точка зрения героя в неоромантическом произведении преобразует мир: «Если в „Принцессе Грезе“ или „Самаритянке“ мир действительности был изначально экзотичным, легендарным и его слияние с миром мечты возникало естественно, то в образе Люнеля фантазия придает значительность и романтичность заурядному провинциальному городку» (Луков, 2009, с. 21). То же происходит и с образом главного героя Л. Перуца, «значительность и романтичность» которому придает Соня.

В.А. Луков отмечает, что неоромантический герой оказывается зависим от обстоятельств, которые не подавляют его, «но позволяют сильнее раскрыться». В «Прыжке в неизвестное» Л. Перуц выворачивает этот прием наизнанку. Обстоятельства и главный герой существуют отдельно друг от друга до тех пор, пока Демба не начинает осознавать, что окружающие по своему интерпретируют его поведение и что это может принести ему выгоду, если он сумеет правильно воспользоваться ситуацией. Изначально его самого ничто не подталкивает к подобному к себе отношению. У Дембы не было душевного тяготения к выдающимся поступкам, не было романтического взгляда на действительность. Однако постепенно герой начинает замечать необычное отношение к себе, осваивается с из ряда вон выходящим положением, и оба этих обстоятельства подталкивают его к мысли о собственной исключительности. Л. Перуц показывает, что его герой, ничего выдающегося собой не представляя, находит способ занять позицию «выдающейся личности»:

«С этими наручниками я стою в стороне от мира. Противостою совсем один миллионам других людей. Всякий, кто только на миг заметит мои скованные руки, становится с того же мгновения моим врагом, пусть бы он до этого был миролюбивейшим человеком на свете. <...> Но это меня манит, Стеффи».

В сцене объяснения со Стеффи образ Дембы наделяется чертами классического романтического героя: отрешенность от общества, избранничество, обладание неким недоступным другим знанием, ирония над «серой человеческой массой». Схожую сцену создает и А. Грин в рассказе «Сто верст по реке»:

«Прежде всего нужно быть одиноким. Думая, что прекрасно изучил людей <...>, Нок решил <...>, приказав сердцу молчать всегда, встретить конец дней возвышенной грустью мудреца, знающего все земные тщеты. Не так ли увенчанный славой и сединами доктор обходит палату безнадежно больных <...>? „Да, да, – говорит бодрый вид доктора, – конечно, вы находитесь здесь по недоразумению и все вообще обстоит прекрасно... “ Однако, доктор не дурак: он видит все язвы, все сокрушения, принесенные недугом, и мало думает о больных. <...> Они ему не компания».

Однако между Нокком и Дембой есть существенная разница. Хотя в приведенной цитате раскрывается точка зрения Нока на самого себя, хотя она очень искажает действительность (автор намеренно создает стилистические и образные отсылки к произведениям романтизма, что вызывает у читателя одновременно ощущение возвышенного и комического), Нок в определенном смысле имеет право думать о себе в таком ключе. Его биография овеяна духом романтики, включает в себя события романтико-приключенческого характера: сюжет о предавшей женщине, например, часто встречается в романтических произведениях, а теперь герой и вовсе превращается в мрачного беглеца (излюбленный романтический образ). Нок развивается, находит в себе душевные силы, чтобы откликнуться на происходящие в его жизни события, и в зависимости от того, чего требуют от него обстоятельства, он раскрывается то с одной, то с другой стороны. В конце концов он предстает перед читателем благородным человеком, а образ его перестает формироваться из романтических штампов.

Демба человек обычный. Он не наделен никакими романтическими качествами. Если рассматривать каждый эпизод отдельно, то станет ясно, что ситуации, в которых оказывается герой, не выходят за рамки обыденного, и только мировоззрение персонажей наделяет их особенными свойствами.

В сцене с дочерью доктора Бекера, Элли, возникает сразу две героико-романтические интерпретации странного состояния рук героя. Во-первых, сам Демба, уже освоившийся с ролью и пытающийся управлять положением, придумывает историю о том, как ему пришлось тушить пожар. Отметим, что образ героя, несмотря на вполне подходящие для этого ситуации, так никогда и не наделяется романтическим пафосом, хотя развитие его, казалось бы, движется именно в этом направлении. Демба не дотягивает до такого типа героя даже в своем воображении.

Однако воображение Элли и ее подруг, напротив, способно превратить его в героя клишировано-романтической истории:

«– Вы дрались на дуэли, – уверенно заявила Анни.

– Ах, вот оно что! – сказал Демба с заметным облегчением.

– Права я или не права? – спросила Анни. – Вы мне сказок не рассказывайте. Мой брат в корпорации „Алемания“.

– Но вы ошибаетесь. Право же, это ожоги, – уверял Демба».

Самостоятельно герой удерживаться на позиции романтического героя не может. Дембу прельщает подобный статус, но выделяться из массы обычных людей он не хочет, чтобы не привлекать внимания, и не может, так как не обладает для этого внутренним потенциалом.

Окончательно реалистическая и романтическая точки зрения на героя расходятся в сцене в кафе. С одной стороны, это первая осознанная попытка Дембы полностью перевоплотиться в того, кем его видят. Он пытается рискнуть и занять предложенное ему место романтического героя, проверить «власть, которая была ему дана над другими».

С другой стороны, попытка окончательно перевоплотиться с треском проваливается. Во-первых, поведение героя, предшествующее кульминации, в целом дискредитирует его; во-вторых, даже сумев на некоторое время занять положение романтической личности, Демба снова не удерживает его – он сбегает «к самому себе», отрывается от чужих точек зрения.

Рассмотрев несколько примеров того, как работает в романе игра с точками зрения, обратимся к композиции произведения и подвергнем анализу применение точки зрения как структурообразующего приема.

Сюжет и композиция

Физическая (Larkin, 2006, p. 130), социальная и личностная целостность Дембы в романе оказывается нарушена, «разорвана» в контексте «разорванной» на отдельные точки зрения композиции: «Л. Перуц не только воссоздал картину распада человеческой личности, он запечатлел мятущегося „надорванного“ житейской ситуацией человека, пытающегося сохранить себя нередко ценой утраты не только реальности, но и своего физического состояния вообще» (Гуревич, 2009, с. 532).

Если в «Позорном столбе» персонажи разделились на «обывателей» и тех, кто видит мир через призму романтического, то в романе Л. Перуца система мировоззрений представлена шире. Авторское сознание, несмотря на третьеличное повествование – форму, контрастирующую с «фантазией о смерти» (Martinez, 2007, p. 32), – по-настоящему проявляет себя только в финале:

«И руки Дембы, эти руки, которые прятались в страхе, поднимались в гневе, сжимались в бешенстве <...>, – руки Станислава Дембы освободились наконец».

Точка зрения автора в финале выводит произведение на уровень глобального философского размышления, принявшего форму детективного романа.

Идея о том, что «ничего не произошло», реализуется в нескольких сюжетных пластах. В первую очередь это заметно в каждой мини-истории, в которых Демба преследует какую-либо цель. Если бы его усилия попросту не увенчивались успехом, каждая история не была бы завершена, что создавало бы мотивацию движения вперед. Однако Л. Перуц завершает все эти

истории нетривиально. В каждом из этих микро-сюжетов герой прикладывает усилия, чтобы получить деньги, не вызывая подозрений, в итоге получает их, но не забирает, потому что буквально не может взять их в руки. Все его усилия обнуляются, а вместе с ними – каждый сюжет, так как он возвращается к исходной точке. Такое построение сближается с поэтикой абсурда, так как выявляет абсолютную бессмысленность действий Дембы, его попыток чего-то достичь, зная, что все обречено на неуспех. В итоге вся человеческая жизнь начинает восприниматься как череда бессмысленных действий, пустых по своей сути (что показано автором как минимум на уровне формы: все эти действия – фикция, плод воображения героя), не способных привести жизнь ни к чему, кроме смерти, как никакая попытка Дембы получить деньги не может быть успешной. Мотив мнимого приобретения денег и одновременно с этим утрачивания жизненного времени (Carter, 2006, p. 102) приводит к трагическому финалу: к мысли о том, что смерть – избавление от бессмысленных действий, внутри которых «кружит» герой, полное освобождение как от наручников, так и от зависимости от обстоятельств, чужой точки зрения, однако за освобождение герой платит высокую цену.

«Нельзя <...> обойти вниманием такую черту неоромантизма, как разрушение иллюзий жестокой правдой жизни» (Кудрявцева, 2017, с. 57). Освобождая героя от иллюзий, автор сталкивает его с реальностью, что заканчивается для него трагически, но вырывает из мира абсурда. Настоящая жизнь, а не игра воображения, для Дембы начинается тогда, когда он осознает, что умирает. Здесь уместно провести параллель с финалом «Процесса» Ф. Кафки. Йозеф К. на протяжении романа пытается проникнуть в точку зрения окружающих и взглянуть на себя с их позиции. То же самое делает и герой Л. Перуца. И Йозефу К., и Дембе осознание смерти приносит освобождение от довлеющих чужих точек зрения и возвращение к себе – мотив, встречающийся и в неоромантических произведениях, в частности в пьесе Г. Ибсена «Пер Гюнт».

Специфика композиции – цепочки одинаково выстроенных событий – может предполагать еще одно объяснение: «Проблема личности реализуется в художественном произведении в форме „биографического рассказа“ героя, имеет структуру „путь – цель“ <...>. В структурах „путь – цель“ раннего модерна значения „жизнь“ в эмфатическом смысле и „самоопределение“ становятся центральными категориями» (Чехлова, 2015, с. 53–54). В замкнутом круге иллюзорных событий поиск денег воспринимается героем как способ восполнить отсутствие реальной жизненной цели, Демба пытается закрепиться в реальности, но ему это не удается. Даже его собственное воображение не дает ему утвердить значение своей личности. Конфликт, приведший к смерти Дембы, – «это конфликт <...> между собой и желаемым образом себя» (Москвина, 2017, с. 202). «Сложная нарративная конструкция иллюстрирует идею романа – обреченности и невозможности вырваться за пределы круга: если бы человеку была дана вторая жизнь, шанс прожить жизнь заново, то он прожил бы ее так же» (Чехлова, 2015, с. 132).

Неожиданный финал при всех многочисленных параллелях с модернистским видением личности, вероятно, был продиктован автору именно

неоромантической поэтикой. «Неоромантики культивируют представление о героизме как внутреннем свойстве, которое может не проявляться в конкретных героических поступках. Такое понимание героизма ярко выражено в новелле Ж. Ришена «Дон Хозе Храбрый». Дон Хозе совершает все свои героические поступки во сне, в то время как в обычной жизни он ничем не примечателен» (Луков, 2012, с. 311). Оба героя поступки совершают в мире иллюзий. Романтический образ Дембы, как и дон Хозе, также не более чем иллюзия, и оба персонажа до романтической личности не дотягивают.

Заключение

Особенности романа Л. Перуца, которые были выявлены благодаря его сопоставлению с произведениями А. Грина, складываются из сочетания романтических и модернистских черт. Реализуется идея двоемирия: герой Л. Перуца существует на границе между реальностью и тем, что продиктовано его собственной (или чужой) точкой зрения. Модернизм же повлиял на выбор формы изображения двоемирия: оно воплощается в игре сознания.

Говоря о собственно неоромантических чертах, мы опираемся на исследования В.А. Лукова, который сумел вычлнить региональные особенности европейского и американского неоромантизма.

Сильнейшее влияние неоромантическая традиция оказала на выбор сюжетной схемы и образ главного героя, хотя автор переосмысливает неоромантическую веру в простого человека. Л. Перуц, как и А. Грин, изображает его в необыкновенной ситуации – складывается основа для традиционной неоромантической коллизии. Однако если персонажи неоромантика А. Грина способны в трудную минуту найти в себе силы противостоять обстоятельствам, что постепенно приводит их к статусу героической личности, то у персонажа Л. Перуца таких ресурсов нет. Те случайности, которые происходят с Дембой, могли бы помочь ему реализоваться в качестве романтической героя, но этого не происходит, так как он по своим качествам этому статусу не соответствует. Л. Перуц прибегает к неоромантической форме, но наполняет ее иным, не неоромантическим содержанием.

Список литературы

- Гуревич Р.В. Лео Перуц // История австрийской литературы XX века: в 2 томах. Том 1. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 502–541.
- Кудрявцева Т.В. Литературный процесс в Германии на рубеже XIX–XX вв.: взаимодействие художественных течений // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 46–73. <http://doi.org/10.22455/2500-4247-2017-2-3-46-73>
- Луков В.А. Неоромантизм // Знание. Понимание. Умение. 2012. Вып. 2. С. 309–312.
- Луков В.А. Французский неоромантизм. М., МосГУ, 2009. 102 с.
- Москвина Е.В. Символическая реальность. Статьи о немецкой и австрийской литературе. Переводы. М.: ГлобалКом: Языки славянской культуры, 2017. 316 с.
- Чехлова Л.А. Австрийский фантастический роман первой трети XX века: А. Кубин, Г. Майринк, Л. Перуц: дис. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2015. 184 с.
- Carter W.H. *Souverän meiner Zeit: opportunity cost in Leo Perutz's "Zwischen neun und neun"* // *Colloquia Germanica*. 2006. Vol. 39. No. 2. Pp. 97–116.

- Larkin E.T.* Leo Perutz's "Zwischen neun und neun": freedom, immigrants, and Nomadic identity // *Colloquia Germanica*. 2006. Vol. 39. No. 2. Pp. 117–141.
- Martinez M.* Das Sterben erzählen – Über Leo Perutz' Roman Zwischen neun und neun // *Leo Perutz' Romane*. Max Niemeyer Verlag, 2007. Pp. 23–34. <https://doi.org/10.1515/9783110971842.23>
- Schmidt G.* Performing in Handcuffs: Leo Perutz's "Zwischen neun und neun" // *Modern Austrian Literature*. 2010. Vol. 43. No. 1. Pp. 1–22.

Сведения об авторе:

Клименко Ирина Владимировна, аспирант, кафедра теории литературы, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0003-4393-4527. E-mail: klim.irishka4797@rambler.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-228-236

EDN: OPRGYZ

УДК 82.01

Научная статья / Research article

«История Российского государства» Бориса Акунина – конспирологическая игра Г.Ш. Чхартишвили с читателями?

М.Г. Елфимова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

 mashaelfimova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о псевдонимах Г.Ш. Чхартишвили и их роли в его творчестве. Изложена история появления литературных масок писателя, представлена их краткая характеристика, дан общий анализ литературной деятельности Чхартишвили и эволюции его стиля. Проанализированы особенности использования различных образов, «примеряемых» писателем при создании основных произведений, обоснована необходимость обращения к псевдонимам. Основная часть исследования посвящена проблеме авторства в проекте «История Российского государства», а также объяснению мотивов, которыми руководствуется Г. Чхартишвили, публикуя историческое сочинение под псевдонимом Бориса Акунина. Приведена оценка писательского стиля Акунина, его умения трансформировать привычные жанры под запросы аудитории, времени, авторских задач и пр., проанализированы беллетристические тексты проекта. Представлены выводы о литературном образе Чхартишвили-Акунина как альтернативном герое, задействованном в создании исторического проекта. Данный факт позволяет говорить о том, что писатель в очередной раз демонстрирует свое умение перевоплощаться, трансформировать манеру письма, сюжетику и стилистику при работе над тем или иным художественным произведением.

Ключевые слова: псевдоним, литературная маска, образ автора, Древняя Русь, История Российского государства

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 февраля 2023 г.; отрецензирована 15 марта 2023 г.; принята к публикации 1 апреля 2023 г.

Для цитирования: Елфимова М.Г. «История Российского государства» Бориса Акунина – конспирологическая игра Г.Ш. Чхартишвили с читателями? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 228–236. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-228-236>

© Елфимова М.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The History of the Russian State by Boris Akunin is Grigori Chkhartishvili's game of conspiracy?

Mariya G. Elfimova

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

✉ mashaelfimova@mail.ru

Abstract. The author deals with the question of Chkhartishvili's pen names and their role in his work. The characteristics of literary masks, history of their appearance are presented. A general analysis of Chkhartishvili's literary activity and the evolution of his style is also given. The features of the use of various images "tried on" by the writer when creating the main works are analyzed, the necessity of referring to pseudonyms is justified. The main part of the work is devoted to the problem of authorship in the project History of the Russian State, as well as an explanation of the motives that guide G. Chkhartishvili, publishing a historical work under the pseudonym of Boris Akunin. An assessment of Akunin's writing style, his ability to transform familiar genres to the needs of the audience, time, author's tasks, etc., is presented, and the project's fiction texts are overall analyzed. Conclusions are made about the literary image of Chkhartishvili-Akunin as an alternative hero involved in the creation of a historical project. This fact suggests that the writer once again demonstrates his ability to reincarnate, change plot and style and, of course, transform the manner of writing, when working on a particular work of fiction.

Keywords: nickname, literary mask, image of the author, Ancient Russia, The History of the Russian State

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 2, 2023; revised March 15, 2023; accepted April 1, 2023.

For citation: Elfimova, M.G. (2023). The History of the Russian State by Boris Akunin is Grigori Chkhartishvili's game of conspiracy? *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 228–236. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-228-236>

Введение

Личность Г.Ш. Чхартишвили привлекает внимание своей неординарностью и многогранностью: с одной стороны – квалифицированный ученый-востоковед, с другой – писатель. Подобное разделение переносится и на страницы его исследовательской и литературной деятельности: под своей настоящей фамилией писатель публикует «серьезные» тексты (переводную литературу, исследования), тогда как его художественные произведения выходят в свет под псевдонимами. Первые беллетристические тексты Г. Чхартишвили были опубликованы под псевдонимом «Б. Акунин». В своих интервью он отмечал, что в принципе взялся писать, чтоб угодить своей жене и продемонстрировать, что литература может быть увлекательной и интеллектуальной одновременно. Подобный эксперимент во избежание «дурацких ситуаций» проще всего было представить от лица неизвестного никому автора¹.

¹ Дашевский Г. Григорий Чхартишвили: Новое имя тождественно обновлению сути // Коммерсантъ. 2007, 21 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/837630> (дата обращения: 20.12.2022).

Перу Бориса Акунина таким образом принадлежит первый проект Чхартишвили, посвященный детективным приключениям Эраста Фандорина. «Новый детектив» вполне соответствует каноническим представлениям о подобного рода текстах (произведения Агаты Кристи, Артура Конан Дойла, Эдгара По, Джеймса Чейза и т. д.), однако в процессе чтения становится ясно, что сочинение выходит за рамки привычного понимания детективного жанра и представляет собой многомерный постмодернистский, наполненный многочисленными реминисценциями и аллюзиями на произведения русской литературы текст, стиль и слог которого, с одной стороны, приближены к описываемой эпохе, с другой – соответствуют современности. Используя приемы инверсии, смещения времен, игры со смыслами, двойного кодирования, Акунин создает произведение, претендующее на звание «серьезной» литературы, привлекающее и поклонников беллетристики, и интеллектуалов.

По мнению Брэдли А. Горского, Акунин с помощью приемов иронии, пародии и травестии реструктурирует литературное поле, создает из «лосков» классических традиций и жанров новую литературу, ориентированную на элитарную, искусственную публику (Gorski, 2018).

Действительно, внимание исследователей привлекает и политекстовое пространство акунинских текстов, и многочисленные интертекстуальные элементы (Десятов, Карпухина, 2019), и эволюция авторского стиля, нетривиальный подход к истории (Ранчин, 2004).

«Акунин первый, кто попробовал разморозить русскую классику» (Быков, 2007, с. 89). Получается такая своеобразная дань столетиям, «когда литература была великой, вера в прогресс безграничной, а преступления совершались и раскрывались с изяществом и вкусом» (Акунин, 2021, с. 3).

В своем интервью Григорию Дашевскому Чхартишвили заметил, что новое имя означает новую личность, которая впоследствии помогает установить свои правила игры с читателем. Одержимый желанием написать что-то не по-акунински, опубликовать произведение вне детективного контекста или опробовать совершенно новую для себя прозу Чхартишвили-Акунин реализует очередной литературный проект «Авторы», в рамках которого примеряет на себя маски Анатолия Брусникина и Анны Борисовой. А. Брусникин, сторонник славянофильских и почвеннических взглядов на историю России, предлагает вниманию читателей исторические сочинения без детективного контекста, А. Борисова, чей образ помогает кардинально сменить имидж и мировоззрение, представляет инвариант современной женской прозы, нетривиальной и увлекательной, реалистической и мистической. Данный проект позволил писателю поработать и над историческими, и над беллетристическими произведениями, включающими элементы фантастики, без потери авторитета среди почитателей творчества Бориса Акунина.

Есть проекты, в которых автор выступает под разными фамилиями: так, экспериментальная книга «Кладбищенские истории» включает в себя очерки, написанные Г. Чхартишвили, и рассказы, созданные Борисом Аку-

ниным, а на обложке романов саги «Семейный альбом» значится «Акунин-Чхартишвили».

Несмотря на литературные эксперименты, наибольшей известности и признания среди читательской аудитории добился Борис Акунин. Его феномен можно объяснить несколькими фактами.

В первую очередь, это была первая маска, которую примерил Чхартишвили при вступлении на путь литератора. За время работы над фандоринским циклом этот образ не просто слился с создателем, но и в некотором смысле вытеснил его. Одновременно имя Бориса Акунина превратилось в бренд, эквивалент современной классической литературы, увлекательной, интересной и стильной. Стереотип, что очередное издание, на обложке которого будет значиться «Б. Акунин», преподнесет искушенным читателям порцию игры с литературой и историей, а трендовым – увлекательный приключенческий текст, является на сегодняшний день неколебимым: его тексты «это занимательное литературоведение, отвечающее, однако, на действительно серьезные вопросы» (Быков, 2007, с. 83).

Чхартишвили и как историк, и как филолог довольно точно улавливает запросы времени и публики, что позволяет ему достаточно оперативно преобразовать творчество, соответствовать значимым и актуальным тенденциям, тем самым поддерживая интерес к личности Бориса Акунина.

Идею создания новых псевдонимов, помимо попытки в некотором смысле перезагрузить творчество Акунина, в век медиа и социальных сетей можно трактовать еще и как стремление соответствовать популярной тенденции ведения многочисленных «страниц», «аккаунтов» с различными именами, открывающих читателям различные стороны многомерной личности их создателя.

Обсуждение

Основным материалом для исследования являются тексты масштабного литературного проекта Бориса Акунина «История Российского государства», охватывающие период от становления Руси как государства до 1917 г.

Синтез документально-очерковых и художественных произведений, объединенных общей темой и сюжетом и одновременно распадающихся на различные подтемы привлек внимание многих исследователей. Так, литературоведами рассматривались вопросы репрезентации истории, реминисценций (Осьмухина, Карпов, 2020), интертекстуальных связей и жанровых трансформаций (Архангельская, 2021; Плешкова, 2016), игры с временем и пространством, а также именами героев (Снигирева и др., 2016; Снигирева, Снигирев, 2016).

Феномен Бориса Акунина, вопросы авторства, современного постмодернизма, проблемы переводов его текстов на иностранные языки рассматриваются и зарубежными исследователями. Время и пространство в исторических детективах, его трансформация отражена в работе Дэнниса Килфоя (Kilfooy, 2007). Особое внимание акунинским играм с историей, канонами и жанрами рус-

ской литературы уделяет в своих работах Елена Барабан (Baraban, 2004). Исследователь отмечает, что всю художественную работу Чхартишвили стоит рассматривать в контексте еще более масштабного проекта под названием «Акунин»: запланированные маркетинговые, рекламные и экономические стратегии, использование современных PR-технологий наряду с удивительным стилем писателя и его литературной эстетикой (Baraban, 2021).

Посредством параллельного анализа публицистических текстов, представленных в исторической части сочинения, и беллетристических приложений к ним предполагается определить писательскую игру Г. Чхартишвили и установить основные мотивы публикации исторического труда под псевдонимом.

Масштабный проект «История Российского государства» публикуется Г.Ш. Чхартишвили под именем Бориса Акунина. На страницах двух текстовых пластов (публицистического и художественного) представлены попытки осмыслить историко-социологические процессы, происходившие в Российском государстве от первых веков его становления и существования до 1917 г. (им заканчивается последний том, вышедший в 2021 г.). Стоит обратить внимание не только на само «авторство», но и на открывающие первый том замечания об отсутствии какой-либо исторической концепции: «Я не выстраиваю никакой концепции. У меня ее нет. Всякий историк, создающий собственную теорию, не может совладать с искушением выпатить удобные для него факты и замолчать либо подвергнуть сомнению все, что в его логику не вписывается. У меня такого соблазна нет» (Акунин, 2013, с. 1–5). Подобное заявление вызывает сомнения. Историю пишут с целью найти ответы на многочисленные вопросы, возникшие в процессе анализа и оценки результатов развития государства. Ответ на эту загадку обнаруживается – что логично для писателя – в заключении последнего тома: «Приступая к работе над писательской (то есть заведомо дилетантской) историей государства, я написал в предисловии, что у меня нет концепции, которую я собираюсь обосновывать и доказывать. Ее действительно не было. Она возникла в процессе чтения и анализа прочитанного» (Акунин, 2021, с. 374). Таким образом, можно заключить, что автор вовлекает своих читателей в очередную текстовую игру, позволяющую, с одной стороны, погрузиться в историю государства, с другой – насладиться захватывающим художественным произведением.

Серия книг «История Российского государства» является не просто очередным профессиональным постмодернистским проектом Чхартишвили-Акунина, но и, как считает литературовед М.А. Черняк, «полной перезагрузкой» в его творчестве. Перед читателями предстает коллективное творчество реального писателя и его альтер эго, скрытого под многочисленными писательскими масками, «представляющими собой ветви одного художественного целого, которые постоянно перекликаются друг с другом, коррелируют, спорят, перекрестно отражаются одна в другой, составляя мозаичное целое» (Черняк, 2015, с. 191).

В самом названии прослеживается отсылка к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, которая была создана в начале XIX в. Как неоднократно отмечалось исследователями, после Карамзина ни один писатель-историк не помышлял о создании подобного сочинения, поэтому выход «Истории Российского государства» Бориса Акунина привлек внимание не только читателей, но и исследователей – и историков, и литературоведов – и вызвал оживленные дискуссии в научных кругах.

Создание подобного исторического труда предполагает не только работу с источниками, материалами, но и демонстрацию непосредственного авторского видения и понимания истории и ее процессов. По мере развития «сюжета» раскрывается оригинальное произведение, основывающееся на общеизвестных фактах, переосмысление которых позволяет автору постепенно приоткрывать единую историческую концепцию. При этом чувствительность писателя к современным литературным тенденциям, общественно-политическим предпочтениям аудитории и в особенности творческим возможностям, вложенным Чхартишвили в литературную маску «Борис Акунин», в совокупности позволяют ему продемонстрировать совершенно новый взгляд на события прошлого в очередном захватывающем эпическом тексте.

Безусловно, в ходе создания «Истории Российского государства» перед Акуниным возник ряд практических и научных проблем, связанных как с содержательным планом (вопросы первоисточников, определение ключевых событий и персоналий), так и с выбором жанра и других формальных критериев для беллетристического приложения, представленного вольными авторскими размышлениями на тему известных исторических сюжетов.

Б. Акунин, разумеется, принимает этот факт и отмечает, что первоначальный замысел серии книг состоит в том, чтобы рассмотреть и охарактеризовать ключевые исторические события, а затем дать ответы на ряд вопросов, позволяющих проследить природу и особенности становления государственности на Руси, а также сопоставить государства прошлые и нынешнее.

На основании подобных рассуждений строится особое авторское видение генезиса нынешнего государства, его связи с Древней Русью. Кроме того, в начале первого тома исторической серии Акунин формулирует основные вопросы о зарождении государственности и государства, ответы на которые последовательно появляются по мере развития его мысли на страницах и исторических, и художественных текстов. Вся идея показать формирование государства, начиная от времен его становления и заканчивая совсем недавним прошлым, пронизана повторяющимися из тома в том вопросами об истоках государственности, о взаимоотношениях с другими странами и культурами, о взаимосвязях между разными периодами развития.

Последующие части ярче раскрывают определенное «авторское» видение отечественной истории: перед читателями предстает процесс становления и развития Российского государства, а рассмотрение истории через призму влияния Запада и Востока (или – в категориях, более точно отражающих

акунинскую модель, – Европы и Азии) позволяет описать его «государствообразующие» особенности. Кроме того, Б. Акунин пытается развенчивать некоторые привычные мифы (демократизм Новгорода, представление Монгольской империи как варварского племени без культуры и обычаев и др.).

Вместе с тем параллельное воспроизведение отдельных исторических событий на страницах художественных текстов позволяет Акунину изобразить альтернативную реальность, показать историю в сослагательном наклонении, трансформировать и исказить время и пространство (как это происходит, например, в единственной в цикле драме «Убить змееныша», где идея выбора и перепутья, на котором страна оказалась в конце XVII в., реализуется в двух развязках, что позволяет читателю задуматься о несостоявшихся возможностях и цене выбора). Подобный диалог исторических и художественных томов, в котором друг с другом взаимодействуют и факты, и их субъективная трактовка, позволяет также говорить об образе автора, присутствующем в тексте.

Писательскую маску можно представить как «синтез самовыражения автора и его перевоплощения из, условно говоря, «реальной» фигуры в художественный образ, функционирующий в пределах текстового пространства» (Осьмухина, 2009, с. 5).

Борис Акунин в настоящее время является яркой новой личностью и практически полностью замещает имя и фамилию своего создателя. Используя псевдоним, новый образ, писатель становится частью своего произведения, подтверждая идею того, что «в художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно» (Тынянов, 1977, с. 269). Получается, писательский образ Акунина у Чхартишвили становится самостоятельной структурно-смысловой единицей произведения, которая одновременно представляет собой и маску, скрывающую писателя, и часть макротекста, где он выступает в роли еще одного субъекта исследования.

Стоит предположить, что подобным образом Чхартишвили строит диалог с читателями: используя различные имена, позволяющие разнопланово раскрывать его писательские таланты, он также учитывает мнения и предпочтения аудитории, коммерческие и политические мотивы. В своих произведениях он с легкостью погружает читателей в постмодернистскую игру, открывая новое направление в современной российской литературе.

Заключение

Рассматривая вопрос о передаче Григорием Чхартишвили Борису Акунину авторства исторического сочинения, следует также учитывать не только творческую сторону, но и прагматическую. Игра Акунин-Чхартишвили продолжается довольно долгое время, бренд «Борис Акунин» завоевал популярность среди читателей, а значит, в случае издания такого масштабного

проекта, затрагивающего актуальные на сегодняшний день темы и проблемы, Григорию Чхартишвили был нужен не профессиональный историк, публицист или издатель, а именно популярный писатель. При создании многотомной истории автор не исключал возможности попытаться структурировать и яснее представить накопленные знания, сопоставительный анализ прошлого и настоящего, позволяющий дать ответы на вопросы, задаваемые днем сегодняшним. Однако даже отдаленно это произведение вряд ли может претендовать на научность и академичность. Г.Ш. Чхартишвили удастся предложить публике легко читаемое увлекательное произведение с множеством сюжетных линий и персоналий, где сам создатель выступает одновременно и в роли героя, скрывающегося за маской автора Б. Акунина, писателя-дилетанта (это самоопределение тоже стоит трактовать с учетом категории постмодернистской иронии), совершающего путешествие в историю и приглашающего читателей последовать за собой.

Список литературы

- Акунин Б. От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы. М.: АСТ, 2013. 448 с.
- Акунин Б. После тяжелой продолжительной болезни: время Николая II. М.: АСТ, 2021. 384 с.
- Архангельская А.В. Игра в Древнюю Русь: жанровые эксперименты Бориса Акунина в повести «Бох и Шельма» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 4. С. 45–52. <http://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-4-45-52>
- Быков Д. Блуд труда. Эссе. СПб.: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2007. 416 с.
- Десятов В.В., Карпухина В.Н. Метафизика детектива (о романе Бориса Акунина «Седмица Трехглазого») // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 134–147. <http://doi.org/10.17223/18137083/66/12>
- Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2009. 496 с.
- Осьмухина О.Ю., Карпов А.Д. Репрезентация исторического процесса в «Истории Российского государства» Бориса Акунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 41–46. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.8>
- Плешкова О.И. Пародическая трансформация жанровых традиций в повести Б. Акунина «Бох и Шельма» // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 446–449.
- Ранчин А.М. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предуведомлением, лирическим отступлением и эпилогом // Новое литературное обозрение. 2004. № 3 (67). С. 235–267.
- Снигирева Т.А., Подчиненов А.В., Снигирев А.В. Специфика дискурсивных практик в проекте Б. Акунина «История Российского государства» // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2016. № 3. С. 162–170. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.18>
- Снигирева Т.А., Снигирев А.В. Б. Акунин: игра с именем (на материале беллетристических сопровождений к «Истории Российского государства») // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 234–242.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–269.
- Черняк М.А. Актуальная словесность XXI века: приглашение к диалогу. М.: Флинта; Наука, 2015. 232 с.

- Baraban E.V.* A country resembling Russia: the use of history in Boris Akunin's detective novels // Special Forum Issue: Innovation Through Iteration: Russian Popular Culture Today. 2004. Vol. 48. No. 3. Pp. 396–420. <https://doi.org/10.1515/9781618112231-040>
- Baraban E.V.* The Akunin project: the mysteries and histories of Russia's bestselling author. University of Toronto Press, 2021. 372 p.
- Gorski B.A.* Authors of success: cultural capitalism and literary evolution in contemporary Russia (Doctoral dissertation). Colombia University, 2018. Pp. 38–83. <https://doi.org/10.7916/D8RZ0JWS>
- Kilfoy D.J.* When and where? Time and space in Boris Akunin's Azazel and Turetskii Gambit (Master's dissertation). Waterloo, Ontario, 2007.

Сведения об авторе:

Елфимова Мария Геннадьевна, аспирант, кафедра истории русской литературы, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0000-0001-6984-9406. E-mail: mashaelfimova@mail.ru

КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-237-246

EDN: PGADQS

УДК 82.01

Научная статья / Research article

**Перевод и критика произведений Л.Н. Толстого
в Шанхае начала XX в.**

М. Ян

*Шанхайский университет Цзяотун,
Китайская Народная Республика, 200240, Шанхай, ул. Дунчуань, д. 800*
✉ yangmm06@sina.com

Аннотация. Анализируются перевод, распространение и критика произведений Л.Н. Толстого в среде шанхайской интеллигенции начала XX в. Восстанавливается социально-исторический контекст Китая первых двух десятилетий XX в., перечисляются произведения Л.Н. Толстого, переведенные на китайский язык и изданные в Шанхае, а также критические статьи о писателе, опубликованные в различных шанхайских журналах и газетах. Раскрываются психологическая мотивация и реалистичная цель китайских переводчиков и критиков. Рассматривается выдающийся вклад Шанхая в популяризацию Л.Н. Толстого и продвижение китайского толстовства.

Ключевые слова: рецепция, анализ, мотивация, журналы, толстовство

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 февраля 2023 г.; отрецензирована 12 апреля 2023 г.; принята к публикации 14 апреля 2023 г.

Для цитирования: Ян М. Перевод и критика произведений Л.Н. Толстого в Шанхае начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 237–246. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-237-246>

© Ян М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Translation and criticism of the works of Leo Tolstoy in Shanghai at the beginning of the 20th century

Minmin Yang

Shanghai Jiaotong University,
800 Dongchuan St, Shanghai, 200240, People's Republic of China
✉ yangmm06@sina.com

Abstract. The translation, dissemination, and criticism of Leo Tolstoy's works by Shanghai intellectuals in the early 20th century are discussed. The author restores the unique social and historical context in China in the first two decades of the 20th century, combs Tolstoy's works published in Shanghai and critical articles about the writer published by various newspapers and periodicals, revealing the psychological dynamics and reality of these translators and critics, and summarizes Shanghai's outstanding contributions to the dissemination of Tolstoy and the promotion of Tolstoy's research in China.

Keywords: reception, analysis, motivation, journals, Tolstoyan movement

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted 2022, 7 February; revised 2023, 12 April; accepted 2023, 14 April.

For citation: Yang, M. (2023). Translation and criticism of the works of Leo Tolstoy in Shanghai at the beginning of the 20th century. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 237–246. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-237-246>

Введение

С момента своего открытия в 1843 г. Шанхай быстро стал экономическим, культурным и издательским центром Китая благодаря собственным экономическим и географическим преимуществам. Будучи «пристанью» для культурных обменов между Китаем и миром, он превратился в место, где было переведено и издано большое количество зарубежных литературных произведений в XX в., что является не только заметным событием в процессе формирования международного мегаполиса, но и привлекательным культурным феноменом на особом социально-историческом фоне.

На рубеже XIX–XX вв. в контексте культурной трансформации китайского общества от «обучения у древних» к «учебе у запада», с помощью «прилива западных научных знаний на восток» русская литература была переведена на китайский язык и стала «наставником и другом» (Лу Сюнь, 1932, с. 2) для китайской интеллигенции, которая считала, что «идти по пути русских» – это рецепт спасения страны. Более того, великий китайский писатель Лу Синь придал переводу русской литературы особое значение «контрабанды оружия восставшим рабам» (Го Баоцюань, 1981, с. 370). В связи

с этим произведения Л.Н. Толстого, признанного в качестве наиболее представительного русского писателя, начали представлять китайским читателям. Шанхайские переводчики и издательства внесли выдающийся вклад в распространение произведений писателя в Китае.

Обсуждение

Период поздней династии Цин

В 1900 г. в книге «Общий обзор российской политики и обычаев» (《俄国政俗通考》) впервые появилось имя Л.Н. Толстого, а также кратко было рассказано о его жизни и творчестве: «...В юности он бросил Казанский университет... и отправился в Крым на военную службу. После окончания войны в 1856 г. ушел в отставку и начал писательскую деятельность. Его лучшая работа – «Война и мир», повествующая о вторжении Наполеона в Россию в 1812 г. Этот роман был очень популярен в России...» (Чэнь Цзяньхуа, 2007, с. 162.), «Обзор» был издан Шанхайским обществом академического расширения (上海广学会), переведен с английского труда «Россия и ее народ» (Russia and Its People) американским миссионером Джоном Алленом мл. (林乐知) и Жэнем Тинсюем (任廷旭), переводчиком поздней династии Цин. Это положило начало истории распространения Л.Н. Толстого в Китае. Любовь китайского народа к писателю проистекает из его духа гуманизма и программы нравственного самосовершенствования личности. На протяжении столетия его произведения оказывали огромное влияние на китайских интеллигентов.

Еще в начале XX в. мысли и творения Л.Н. Толстого привлекли внимание китайских интеллигентов. Шанхайские издания сыграли жизненно важную роль в популяризации Л.Н. Толстого. В 1904 г. Ханьцюаньцзы (寒泉子) опубликовал «Биографию Л.Н. Толстого и его мысли» (《托尔斯泰略传及其思想》) в «Всемирном коммюнике» (《万国公报》) в Шанхае. В этой статье автор кратко познакомил с жизнью писателя, назвал Л.Н. Толстого «религиозным революционером», «человеком, восставшим против русской действительности», «способным изменить значение религии в мире». Автор указал, что идеи Л.Н. Толстого «отличаются от таких старых религий, как христианство и буддизм». Это новая религия, основанная на реальности русского общества, и социальная доктрина, озабоченная судьбой нации и человечества и выступающая за мир (Ханьцюаньцзы, 1904, с. 25).

В 1904 г. известный китайский филолог и историк Ван Говэй (王国维) стал главным редактором «Мира образования» (《教育世界》), первого образовательного журнала в Китае, который был основан в Шанхае в 1901 г. В начале своей деятельности он перевел и опубликовал эссе «Обзор современной науки графа Л.Н. Толстого» (《脱尔斯泰伯爵之近世科学评》), в котором Л.Н. Толстой был назван «великим русским писателем и современным мыслителем» и говорилось о желании писателя, чтобы люди увлеклись нравственностью, а не материальной цивилизацией» (Ван Говэй, 1904, с. 93). В 1905 г. рассказ «Рубка леса» был переведен с японского на китайский язык и опубликован в № 8, 10 и 19 «Мира образования». Ван Говэй, скорее всего,

принимал участие в переводе и правке текста. В 1907 г. он опубликовал «Биографию Л.Н. Толстого» (《脱尔斯泰传》), самую подробную из серии восьми биографий европейских литераторов, опубликованных в «Мире образования». Эта биография объемом 20 000 слов впервые дала китайцам полное представление о жизни и творчестве писателя. Текст состоит из 13 разделов: «Введение», «История рода», «Учеба», «Военная служба», «Литературное творчество», «Проблемы религии», «Взгляды на сельское хозяйство», «Взгляды на образование», «Выступления», «Семья», «Облик», «Общение и рассуждения» и «Неизвестные истории». В нем рассматриваются трилогия «Детство», «Отрочество» и «Юность», романы «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение», повести «Казаки», «Исповедь» и др. Ван Говэй восхищался, что Л.Н. Толстой был не только великой фигурой России, но и великой фигурой всего мира; не только героем своего времени, но и героем на протяжении веков, с ним сравнимы только Шекспир, Данте и Гете. Ван Говэй указал, что три романа – монументальные шедевры, получившие широкое признание на литературной арене мира, и только «Фауст» Гете, пьесы Шекспира и «Божественная комедия» Данте имеют такую же репутацию, как они. Ван Говэй отметил, что роман «Война и мир» отличается от обычных исторических романов своей манерой, на самом деле он посвящен философии войны. Только писатель, который проник в душу человека и увидел ожесточенную борьбу внутри, смог понять глубину такой философии (Ван Говэй, 1907, с. 67, 76–77). А Левин в «Анне Карениной» – воплощение самого писателя. В «Биографии» также обсуждается смысл принципа «непротивления злу насилием» и влияние мысли Лао-цзы на писателя. Ван Говэй высоко оценил Толстого потому, что он сам «ценит правду в литературе и считает ее жизнью произведения», подчеркнув, что только тот, кто стремится к правде искусства, может стать самым лучшим писателем, а в Л.Н. Толстом он нашел такого рода правду.

В 1906 г. служащий в Шанхае мыслитель Гу Хунмин (辜鸿铭), легендарная личность в истории Нового времени Китая, поручил генеральному консулу России в Шанхае Л. Бродянскому переслать Л.Н. Толстому свою книгу «Писания вице-короля Йемен» (Papers from a viceroy's Yame, 《尊王篇》) и брошюру «Ныне цари разумеете. Моральные причины русско-японской войны» (Ex nunc, reges, intelligete. The moral causes of the Russo-Japanese War, 《当今, 皇帝们, 请深思! 论日俄战争的道德原因》). Получив книги Гу Хунмина, Л.Н. Толстой не только отправил ему свои произведения, но и опубликовал ответное письмо под названием «Письмо к китайцу», принадлежащее к лучшим образцам поздней толстовской публицистики и содержащее размышления об истории человечества с позиции религиозно-нравственного учения писателя. В письме он осудил империалистическую агрессию против Китая и выразил свое восхищение китайской классической культурой. «Письмо» было переведено на китайский язык в 1907 г. и напечатано в 1911 г. в первом номере журнала «Восток» (《东方》), оказало влияние на китайскую общественную мысль того времени. В августе 1908 г. шанхайские деятели культуры отмечали 80-летие писателя, и Гу Хунмину было поручено составить поздравление. Он восхвалял Л.Н. Толстого как

«мастера современной литературы, который своим искренним сердцем воспитывает людей, чтобы все могли идти по правильному пути», и интерпретировал толстовство в свете конфуцианства, утверждая, что только учение Толстого «спасет мир от хаоса» и «восстановит испорченный мир и вернет его первоначальный вид» (Гу Хунмин, 1996, с. 234).

В эти годы ряд произведений Л.Н. Толстого был переведен и опубликован в Шанхае. Опираясь на «Рассказы Л.Н. Толстого» (Tales from Tolstoi), составленные и переведенные на английский язык Нисбетом Бенном (Robert Nisbet Bain), немецкий миссионер Иммануил Готтлиб Генаер (Immanuel Gottlieb Genaehr, китайское имя Е Даошэн – 叶道胜) и китайский переводчик Май Мэйшэн (麦梅生) перевели на китайский язык рассказы «Хозяин и работник», «Много ли человеку земли нужно», «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил», «Упустишь огонь – не потушишь», «Свечка», «Где любовь, там и Бог» и опубликовали их в шанхайской газете «Миссионерский обзор» и «Всемирном коммюнике» с 1905–1907 г. Позже они перевели рассказы «Два старика», «Чем люди живы», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Зерно с куриное яйцо», «Три старца» и «Крестник», составили сборник под названием «Религиозные рассказы Л.Н. Толстого» (《托氏宗教小说》), который был издан в Японии и переиздан Шанхайским обществом академического расширения в 1908 г. Эта книга является первым однотомным переводом произведений писателя в Китае.

В 1910 г. Л.Н. Толстой скончался. В память о великом писателе был опубликован ряд статей в шанхайских изданиях, например в газете «Шэньчжоуский ежедневник» (《神州日报》), журнале «Восток» и т. д. В следующем году в «мире образования» была опубликована «Краткая биография великого русского писателя Л.Н. Толстого» (《俄大文豪托尔斯泰小传》), в «Востоке» – «Гуманизм Л.Н. Толстого» (《托斯道氏之人道主义》). В этих статьях выражаются глубокие воспоминания и искренняя любовь китайского народа к великому писателю.

Период от Синьхайской революции до Движения 4 мая

В 1911 г. разразилась Синьхайская революция (辛亥革命), свергнув авторитарную монархию династии Цин, и идеи Просвещения получили широчайшее распространение, концепция демократии и республиканизма стала глубоко укореняться в сердцах китайцев. В 1915 г. Чэнь Дусю (陈独秀) основал в Шанхае журнал «Новая молодежь» (《新青年》) (первоначальное название «Молодежный журнал», 《青年杂志》), положив начало движению «Новая культура» (新文化运动), которое является антифеодальным идеологическим освободительным движением, инициированным передовой интеллигенцией Китая. Лидеры движения выкрикивали лозунги демократии и науки, а также энергично пропагандировали новую мораль и новую литературу. На фоне того, что китайское общество изголодалось по передовой западной культуре, процветали переводческая и издательская деятельность в Шанхае. В ответ на настойчивые требования новой китайской культуры и литературы возникла беспрецедентная «лихорадка русской литературы»,

в результате чего произведения Л.Н. Толстого начали массово поступать в Китай. В 1913 г. в журнале «Прогресс» (《进步》) был опубликован фрагмент «Воскресения», переведенный Таймином (太溟) и Тямином (曼鸣). Это была первая попытка китайцев перевести роман Л.Н. Толстого.

Ограничиваясь тем, что в то время мало кто владел русским языком, большинство ранних китайских переводчиков главным образом переводили произведения Л.Н. Толстого с английского, японского, немецкого и других языков вместо русского оригинала. Они отказались от дословного перевода, а смело сокращали и переписывали текст, стремясь к простоте и красоте перевода. Среди них были Ма Цзюньву (马君武), Линь Шу (林纾) и др.

Ма Цзюньву – известный китайский переводчик и педагог первой половины XX в., который на протяжении всей жизни считал своей миссией введение достижений западной цивилизации ради спасения Родины. Он овладел английским, французским, немецким и японским языками в совершенстве, много переводил западные труды по естественным, общественным наукам и литературе. Его переводы были ясны, свободны и элегантны, полностью отражали оригинальный стиль. В 1914 г. первая часть «Воскресения», переведенная им с немецкого языка, была издана Китайским книжным бюро (中华书局) в Шанхае. В 1915 г. «Люцерн», тоже переведенный им с немецкого языка, был опубликован в шанхайском журнале «Великий Китай» (《大中华》) под редакцией Ляна Цичао (梁启超). Он переводил оба романа путем перевода-пересказа, значительно уменьшая оригиналы. Кроме того, Ма Цзюньву основал Шанхайский университет Дася (大夏大学) – предшественник Восточно-Китайского педагогического университета, который стал одним из исследовательских центров Л.Н. Толстого в Китае с конца 70-х гг. XX в.

Линь Шу был самым влиятельным переводчиком поздней династии Цин. Хотя он не знал никаких иностранных языков, но перевел более 180 шедевров европейской литературы, которые оказали беспрецедентное влияние на китайский народ того времени. Его переводческая деятельность в значительной степени способствовала развитию новой китайской литературы, ознаменовала новую отправную точку в истории китайского перевода, имела огромное значение для пробуждения национального самосознания китайского народа и продвижения просветительского движения конца династии Цин. Почти все его переводы русской литературы были сосредоточены на произведениях Л.Н. Толстого, который занимал первое место среди переведенных им писателей. Его переводы были выполнены совместно с Чэнь Цзялинь (陈家麟), имели особый, изысканный колорит и очень ценились китайскими читателями, хотя и выполнялись с английского. Следует отметить, что все эти переводы были изданы или опубликованы в Шанхае. Например, крупнейшее издательство в Китае того времени «Коммерческая пресса» (商务印书馆), основанное в Шанхае в 1897 г., выпустило в свет два сборника произведений Л.Н. Толстого и трилогию «Детство», «Отрочество» и «Юность» (1918), которые перевели Линь Шу и Чэнь Цзялинь. В сборник рассказов «Карма России» (《罗刹因果录》), изданный в 1915 г., вошли «Два старика», «Набег», «Крестник», «Чем люди живы», «Ильяс», «Три

старца» и «Упустишь огонь – не потушишь». А в сборник повестей «Голоса и тени общества» (《社会声影录》), изданный в 1917 г., вошли «Два гусара» и «Утро помещика». В шанхайском «Ежемесячнике прозы» также был напечатан ряд таких переводов Линь Шу, как «Люцерн» и «Смерть Ивана Ильича» в 1917 г., «Крейцера соната» и «Семейное счастье» в 1919 г., «Записки маркера», «Альберт» и «Кавказский пленник» в 1920 г.

Среди переводов произведений Л.Н. Толстого того времени перевод «Трилогии» Линь Шу и перевод «Воскресения» Ма Цзюньву были признаны классическими. Кроме того, в 1915 г. «Коммерческая пресса» также выпустила «Два гусара» (переводчик Чжу Дунжунь, 朱东润) и «Хозяин и работник» (переводчик Сюэшэн, 雪生). В 1917 г. Китайское книжное бюро выпустило «Севастопольские рассказы» (переводчик Чжу Дунжунь) и «Анну Каренину» (переводчики Чэнь Цзялинь и Чэнь Дадэн, 陈大镡).

Шанхайские газеты и журналы, такие как «Ежемесячник прозы» (《小说月报》), «Мир китайской прозы» (《中华小说界》), «Прогресс», «Проза Таймс» (《小说时报》) и другие, тоже внесли выдающийся вклад в распространение произведений Л.Н. Толстого. В них были опубликованы «Много ли человеку земли нужно», переводчик Тяньсяошэн (天笑生, 1914), «Суббота», переводчик Чжоу Сяоцзюань (周瘦鹃, 1914), «Живой труп», переводчики Чэн Шэн (程生, 1917) и Ся Лэй (夏雷, 1917), «Емельян и пустой барабан» переводчик Чжоу Цзожэнь (周作人, 1918) и др.

Согласно имеющимся данным, накануне Движения 4 мая (五四运动) 1919 г. в Китае было переведено более 30 произведений Л.Н. Толстого. На китайский язык оказались переведенными почти все известные произведения писателя, за исключением романа «Война и мир». Это уникальное явление в истории перевода иностранной литературы в Китае того времени. В этом отношении «Коммерческая пресса», Китайское книжное бюро и другие шанхайские издательства, а также «Ежемесячник прозы» и прочие шанхайские журналы и газеты сыграли решающую роль.

По мере того, как все больше произведений Л.Н. Толстого переводилось на китайский язык, понимание писателя китайской интеллигенцией также углублялось, и в самых влиятельных изданиях Шанхая начали публиковать статьи, посвященные его идейно-творческой эволюции. К примеру, в «Новой молодежи» были напечатаны «Уход Л.Н. Толстого» (《托尔斯泰之逃亡》 1915) Юфи (汝非) и «Жизнь и творчество Л.Н. Толстого» (《托尔斯泰之生平及其著作》 1917) Линьшуана (凌霜); журнал «Образование» (《教育杂志》) опубликовал статью «Л.Н. Толстой как учитель начальной школы» (《小学教师之托尔斯泰》 1917) Тайсюаня (太玄); в журнале «Восток» были напечатаны «Великие религиозные реформаторы Л.Н. Толстой и Мартин Лютер Кинг» (《宗教改革伟人托尔斯泰之与马丁路得》 1918) Тянькуана (天颺), «Толстой и революция» (《托尔斯泰与革命》) неизвестного автора и «Взгляд Толстого на жизнь» (《托尔斯泰之人生观》 1919) Чэня Фугуана (陈复光); в «Новом образовании» (《新教育》) опубликовали «Взгляд Толстого на жизнь» (《托尔斯泰人生观》 1919) Цзяна Мэнлиня (蒋梦麟); в журнале

«Ученики» была напечатана статья «Толстой и сегодняшняя Россия» (《托尔斯泰与今日之俄罗斯》 1919) Яньбиня (雁冰) и др.

В этих статьях авторы обсуждали вопросы о мировоззрении и творчестве писателя с разных точек зрения. Юфи подробно рассказал о маршруте последнего путешествия Л.Н. Толстого и изложил причины его ухода. Линшуан и Яньбинь интерпретировали смысл и ценность творчества писателя. Линшуан считал, что величие Толстого заключается в его «гуманитарном духе», «призыве к миру», «правде и братстве» (Чэнь Цзяньхуа, 2009, с. 22). Яньбинь отметил, что влияние Л.Н. Толстого на Россию и весь мир связано с его идеями «социальной справедливости», «обыкновенной жизни», «искусства, понятного массам», и того, что «война не путь к миру» (Яньбинь, 1919, с. 50, 52). Чэнь Фугуан и Цзян Мэнлинь анализировали мировоззрение писателя. Опираясь на идеи Конфуция (孔子) и древнекитайского философа Ван Янмина (王阳明), Чэнь Фугуан объяснил, что по мнению Толстого счастье жизни заключается в самопожертвовании и братстве; а Цзян Мэнлинь указал, что Толстой разделил реальную жизнь на «рациональную жизнь», означающую «братство», «самозабвение» и «служение людям», и «плоскую жизнь», означающую «эгоизм», «ограбление» и «убийство». Тянькуан назвал Л.Н. Толстого «великим религиозным реформатором», сравнил его с Мартином Лютером Кингом, рассмотрел борьбу писателя с Православной церковью и перечислил его мероприятия по религиозной реформе. Вышеупомянутые статьи были посвящены биографии, творчеству, философским и эстетическим взглядам писателя, а также в большей степени определили направление и колорит китайского толстоведения.

Заключение

Первые два десятилетия XX в. были первым бумом в истории переводов произведений Л.Н. Толстого в Китае, когда выбор переводчиками произведений в большей степени основывался на их морально-этических ценностях и религиозно-философских идеях. Это было не только результатом проецирования традиционного сознания китайских интеллигентов на чужом, но и попадало в их ожидаемый диапазон, чтобы рассматривать литературу как некий мощный инструмент для участия в процессе социального развития и очищения души людей. После Октябрьской революции 1917 г. передовые китайские интеллигенты стали обращать свой взор на Советскую Россию, понимая, что только «идя по пути русских», возможно спасти страну и народ. На этом фоне русская литература быстро стала самой популярной и востребованной по сравнению с литературой других стран, и произведения Л.Н. Толстого привлекли к себе больше внимания, получили более широкое распространение и глубокое чтение. В этом отношении Шанхай всегда играл беспрецедентную роль.

В 20-е гг. XX в., с появлением группы молодых шанхайских переводчиков, свободно владевших русским языком, таких как Цюй Цюбай (瞿秋白), Гэн Цичжи (耿济之) и других, качество и количество переводов произведений Л.Н. Толстого значительно повысились. Исходя из этого китайские

ученые начали расширять диапазон своих исследований, размышлять и интерпретировать взгляды писателя на искусство, философию, образование, женщин, делать анализ его конкретных произведений и т. д. В последующие десятилетия в Шанхае родились такие выдающиеся переводчики, критики и исследователи, как Цао Ин (草婴), Ван Чжилян (王智量), Лу Цзилян (娄自良), Ни Жуйцин (倪蕊琴) и Чэнь Цзяньхуа (陈建华), вышли в свет переводческие версии собрания сочинений, отдельных произведений писателя и монографии о его творчестве. Шанхай заслуженно стал центром переводов и исследования творчества Л.Н. Толстого в Китае.

Именно благодаря неустанным усилиям культурной элиты Шанхая, а также творчеству самого Л.Н. Толстого были удовлетворены основные психологические потребности китайской интеллигенции. Он очень рано стал самым популярным русским писателем среди китайских читателей и духовным кумиром китайской интеллигенции на протяжении столетия.

Список литературы

- Ван Говэй.* Биография Л.Н. Толстого // Мир образования. 1907. № 143. С. 67–90. [王国维: 《脱尔斯泰传》, 《教育世界》, 1907年第143期, 第67-90页]
- Ван Говэй.* Обзор современной науки графа Л.Н. Толстого // Мир образования. 1904. № 21. С. 93–100. [王国维: 《脱尔斯泰伯爵之近世科学评》, 《教育世界》, 1904年第21期, 第93-100页]
- Го Баоцюань.* Место Лу Синя в мировой литературе // Ежегодник исследований Лу Синя. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 1981. С. 367–382. [戈宝权: 《鲁迅在世界文学上的地位》, 《鲁迅研究年刊》, 1981年, 第367-382页]
- Гу Хунмин.* Собрание сочинений Гу Хунмина. Т. 1. Хайкоу: Хайнаньское издательство, 1996. [辜鸿铭: 《辜鸿铭文集》(上), 海口: 海南出版社, 1996年, 602页]
- Лу Сюнь.* Поздравления с обменом китайской и русской письменности // Литературный ежемесячник. 1932. Т. 1. № 5/6. С. 1–3. [鲁迅: 《祝中俄文字之交》, 《文学月报》, 1932年第1卷, 第5/6期, 第1-3页]
- Ханьцюаньцзы.* Биография Л.Н. Толстого и его мысли // Всемирное коммюнике. 1904. № 190. С. 25–33. [寒泉子: 《托尔斯泰略传及其思想》, 《万国公报》, 1904年第190期, 第25-33页]
- Чэнь Цзяньхуа.* Влияние литературы: Л.Н. Толстой в Китае. Наньчан: Изд-во вуза Цзянси, 2009. [陈建华: 《文学的影响力 - - 托尔斯泰在中国》, 南昌: 江西高校出版社, 2009年, 273页]
- Чэнь Цзяньхуа.* Об истории изучения русской и советской литературы в Китае. Т. 3. Чунцин: Чунцинское издательство, 2007. [陈建华: 《中国俄苏文学研究史论》(卷三), 重庆: 重庆出版社, 2007年, 432页]
- Яньбинь.* Толстой и сегодняшняя Россия // Ученики. 1919. Т. 6. № 6. С. 43–52. [雁冰: 《托尔斯泰与今日之俄罗斯》, 《学生》, 1919年第6卷第6期, 第43-52页]

References

- Chen Jianhua. (2007). *On the history of the study of Russian and Soviet literature in China* (vol. 3). Chongqing: Chongqing Publishing House. (In Chin.)
- Chen Jianhua. (2009). *The influence of literature: L.N. Tolstoy in China*. Nanchang: Jiangxi University Press. (In Chin.)
- Gu Hongmin. (1996). *Collected works of Gu Hongming* (vol. 1). Haikou: Hainan Publishing House. (In Chin.)
- Guo Baoquan. (1981). Lu Xun's place in world literature. *Lu Xun's Research Yearbook* (pp. 367–382). Beijing: Peking University Press. (In Chin.)
- Hanquanzi. (1904). Biography of L.N. Tolstoy and his thoughts. *World Communiqué*, (190), 25–33. (In Chin.)
- Lu Xun. (1932). Congratulations on the exchange of Chinese and Russian writing. *Literary Monthly*, 1(5/6), 1–3. (In Chin.)
- Wang Goweï (1907). Biography of L.N. Tolstoy. *The World of Education*, (143), 67–90. (In Chin.)
- Wang Goweï. (1904). Review of modern science by Count L.N. Tolstoy. *The World of Education*, (21), 93–100. (In Chin.)
- Yanbin. (1919). Tolstoy and today's Russia. *Students*, 6(6), 43–52. (In Chin.)

Сведения об авторе:

Ян Минмин, доктор филологических наук, профессор кафедры французского и русского языков, Шанхайский университет Цзяотун, Китайская Народная Республика, 200240, Шанхай, ул. Дунчуань, д. 800. ORCID: 0000-0002-3999-4757. E-mail: yangmm06@sina.com

Bio note:

Minmin Yang, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of French and Russian Languages, Shanghai Jiaotong University, 800 Dongchuan St, Shanghai, 200240, People's Republic of China. ORCID: 0000-0002-3999-4757. E-mail: yangmm06@sina.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-247-255
EDN: PGDGGF
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Исследование романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в Китае: история и современность

Ц. Ван

*Нанькайский университет,
Китайская Народная Республика, 300071, Тянь Цзинь, Нанькайский район, Вэй Цзинь, д. 94*
✉ 15212220464@163.com

Аннотация. Предпринята попытка систематизации и обобщения работ китайских филологов, посвященных роману «Жизнь и судьба» В. Гроссмана. Рассматриваются разные версии перевода на китайский язык. Представлены два этапа формирования новых аспектов изучения романа. Показано развитие исследований романа в китайской науке, отношении к роману в кругах китайских ученых и место романа в китайской литературоведении. Сделан вывод о том, что исследование произведения В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в Китае началось достаточно рано и в наши дни переживает новый подъем. Однако китайским ученым следует выделить свою собственную позицию относительно творчества Гроссмана вместо того, чтобы следовать российским или западным исследованиям.

Ключевые слова: рецепция, перевод, китайские исследования, литературная критика, межкультурный диалог

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 февраля 2023 г.; отрецензирована 12 апреля 2023 г.; принята к публикации 14 апреля 2023 г.

Для цитирования: Ван Ц. Исследование романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в Китае: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 247–255. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-247-255>

The study on Grossman's *Life and Fate* in China: history and present advance

Qingle Wang

*Nankai University,
94 Wenjin Rd, Tianjin, 30071, People's Republic of China*
✉ 15212220464@163.com

Abstract. The author attempts to systematize and summarize the review works of Chinese philologists devoted to Grossman's *Life and Fate*. Different Chinese translation versions of the novel are listed and two stages and three aspects of the study on this novel in China are

© Ван Ц., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

elaborated. The author describes how the study on *Life and Fate* has developed in China, how scholars in Chinese academic circles view this novel, and what place this novel occupies in Chinese literary criticism. It is concluded that the study of *Life and Fate* began early enough in China and nowadays is experiencing a new rise. However, Chinese scholars should hold their own point of view on Grossman's works instead of following Russian or Western scholars' viewpoint.

Keywords: reception, translation, literary criticism, intercultural dialogue

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 7, 2023; revised April 12, 2023; accepted April 14, 2023.

For citation: Wang, Q. (2023). The study on Grossman's *Life and Fate* in China: History and present advance. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 247–255. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-247-255>

Введение

Василий Гроссман (1905–1964) – известный советский писатель XX в. За свою жизнь Гроссман написал множество прекрасных литературных произведений, среди которых – повести «В городе Бердичеве» и «Все течет», «Старый учитель» и другие военные рассказы и очерки. Однако в Китае наиболее высоко ценится его роман «Жизнь и судьба». В первые годы в китайском академическом кругу изучение романа «Жизнь и судьба» было почти равносильно изучению творчества В. Гроссмана. Данная работа касается как переводов романа, так и этапов его изучения в Китае, и разделяет исследования на три направления индукции и рекомендации.

Обсуждение

Версии перевода

Роман «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, заверченный в 1961 г., прошел через множество перипетий, прежде чем был опубликован в швейцарской Лозанне в 1980 г. Только спустя восемь лет он вернулся в Советский Союз. Но уже в 1989 году вышел в свет перевод романа на китайский язык. Только в период с 1989 по 1993 г. было выпущено четыре разных перевода романа: 1. «Выживание и судьба» (два тома) (1989), перевод Ян Юнсин и Чжэн Хэйлинг, опубликованный Рабочим издательством (Workers' Publishing House); 2. «Жизнь и судьба» (1989), перевод Ван Фузэн, Ли Ючжэнь и Сунь Вэйтао, опубликованный Издательством китайской дружбы (China Friendship Press); 3. «Жизнь в ветрах и дождях» (1991), перевод Ли Ганг, опубликованный издательством Лицзян (Li Jiang Publishing House); 4. «Жизнь и судьба» (1993), перевод Вен Бенце, Лу Чжаомин, Фэн Цзэньи и Цао Говэй, опубликованный Шанхайским издательством переводов (Shanghai Translation Publishing House). Позже, в новом веке, были переизданы переводы Ян Юнсин и Чжэн Хэйлинг «Выживание и судьба» и Ли Ганг «Жизнь в ветрах и дождях». Объединенная версия перевода Ян Юнсин и Чжэн Хэйлинг сохранила за собой название «Выживание и судьба» (2015), а версия перевода Ли Ганг была переименована в «Жизнь и судьба» (2015). По сравнению с предыдущими изданиями, в переизданной версии «Жизнь и судьба» (2015) было добавлено новое пре-

дисловие, написанное медиаписателем Лян Вэньдао. В предисловии Лян высоко отозвался о романе «Жизнь и судьба», сказав: «Я представляю книги в печатных и электронных СМИ более 20 лет, но я редко сталкивался с таким произведением, как „Жизнь и судьба“, и я чувствую, что рекомендовать его – это моральное обязательство, которого я не могу избежать» (Лян Вэньдао, 2015, с. 3). Популярность данного произведения на рынке нельзя отделить от авторитетности и похвалы Лян Вэньдао. В данную версию «Жизни и судьбы» также включено введение переводчика Роберта Чандлера, который перевел роман «Жизнь и судьба» на английский язык. Он сказал: «Василий Гроссман и его книги говорили за тех, кто лежит в земле» (Чандлер, 2016, с. 1). Кроме того, Роберт Чандлер написал биографию Василия Гроссмана. Но никто еще не написал биографию Василия Гроссмана в Китае. Можно заметить, что знаний о творчестве В. Гроссмана в Китае пока недостаточно, а имеющиеся опираются на результаты исследований зарубежных ученых.

Два этапа исследования романа «Жизнь и судьба»

Как уже упоминалось, по сравнению с российскими и европейскими академическими кругами в Китае относительно мало исследовательских материалов по роману В. Гроссмана «Жизнь и судьба». С момента его перевода на китайский язык в 1980-х гг. рецензирование романа можно условно разделить на два этапа. На первом исследовательская работа в основном носит описательный и рекламный характер. Сложный сюжет, многочисленные персонажи и композиция рассматриваются в данных работах. Второй фокусируется на расширении внешних исторических фактов, связанных с произведением, углубляясь во внутренние детали, объясняя и комментируя жизненный опыт автора, художественные приемы и идеологическую коннотацию, а также переоценку общей художественной ценности текста. Результаты первого этапа зачастую встречаются в историях литературы или литературных словарях, в то время как результаты второго – представлены в виде независимых исследовательских статей.

Научные изыскания первого этапа в основном сосредоточены на содержании произведения, описании его общей структуры. Высоко оценивая «Жизнь и судьбу», некоторые ученые неоднозначно оценивают его идеологическую составляющую, а подчас даже отвергают или критикуют некоторые идеи. Например, в «Словаре оценки шедевров современной мировой литературы» Янь Юнсин утверждает: «Мы, конечно, не обязательно принимаем идеи, которые В. Гроссман выдвигает в этой книге, как нормативные. Но, учитывая грандиозную структуру его работы, сложность событий и глубину выводов, эти почести не являются лестными» (Толковый словарь..., 1991, с. 239). В «Краткой истории литературы XX века» под редакцией У Юаньмай также отмечается: «В данной работе В. Гроссман осуждает Гитлера и представляемый им фашизм, а также Сталин и советская социалистическая система под его руководством (независимо от того, сколько в ней было серьезных ошибок) одинаково осуждаются как экстремизм, что заведомо несправедливо и необъективно, а потому неправильно» (Краткая история..., 2013, с. 545). В своей книге «Незабываемый Гроссман» Вэнь Минь также утверждает: «[Роман] „Жизнь и судьба“ не идеален. Самый большой провал

заключается в том, что в нем проводится неосмотрительная и простая аналогия между Сталиным и Гитлером, Советским Союзом и Германией во время войны, а также между двумя партиями» (Вэнь Минь, 2000, с. 137). Однако, по словам Вэнь Миня, «предвзятость автора как-то связана с крайней неразберихой в Советском Союзе» (Вэнь Минь, 2000, с. 137). В книге «Размораживание и возвращение литературы» автор выступил с более резкой критикой идеологического подтекста, показанного в «Жизни и судьбе», утверждая, что, «хотя в качестве фона в ней рассматривается Сталинградская битва, это самое раннее всестороннее отрицание советской социальной системы и истории со времен Октябрьской революции, Сталина и даже Ленина. Это создает очень плохой прецедент для литературных работ, вышедших в конце 1980-х и после, которые полностью отвергали Сталина, Ленина и достижения Советского Союза» (Тан Делинг, 2001, с. 97). Противоположная точка зрения представлена восхвалением глубоких и просветляющих идей в «Жизни и судьбе», однако отмечается, что художественная техника романа не является зрелой. Типичной является критика Цяо Юя, которая была включена в книгу «Подробное объяснение запрещенных книг». Цяо Юй утверждает: «Структурный замысел, формирование образа и развитие сюжета романа не достигли тех высот, которые присущи превосходным романам, раскрывающим запреты. Важная причина, по которой он ценится людьми, заключается в том, что идеи, которые он выражает, довольно глубоки и поучительны» (Лян Шаньси, 1993, с. 101).

На втором этапе исследователи проявили более глубокое понимание «Жизни и судьбы», что сопровождается более высокой оценкой данной работы. Исследователи попытались включить «Жизнь и судьбу» в канон русской литературы, поставив В. Гроссмана, которого когда-то не замечали, в один ряд с лауреатами Нобелевской премии, такими как А. Солженицын, М. Шолохов и Б. Пастернак. Например, Лю Вэньфэй во время лекции в книжном магазине «Одностороннее пространство» (One Way Space) в Пекине, включенной в «Сборник выступлений по русской литературе», сделал вывод: «Пришло время осознать, что с точки зрения художественной литературы В. Гроссман, несомненно, исключителен, и его следует рассматривать наряду с М. Горьким, М. Шолоховым, Б. Пастернаком, М. Булгаковым, А. Платоновым и А. Солженицыным как одного из величайших русских романистов XX века» (Лю Вэньфэй, 2001, с. 254). В «Переоценке русско-советской литературы» Ли Цзяньцзюнь утверждает, что «В. Гроссман принадлежит к тому типу писателей, которые были недооценены в свое время», а «его „Жизнь и судьба“ принадлежит к числу произведений, которые долгое время были отвергнуты читателями» (Ли Цзяньцзюнь, 2018, с. 970). Как в Китае, так и в России В. Гроссман и его «Жизнь и судьба» «не были восприняты достаточно серьезно и не получили того признания, которого они заслуживают» (Ли Цзяньцзюнь, 2018, с. 971–972). По мнению Ли, «В. Гроссман – великий писатель наравне с М. Шолоховым, Б. Пастернаком и А. Солженицыным. Его „Жизнь и судьба“ не менее глубоки по мысли и художественному совершенству, чем „Тихий Дон“, „Доктор Живаго“ и „Архипелаг ГУЛАГ“» (Лю Вэньфэй, 2001, с. 244).

Можно заметить, что признание В. Гроссмана и «Жизни и судьбы» в Китае продемонстрировало резкий сдвиг в тенденции исследования советской литературы за последние 40 лет (то есть с конца 1980-х гг. по настоящее время). На самом деле, появление этой тенденции отождествления не является чем-то необъяснимым, а издавна присутствует в традиционной парадигме китайского восприятия русской и советской литературы. Китайский ученый Лю Вэньфэй однажды сказал, что восприятие иностранной литературы в Китае, включая русскую и советскую литературу, в течение длительного времени находилось под влиянием иностранцев, в том числе под влиянием официальной литературной политики Советского Союза, и история литературы, написанная советскими учеными, рассматривалась как «учебник», однако в какой-то момент на нее начали оказывать влияние западные коллеги. Это касается и «Жизни и судьбы». В Китае и раньше существовали переводы данного произведения, но они не привлекали особого внимания, и только сейчас книга попала в поле зрения китайских ученых, после того как обрела внимание и высокую оценку на Западе (Лю Вэньфэй, 2001, с. 244).

Три направления анализа и рекомендации

В дополнение к рассмотрению «Жизни и судьбы» с исторической точки зрения в Китае из результатов исследований за последние 40 лет видно, что анализ романа в основном фокусируется на следующих аспектах:

1. Вводное исследование. Для простого читателя прочтение романа «Жизнь и судьба» В. Гроссмана не просто из-за его насыщенного содержания, сложного сюжета и множественных переплетений линий повествования. По оценке Дуань Чао, «эту „эпопею о человеческой природе“ в 900 страниц невозможно употреблять как фастфуд» (Дуань Чао, 2015). В современных исследованиях «Жизни и судьбы» трудно уйти от классификации и описания содержания работы. Типичным примером является краткий обзор процесса создания и общего содержания «Жизни и судьбы» В. Гроссмана в «Русском литературном словаре». В нем Чжэн Тиу утверждает, что «роман фокусируется на сценах из жизни в концентрационных лагерях и тюрьмах во время Сталинградской битвы... Это масштабная эпопея, наполненная кровью и огнем войны, слезами и смехом души» (Чжэн Тиу, 2013, с. 167–168). Кроме того, существуют и некоторые введения в виде рецензий на книгу: «„Жизнь и судьба“ – голос слабых» Дуань Чао и «Недостатки не могут затмить достоинств и достоинства не могут затмить недостатки – комментарии к „Жизнь и судьба“» Вэнь Миня.

2. Интерпретация и исследование издательского пути романа «Жизнь и судьба». Извилистая судьба В. Гроссмана и его романа «Жизнь и судьба» привлекли внимание исследователей. Китайские эксперты и ученые изучают и анализируют политические последствия, отраженные в публикации книг, объединив идеи автора, воплощенные в книге, а также ложные толкования, которое могут возникнуть при переводе. Например, в «Энциклопедии запрещенных книг в мире» Лю Пинцин кратко изложил содержание романа и представил жизненный опыт автора. Он утверждает: «Главная причина, по которой роман был непопулярен у властей, – это описание паники Сталина в начале Великой Отечественной войны, сравнение немецко-фашистских

концентрационных лагерей и советских трудовых лагерей, сравнение гитлеровского деспотизма и сталинского тоталитаризма, а также пропаганда жизненной философии круговорота добра и зла» (Сипаен, Сяо Фэн, 1995, с. 630–631). Вэнь Минь уделил больше внимания переписке между В. Гроссманом и его друзьями в статье «Удушьяющий автор» и восстановил печальные исторические события по воспоминаниям и комментариям близких людей и коллег. Вэнь Минь считает, что «Жизнь и судьба» в силу любви читателей и ненависти со стороны властей приобретет свою подлинность (Линь Сяньчжи, 2005, с. 63). В статьях «Рукописи не горят – тайна рукописи „Жизнь и судьба“ Гроссмана» и «Дело Гроссмана» роман В. Гроссмана был всесторонне рассмотрен и проанализирован (Ян Чжэн, 2013, с. 125–130). Ян Чжэн не объясняет «дело В. Гроссмана» через внутренние идеи произведения, он считает, что дело В. Гроссмана «является микрокосмом сложных отношений между советскими писателями и режимом в 1950-х и 1960-х гг. Однако творческая судьба В. Гроссмана была столь сложной как по причинам времени, так и по личностным причинам» (Ян Чжэн, 2016, с. 96–100). Говоря о В. Гроссмане, Лан Инньань рассказывает о многочисленных препятствиях в его жизни, включая историю публикации «Жизни и Судьбы», и указывает на слова И. Эренбурга о том, что В. Гроссман был «максималистом» (Эренбург, 2005). Он толкует это утверждение как «слишком наивное и идеализирующее все» (2000 китайских эссе, 2001, с. 566) и полагает, что это одна из причин, по которой «Жизнь и судьба» попала в водоворот времени, чтобы увидеть свет 20 лет спустя. Кроме того, «Мировые знаменитости еврейской культуры», «Энциклопедия запрещенных книг в мире» и «Подробное объяснение запрещенных книг» рассматривают и интерпретируют нелегкий путь к публикации великого романа.

3. Исследование литературного творчества писателя. Большинство исследователей считают, что «Жизнь и судьба» В. Гроссмана является продолжением традиции русского реализма, достигшего своего расцвета в XIX в. и воплотившегося в социалистическом реализме XX в. Благодаря этому «Жизнь и судьба» передает ощущение неповторимой реальности. Они помещают «Жизнь и судьбу» в давнюю русскую реалистическую традицию, еще больше подчеркивая особое значение данного произведения, в котором соединяются реалистические традиции XIX и XX вв. Исследуя значение Сталинградской битвы в русской литературной традиции на примере романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», Сюй Ле замечает: «В „Жизни и судьбе“ В. Гроссмана присутствует метод „панорамного эпического повествования“ литературы социалистического реализма, включая различные сцены фронтовых боев и описания жизни в тылу, затрагивающие почти все социальные проблемы обеих сторон и параллельно повествующие о событиях, принадлежащих к разным категориям, которые на первый взгляд кажутся совершенно несовместимыми. Методом „коллажа“ создается картина, которая содержит богатое разнообразие изменений, но в то же время остается последовательным отражением реальности» (Сюй Ле, 2015, с. 19–24). Благодаря такому реалистичному подходу и стремлению автора к правде можно увидеть значение Сталинградской битвы. В своей магистерской диссертации «О рус-

ской литературной традиции критического реализма в „Жизни и судьбе“» Чжоу Хао также отнес «Жизнь и судьбу» к давней русской литературной традиции реализма, подробно остановившись на критических размышлениях В. Гроссмана о советской системе в эпоху Сталина. В магистерской диссертации «Морально-философский символизм Сталинградской битвы в „Жизни и судьбе“» Ван Ли сосредоточила свой взгляд на описании В. Гроссманом Сталинградской битвы и проанализировала ее морально-философский символизм и этические аспекты.

Кроме того, существуют в Китае исследования романа «Жизнь и судьба» В. Гроссмана за пределами текста, такие как изучение переводов с точки зрения интерпретации: «Интеграция горизонтов в гуманизме – исследование о переводе „Жизни и судьбы“ Ли Ганга» Гуан Линьлинь; анализ телесериала по мотивам романа: «В России экранизирован роман Гроссмана „Жизнь и судьба“ в качестве подарка к 70-летию Сталинградской битвы» Кан Кэй.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что исследование произведения В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в Китае началось достаточно рано, однако за это время ему не уделили достаточного внимания. Ранние исследования романа лишь поверхностно отражают отношения между персонажами и сюжет. В последние годы роман «Жизнь и судьба» вновь обрел популярность в китайской русистике. Исследователи начали переосмысливать значение романа в истории литературы и расценили его как классическое произведение советской литературы, а также приступили к более всестороннему и углубленному изучению «Жизни и судьбы», включая более полное изучение публикаций произведения как литературного и исторического события, анализ символизма и исторического значения романа, стремление раскрыть связи между творчеством В. Гроссмана и русской литературной традицией. Однако для такой объемной и глубокой литературной работы текущих исследований крайне мало, и возможности для интерпретации остаются неисчерпанными. Академическое сообщество продолжает работать над тем, чтобы представить более качественные исследования.

Список литературы

- 2000 китайских эссе. Ухань: Изд-во литературы и искусства Чанцзяна, 2001. 604 с. [中国作协创研部编. 2000中国散文精选[M]. 武汉: 长江文艺出版社, 2001, 604页。]
- Вэнь Минь. Незабываемый Гроссман // Чтение. 2000. № 1. С. 137. [闻敏. 难忘的格罗斯曼[J]. 读书. 2000(1):137.]
- Дуань Чао. «Выживание и судьба»: голос слабых // Китайское чтение и публикация. 2015. Вып. 421. [段超. 《生存与命运》: 为弱小的善发声[N]. 中华读书报, 2015年12月30日, 总第421期。]

- Краткая история зарубежной литературы в XX веке / под ред. У Юаньмай. Нанкин: Илин Пресс, 2013. 631 с. [吴元迈 主编. 20世纪外国文学简史[M]. 南京: 译林出版社, 2013, 631页。]
- Ли Цзяньцзюнь. Переоценка русской и советской литературы. Наньчан: Пресса 21 века, 2018. 1064 с. [李建军. 重估俄苏文学[M]. 南昌: 二十一世纪出版社, 2018, 1064页。]
- Линь Сяньчжи. Гуманитарные эссе 2005. Осенний том. Гуанчжоу: Изд-во Хуачэн, 2005. 138 с. [林贤治, 筱敏 主编. 人文随笔2005·秋之卷[M]. 广州: 花城出版社, 2005, 138页。]
- Лю Вэньфэй. Лекции по русской литературе. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2001. 209 с. [刘文飞. 俄国文学演讲录[M]. 北京: 北京师范大学出版社, 2001, 290页。]
- Лян Вэньдао. Предисловие к новой версии // Жизнь и судьба / В. Гроссман. Гуилинь: Изд-во педагогического университета Гуанси, 2015. 893 с. [梁文道, 新版序// 格罗斯曼, 《生活与命运》[M], 力冈 译, 桂林: 广西师范大学出版社, 2015年, 893页。]
- Лян Шаньси. О запрещенных книгах. Тяньцзинь: Тяньцзиньская пресса общественных наук, 1993. 310 с. [梁山子. 禁书详解[M]. 天津: 天津社会科学出版社, 1993, 310页。]
- Сипаен М., Сяо Фэн. Энциклопедия запрещенных книг в мире. Шанхай: Изд-во Шанхайского книжного магазина, 1995. 808 с. {[美] 玛丽·斯帕恩 肖峰主编. 世界历代禁书大全[M]. 上海: 上海书店出版社, 1995, 808页。}
- Сюй Ле. Значение Сталинградской битвы в русской литературной традиции: на примере романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» // Теория и критика литературы и искусства. 2015. № 4. С. 19–24. [徐乐. 从俄国文学传统看斯大林格勒战役的意义 – 以瓦·格罗斯曼小说《生活与命运》为例[J]. 文艺理论与批评, 2015(04):19–24.] <http://doi.org/10.16532/j.cnki.1002-9583.2015.04.004>
- Тан Делинг. Размораживание литературы и возвращение к литературе. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2001. 374 с. [谭得伶. 解冻文学和回归文学[M]. 北京: 北京师范大学出版社, 2001, 374页。]
- Толковый словарь современной мировой литературной классики. Шэньян: Народное издательство Ляонина, 1991. 1161 с. [本社编. 当代世界文学名著鉴赏辞典[Z]. 沈阳: 辽宁人民出版社, 1991, 1161页。]
- Чжэн Ту. Русский литературный словарь. Шанхай: Изд-во Университета Фудань, 2013. 585 с. [郑体武. 俄罗斯文学辞典[Z]. 上海: 复旦大学出版社, 2013, 585页。]
- Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: книги первая, вторая, третья. М.: Текст, 2005. 749 с.
- Ян Чжэн. Дело Гроссмана // Динамические исследования иностранной литературы. 2016. № 2. С. 96–100. [杨正. 格罗斯曼事件始末[J]. 外国文学动态研究, 2016(02): 96-100.]

Ян Чжэн. Рукописи не горят – тайна рукописи «Жизнь и судьба» Гроссмана // Русская литература и искусство. 2013. № 3. С. 125–130. [杨正. “手稿是烧不毁的” – 格罗斯曼《生活与命运》手稿之谜[J]. 俄罗斯文艺, 2013 (03) : 125-130.] <http://doi.org/10.16238/j.cnki.rla.2013.03.017>

Chandler R. Foreword // *Life and Fate* / V. Grossman. New York: New York Review Edition, 2016. P. 1.

Сведения об авторе:

Ван Цинлэ, докторант, Институт иностранных языков, Нанькайский университет, Китайская Народная Республика, 300071, Тянь Цзинь, Нанькайский район, Вэй Цзинь, д. 94. ORCID: 0000-0003-2717-3414. E-mail: 15212220464@163.com

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270

EDN: PNMZSE

УДК 821.411.21

Научная статья / Research article

Эволюция арабской исторической литературы и ее современные тенденции: каноны и инварианты

В.Н. Зарытовская , А.М. Аль-Рахби

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*

 widaad@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено особенностям развития арабского исторического романа, последовательной трансформации и «размыванию» его канонов в рамках литературных течений XX и XXI вв. Актуальность темы, с одной стороны, обусловлена тем, что исторический роман в арабской национальной литературе не утратил свою значимость. Доля произведений этого жанра по-прежнему высока, они занимают первые строчки при распределении литературных премий. С другой стороны, на фоне общего процесса глобализации интересно проследить траекторию развития жанра в так называемой догоняющей общемировой тенденции литературе, к которой многие исследователи причисляют литературу арабскую. Отдельные произведения жанра попадали в фокус как арабских, западных, так и отечественных востоковедов-литературоведов, и подвергались глубокому всестороннему рассмотрению. Однако сегодня анализа требуют романы последних десятилетий. Цель исследования – не просто обозначить получившие широкое признание за последние годы работы арабских авторов, но вписать их в парадигму развития исторического жанра и тем самым определить его направление на ближайшее время. Для этого сравнены классические исторические романы с современными, охарактеризованы их герои, описаны периоды истории Арабского мира, к которым обращались и обращаются арабские авторы в рамках жанра, определены степень эпичности, исторической достоверности в современных образцах жанра. Установлено, что классические герои со стандартным набором героических качеств, влияющие на ход истории, заменяются на мыслителей, ученых, дервишей, обывателей-наблюдателей, а переломные эпохи и конкретные исторические события сменяются пограничными периодами – до либо после катастрофы, коренных преобразований. Сделаны выводы об историчности арабской литературы еще в доисламскую эпоху, длительном сохранении канонов Раннего Средневековья в жанре, резкой трансформации жанра и отхода от канонов под влиянием постмодернизма и совпавшими по времени с его проникновением на арабскую почву военными и социальными потрясениями в истории арабских стран середины 1960-гг. Подчеркивается ярко выраженная сегодня направленность жанра в сторону этнолитературы.

Ключевые слова: исторический роман, арабская литература, жанр, герой, эпичность, этнолитература

© Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 февраля 2023 г.; отрецензирована 12 апреля 2023 г.; принята к публикации 14 апреля 2023 г.

Для цитирования: Зарытовская В.Н., Аль-Рахби А.М. Эволюция арабской исторической литературы и ее современные тенденции: каноны и инварианты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 256–270. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270>

The evolution of Arabic historical literature and its current trends: canons and invariants

Victoria N. Zarytovskaya , Ahmed M. Al-Rahbi

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
 widaad@yandex.ru

Abstract. The study is devoted to the peculiarities of the development of the Arabic historical novel, the consistent transformation and “erosion” of its canons within the framework of the literary trends of the 20th and 21st centuries. The relevance of the topic, on the one hand, is due to the fact that the historical novel has not lost its significance in Arabic national literature. The share of works of this genre is still high, they occupy the first lines in the distribution of literary prizes. On the other hand, against the background of the general process of globalization, it is interesting to trace the trajectory of the development of the genre in the so-called “lagging” literature, to which many researchers rank Arabic literature. Some works of the genre fell into the focus of both Arabic, Western, as well as domestic orientalist-literary critics and were subjected to deep comprehensive consideration. Today, however, the novels of recent decades also require analysis. The purpose of the study was not just to identify the works of Arab authors that have received wide recognition in recent years, but to fit them into the paradigm of the development of the historical genre and thereby determine its direction in the near future. To do this, the authors tried to compare classical historical novels with modern ones, characterizing their heroes, describing the periods in the history of the Arab world that Arab authors addressed and continue to address within the genre, determining the degree of epic, historical authenticity, etc., in modern examples of the genre. It was found out, that classical heroes with a standard set of heroic qualities that influence the course of history are replaced by thinkers, scientists, derbies, ordinary observers, and critical epochs and specific historical events are replaced by troubles periods – before or after a catastrophe, major transformations. Conclusions were drawn about the historicity of Arabic literature back in the pre-Islamic era, the long-term preservation of the canons of the Early Middle Ages in the genre, the sharp transformation of the genre and the refusal from the canons under the influence of postmodernism that penetration into Arabic soil in the mid 1960s coincided with the military and social upheavals of the history of Arabs. The direction of the genre, which is pronounced today towards ethno-literature, is emphasized.

Keywords: historical novel, Arabic literature, genre, hero, epic, ethno-literature

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 7, 2022; revised April 12, 2023; accepted April 14, 2023.

For citation: Zarytovskaya, V.N., & Al-Rahbi, A.M. (2023). The evolution of Arabic historical literature and its current trends: Canons and invariants. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 256–270. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-256-270>

Введение

Русский критик и публицист гоголевского периода В.Г. Белинский, прибегая к такому простому способу деления классы на подклассы, как дихотомия, указывал, что существует роман о современности (социальный, призванный дать анализ современного общества), и роман исторический¹. Такой подход стал настолько же классическим, насколько был широким. Это позволило исследователям, которые позднее развивали данное определение, вносить дополнения, как, например, условие, что герои исторического произведения принимают непосредственное участие в описываемых исторических событиях, «вершат судьбы», а также то условие, что исторический роман – это роман о «делах давно минувших дней». Так, А.Н. Копылов пишет: «Безусловно, основополагающими принципами исторического романа является наличие описания в нем какой-либо исторической эпохи, к настоящему времени уже завершившейся, событий, в эту эпоху происходящих, а также лиц, принимающих активное участие в этих событиях» (Копылов, 2011, с. 72). В дальнейшем помимо требования о том, что события должны относиться ко времени, отдаленному не менее, чем на три поколения, добавилось еще одно уточнение: действующими лицами должны выступать известные персоны, а не простые обыватели. Если это условие не соблюдено, «не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события, хотя сюжет романа зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент» (Жачемукова, Бешукова, 2011), то появляется основание классифицировать произведение иначе – как роман об историческом прошлом, но не как исторический роман.

Поскольку литературоведы проводят мысль о том, что канонического определения исторической художественной прозы нет (Жачемукова, Бешукова, 2011), а классическая, бесспорная и признаваемая дефиниция «исторический роман» широка, то неизбежно инвариантное понимание жанра, оставляющее много вопросов о его границах. Болгарская исследовательница исторической литературы, востоковед Баян Райханова называет теорию исторического жанра «наболевшим, горячо дискутируемым вопросом» (Rayhanova, 2004, p. 71). Так, в отличие от научной литературы по истории историческая литературная проза, обращаясь к тому же событию, воспроизводит эпоху в художественной форме, где исторический факт сочетается с вымыслом, а реальные исторические лица смешиваются с лицами вымышленными. Насколько же свободен автор в своей фантазии? Если согласиться, что вымысел ограничен тем, что «допустимо использовать художественные приемы усиления, но не допускается искажение действительности» (Жачемукова, Бешукова, 2011), то следует исключить из жанра те произведения, где представлена альтернативная история (из серии «что, если бы этого не произошло»). А это существенный пласт, например, в русской литературе – «Ада» В. Набокова, «Остров Крым» В. Аксенова, «Сердце Пармы» А. Ива-

¹ Фридендер Г.М. Белинский о проблемах романа. URL: <https://lit.wikireading.ru/44450> (дата обращения: 20.12.2022).

нова и другие, а также в арабской – роман из пяти частей «Города из соли» (tudun 'al-milh, 1984–1989) саудовского писателя Абдель Рахмана Мунифа, «Яктыния – старый мир» (yaqtyniyya 'al-aalam 'al-qadiim, 2015) саудовского романиста Ясера Бахджата, «2084» (2015) получившего широкую известность алжирского автора Васини аль-Аараджа и др. В этом случае подобные произведения зачисляются в жанр фэнтези, хотя фантастический элемент в них лишь один – реальная история пошла по другому пути. Также следовало бы исключить произведения, предлагающие свои решения исторических загадок, как, например, местонахождение библиотеки Ивана Грозного, поскольку они не могут быть верифицированы ни как искажающие действительность, ни как ее правдиво отражающие.

Ряд теоретиков усматривали в качестве обязательной составляющей исторического романа идейность, которая заключается «во вскрытии противоречий той или иной эпохи, политической близости к современности» (Орлов, 1960, с. 428–429), при этом они исходили из того, что главный герой должен быть показан порождением своей эпохи. Данное положение в свою очередь выносит за рамки жанра те произведения, где на фоне исторических событий разыгрывается основной авантюрный или любовный сюжет, а идейная составляющая слаба (например, романы А. Дюма).

И другие вопросы остаются спорными. Насколько имеет право автор интерпретировать исторические события и характеры, чтобы оставаться в рамках жанра исторического романа? Почему роман не будет признан историческим, если, при соблюдении всех прочих признаков жанра, его события отстоят от нас на 30 лет, а не на 75? Будет ли соблюден жанр, если главный герой романа – фигура, не занимавшаяся политикой и не облеченная властью, например известный ученый или никому не известный художник?

На наш взгляд, со второй половины XX в. вследствие смены художественных парадигм историческая проза уже не развивается в жестких рамках, установленных когда-то классическим романом. Актуально рассматривать историческую художественную литературу в инвариантах, опираясь на такие ее структуры, как относительная, но не строгая, отдаленность описываемого периода и его «переломность», известность главного действующего лица в качестве личности цивилизационной важности, но не обязательно исторического деятеля, степень политизированности самого произведения, выраженности идейной позиции автора, которая может быть и не принципиальна, поскольку также допустимо существование искусства ради искусства. Именно по этим осям историческая литература может отклоняться в ту или иную сторону и приобретать особенности, характерные для какого-то периода, региона, художественного течения, метода либо автора. Подобные допущения стали приемлемы в экспериментальной литературе, литературах модерна, постмодерна и следующих за ними новейших складывающихся сегодня художественных методах, которые, несомненно, отходят от линии классического романа, в том числе исторического. Эта тенденция ярко проявляется в различных национальных литературах и в исследуемой нами арабской литературе, которая до XX в., по выражению отечественного востоковеда-литературоведа В.Н. Кирпиченко, принадлежала «к числу литератур, „задер-

жавшихся“ на средневековой стадии развития» (Кирпиченко, 2003, с. 3), но затем получивших ускоренное развитие и реализовавших на сегодня самые разные инварианты исторического жанра, который всегда занимал в арабской национальной литературе важное место.

Обсуждение

Ранние формы исторического жанра в арабской литературе

По убеждению британской писательницы и критика Хилари Мантел (р. 1952), дважды получившей Букеровскую премию (в 2009 и 2012 гг.), а также премию Вальтера Скотта, которая девять лет прожила в странах Африки и Ближнего Востока, история помогает нам «поместить наши короткие жизни в контекст»², то есть придать им смысл, что объясняет как писательский, так и читательский интерес к этому роду литературы. Можно предположить, что историческая литература в широком ключе как попытка художественными средствами зафиксировать для потомков важные события, запечатлеть героическое, оплакать утраченное и осмыслить себя, описать общество, к которому принадлежишь, появилась вместе с историческим и философским мышлением вообще, по крайней мере «зерно» исторического жанра литературы должно было быть «посеяно» именно тогда.

В самых ранних из дошедших до нас памятниках доисламской арабской литературы VI–VII вв. поэты декламировали историю своего клана, восхваляли героев, оплакивали умерших и поносили противников. Так возникли традиционные жанры средневековой арабской поэзии – *заплачки* ('ar-ritha'), *похвалы* (fakhr), *высмеивания* ('al-hijaa'), *мести* (tha'ar) и прочих (Dayf, 1960, p. 190), которые представляли собой эмоциональный ответ в художественной форме на конкретные события или историю в целом того или иного рода. Наиболее выдающийся, по единодушному мнению критиков, поэт арабской древности Имруулькайс в стихах оставил историю убийства своего отца, вождя племен Неджда, попытки мести за него, собственного поражения, обращения за поддержкой к византийскому императору и изгнания (Dayf, 1960, pp. 236–243). Что это, как не осмысленная в филигранной поэтической форме история, то есть уже историческая литература, причем от первого лица?

Предателем судьбу я называл не зря, –
Повсюду рыскает, лишь подлости творя.
Она разрушила и царство Зу-Рияша,
Владенья йеменского славного царя.
Она безжалостно людей к востоку гонит,
Все хочет истребить – и земли и моря,
Воздвигла груды гор пред Гогой и Магогой,
Чтоб к свету путь закрыть, когда взойдет заря
(пер. с арабского Н. Стефановича)³.

² Kass L. Why we read historical fiction. URL: <https://www.gramercybooksbexley.com/blog/why-we-read-historical-fiction> (accessed 21.12.2022).

³ Имруулькайс. Предателем судьбу я называл не зря // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Арабская поэзия Средних веков. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st006.shtml> (дата обращения: 07.01.2023).

В бедуинской и позже придворной среде Халифата (с VII по XIII в.) имели хождение сказания о ключевых событиях истории арабов. «Часть арабских исторических преданий доисламского времени вошла в позднейшее собрание «Дни арабов», содержащее рассказы о многолетних войнах и памятных сражениях между бедуинскими племенами, набегах и угонах скота. Эти предания передавались из поколения в поколение, позднее арабские филологи собрали их в особые сборники», включающие также «многочисленные лирические отступления, чаще всего в форме стихов, произносимых воинами-поэтами – участниками рисуемых событий», которые «эмоционально окрашивают сухое, почти деловое повествование»⁴, а значит, придают литературный характер произведению, выводя его за рамки историографии и примитивной датировки событий.

С приходом ислама возникла идеологически обоснованная необходимость в фиксации и подаче под определенным углом зрения истории Арабского Халифата и его выдающихся личностей. Складываются многочисленные сиры (от *сир* – «жизненный путь»): «Жизнеописание Муавии и потомков рода Омейядов» (*siirat mu'aawiyah wabanii 'umayyah*), «Жизнеописание Ибн Исхака» (*siirat 'ibn 'ishaaq*) – арабского историка, составителя первой биографии Пророка Мухаммеда, и др. С упадком некогда сильного централизованного государства, каким с VII по XII в. был Халифат, сначала – Омейядский, затем Аббасидский, и позже с вхождением большей части Арабского мира в границы Османской империи и, соответственно, в «котел» ее культуры на арабском, который на тот период перестал быть государственным языком, на протяжении ряда столетий формировались, дополнялись и перерабатывались переписчиками и чтецами-рассказчиками многочисленные жизнеописания, но в них добавлялся развлекательный элемент, сближающий жанр с беллетристикой, как, например, «Жизнеописание аз-Захира Байбарса» (*siirat 'adh-dhaahir baybars*), излагающее историю реально существовавшего мамлюкского султана Байбарса I (1260–1277) (переведен на русский в 1975 г.) и др. При этом, по мнению российского востоковеда Е.А. Крымского, в этот длительный исторический период (с XIII по XVIII в.) высокую классическую арабскую литературу затронуло «оскудение» и «качественное иссякание» (Кирпиченко, 2003, с. 3).

Отметим также, что для арабской средневековой словесной культуры нормой был синкретизм, который выражался и в том, что даже ценное научное произведение, как, например, лоции Ахмеда бен Маджида (XV в.), арабского проводника Васко да Гаммы по Индийскому океану, считалось достойным изложить в стихотворной, то есть высокой форме, с помощью рифмы и мелодики создав одновременно и научный труд, и текст, имеющий сам по себе словесную ценность, помимо ценности интеллектуальной. Поэтому вполне закономерно, что исторический жанр литературы зародился и развивался у арабов именно в поэтической форме, именно она стала доминирующей для классической, в периодизации арабов, арабской литературы (Harb, 2020).

⁴ Филштинский И.М. Словесное искусство древних арабов (VI – середина VII в.). URL: <https://nurrb.wordpress.com/2010/11/28/slovesnoe-iskusstvo-drevnikh-arabov-vi-seredina-vii-v-filshinskij-i-m/> (дата обращения: 22.06.2022).

Очевидно, что истоки литературы исторического жанра уходят в глубины веков, и арабская литература не является в этом исключением, скорее убедительным тому подтверждением. Различное слияние словесного творчества и истории мы находим во многих жанрах доисламской поэзии, арабском эпосе, а также сирах Средневековья, средневековой развлекательной литературе – формах, определенных как религиозно-культурными традициями арабов, так и богатой историей Арабского мира. Особенности этих произведений как раннего исторического жанра заключаются в том, что они в основном бытуют в стихотворной, то есть высокой для средневекового мышления форме, повествуют не только об отдаленных, но и о тех событиях, которым автор был живым свидетелем, может быть, даже участником, а основное идейное начало в них – отстаивание чести своего клана и фиксация его истории, позже, когда на смену клану приходит понятие мусульманской общины уммы – изложение истории ислама в лицах. Поскольку доисламский период признан «золотым веком» арабской литературы, а лучшие произведения этого периода – шедеврами мировой литературы, как *муаллакат* (сборник вывешенных в свое время на священной Каабе стихов), то именно эти образцы зарождающегося исторического жанра стали эталоном для подражания в плане формы (композиционное построение, ставшие традиционными метафоры и т. д.) и вдохновением в плане содержания (морально-нравственные стержни бедуинской культуры, как гостеприимство, приоритет рода перед личным и др.) для арабской литературы на столетия вперед.

В том, что касается исторического романа как крупной прозаической формы в его европейском понимании, то он появляется только в Новой арабской литературе к XX в. И символично начинает «с той же позиции», с которой классическая арабская литература ушла в позднем Средневековье в упадок – канонические романы о правителях Халифата, но получает стремительное развитие, являя множество новаторских идей.

Художественная парадигма арабской исторической прозы XX в.

В XX в. арабская литература и историческая проза как ее часть под влиянием ряда факторов (развал Османской империи, в которую входила большая часть Арабского мира не одно столетие, культурное сближение с Европой, запущенное спустя несколько десятилетий после кампании Наполеона (Саид, 2006, с. 67), возможность получить европейское образование, рост числа переводов с европейских языков и др.) начинает ускоренно, по сравнению с предыдущей эпохой, изменяться. Арабская словесность смещается от традиционного многовекового полюса с его строгими канонами в теме, сюжете, стилистических нормах и так далее в сторону актуальных на то время европейских тенденций. Складывается «принципиально новая система прозаических, поэтических и драматургических жанров, типологически совпадающая с жанровой системой современной литературы Запада. На первое место в этой системе выдвинулась проза, и именно роман» (Кирпиченко, 2003, с. 4).

Возникновение арабского исторического романа к началу XX в. тесно связано с национальным возрождением (ан-Нахда) – периодом культурных и просветительских реформ, особенно заметных в Сирии, Ливане и Египте.

Неслучайно литературоведы отмечают причинно-следственную связь между возникновением исторического романа и подъемом национальных движений в различных странах⁵, в том числе в Арабском мире, где «в той или иной степени этот процесс подразумевал, во-первых, встречу с Западом и его иной и более „продвинутой“ культурой, а во-вторых, ретроспективный взгляд в арабо-исламское прошлое» (Allen, 2001, p. 206). Официальным начинателем жанра в арабской литературе стал египетский писатель ливанского происхождения Джирджи Зейдан (1961–1914) (Арслы, 1967), автор порядка двадцати романов, составивших серию повествований из истории ислама в VII–XIII вв. («Ахмед бен Тулун» ('ahmed ben tuluun), «Салах ад-Дин аль-Айюби» (salaah 'ad-diin 'al-'ayyuubiy)), Египта мамелюков XVIII–XIX вв. и современных автору исторических событий («Османский переворот» ('al-inqyilaab 'al-'usmaaniyu, 1911). На русский язык переведены два его романа, действия которых разворачиваются в эпоху заката Аббасидского халифата – «Сестра Харуна ар-Рашида» ('al-'abbaasah 'ukht 'ar-rashiid, 1906; русский перевод 1970) и «Амин и Мамун» ('al-amiin wal-ma'amuun, 1907, русский перевод 1977). Это в классическом понимании исторические романы, как их принято называть, «вальтерскоттовские» (Жачемукова, Бешукова, 2011). Они линейно повествуют об исторических событиях и персонах, отстоящих от нас на поколения, в них важен сюжет, повороты событий, обязательна любовная линия, историческим лицам придаются определенные стереотипные черты характера, однако образы не столь глубоко разработаны, чтобы роман считался психологическим. Неслучайно творчество именно Джирджи Зейдана некоторые исследователи называют той точкой, с которой арабская литература влилась в мировую (Rastegar, 2019).

В творчестве Дж. Зейдана уже намечены три важнейшие исторические эпохи, нами упомянутые, которые находят отражение в арабской исторической литературе еще долгое время. В литературоведческом смысле они могут быть обозначены как хронотопы с определенным временем, местом действия и отношением потомков-авторов к происходившему. К первому из них примыкают, например, романы Тахи Хусейна (1889–1973), прозванного «старейшиной арабской литературы» – «Усман» ('uthmaan, 1947), «Великая смута. Али и сыновья» ('al-fitnah al-kubraa, 'alii wabanuuh, 1953), «Два шейха» (ash-shaykhaani, 1960) и другие, ко второму – роман египтянина Саада Маккави (1916–1985) «Лунатики» (saa'iriin piyaaman, 1963), который был выбран Союзом арабских писателей в качестве одного из 100 величайших арабских романов, «Кровь мамелюков» (dam al-mamaliik, 2016) египетского историка Валида Фикри (р. 1980), трилогия о мамелюках египетской писательницы, социолингвиста Рим Басьюни (р. 1973) «Дети людские» ('awlaad 'an-nas, 2018), получившая Медаль Нагиба Махфуза за 2019–2020 гг., и др. К третьей линии – «Сафарберлик» (safarberlik, 2019, лонглист Арабского Букера 2020) саудовца Макбуля аль-Алави (р. 1968) о мобилизации арабов Османской империей в 1914 г. и др.

⁵ Написание «Слова о полку Игореве» в XII веке – сильная гипотеза, а не установленный факт. Интервью с филологом Андреем Ранчиним. URL: <https://goriky.media/context/napisanie-slova-o-polku-igoreve-v-xii-veke-silnaya-gipoteza-a-ne-ustanovlennyj-fakt/> (дата обращения: 03.06.2022).

Среди имен пионеров арабской исторической прозы того времени также важно упомянуть другого ливанца, переехавшего в Египет, Фараха Антуна (1874–1922) и его роман «Новый Иерусалим» ('uurshaliim 'al-jadiidah, 1904), а также Али аль-Джарима, Мухаммеда Фарида Абу Хадида, Саида аль-Арьяна и, несомненно, сирийского автора Селима аль-Бустани, который еще в 70–80-е гг. XIX в. опубликовал три исторических романа, не ставших, однако, столь заметными, как книги Джирджи Зейдана.

Первую половину XX в. арабские писатели совершенствовали методы реализма и добились мирового признания в лице лауреата Нобелевской премии по литературе 1988 г. Нагиба Махфуза (1911–2006) – автора «Каирской трилогии» (1956–1957), которую российский востоковед В.Н. Кирпиченко сравнила с «Сагой о Форсайтах» английского нобелевского лауреата Дж. Голсуорси (Кирпиченко, 2003, 34). Трилогия, в которую вошли книги «Между двумя дворцами», «Дворец мечты» и «Сахарный дом» (baun' al-qasreun, qasr 'ash-shawq, 'as-sukkarīyuah), повествует о жизни консервативной семьи Ахмеда Абдель Гавада – деда, сына и внука – исламиста, коммуниста и циничного карьериста соответственно, события охватывают 1917–1944 гг.

Среди книг исторического жанра самым значительным произведением Н. Махфуза мы считаем позднее его произведение «Дети нашей улицы» ('awlaad haaritnaa, 1959, русский перевод 1992 г. как «Предания нашей улицы», второй перевод 2012 г.) – масштабный по замыслу роман, где в аллегорической форме интерпретирована история трех мировых религий. С одной стороны, исторические лица прямо в нем не названы, с другой – для читателя очевидно, кто из героев олицетворяет собой Пророка Мухаммеда, кто – Христа, повторяя их путь (Зарытовская, 2014).

Отдельной веткой арабской исторической прозы можно считать романы о Древнем Египте Абдель Хамида Годы аль-Саххара, Адила Кямиля и др. Неслучайно они появляются в конце 1930–1940-х гг. на волне идей фараонизма – идеологии, которая обращалась к доисламскому прошлому Египта и утверждала, что Египет историческая часть большой Средиземноморской культуры, при этом акцент делался на то, что современные египтяне прямые наследники египтян древних. К этой теме также обращался Нагиб Махфуз – романы «Игра судеб» ('abath al-'aqdaar, 1939), «Родобис» (raaduubiis, 1943), «Борьба Фив» (kifaah tyubah, 1944) и др.

В 1950–1960 гг. как под влиянием европейских модернистов, так и вследствие военных и социальных потрясений (Вторая мировая война, поражение Египта в Шестидневной войне 1967 г., идеологические преследования) в арабской литературе нарастает интерес к актуальной общественной проблематике. Парадигма национального возрождения (ан-Нахда) сменяется парадигмой национального поражения (ан-Накса). Авторы для его осмысления ищут новые методы, создавая новаторские с точки зрения формы тексты – хронологически непоследовательные, со вторым планом, с подтекстом описываемых событий, с автором-главным героем, от лица которого ведется рассказ и др. Что касается содержания, то пишутся психологические тексты с героями, которым присуща интроспекция и др. Ведущими становятся прозаики, в творчестве которых жанр исторического романа деформируется

в своих канонах. Исторический роман не остается классическим, как у Дж. Зейдана, будучи даже формально на него похожим, как, например, «Аз-Зейни Баракят» ('az-zaunīi barakaat, 1972, русский перевод 1986) египетского писателя Гамалея аль-Гитани (1945–2015), принесший ему известность. Роман написан в стиле палимпсеста: события египетской истории начала XVI в. проецируются на события второй половины XX в.

Не менее ярким можно считать творчество египтянина Саналлаха Ибрагима (р. 1938), окончившего режиссерский факультет ВГИКа в Москве. Этот автор, безусловно, пытался нащупать пульс актуальной истории, для чего использовал в художественном полотне вставки из газетных статей, социологические и экономические данные и новостные сводки, придавая таким образом своим текстам документальное измерение, как в самом известном его романе «Комитет» ('al-lajnah, 1981, русский перевод Т.И. Оболенской и Д.В. Фролова):

Встреча с реальностью в самом начале поисков изумила и заставила пересмотреть первоначальный план. Странно, но о таком незаурядном человеке вообще не было написано ни одной книги. Что это – непонимание его масштабности и выжидание смерти, после которой гораздо легче описать жизненный путь и дать ему подходящую оценку?

Как бы то ни было, я почувствовал себя открывателем интереснейшей темы.

Начну с интервью (Тахер, 2010, с. 299).

Его перу принадлежит роман-обзор «Бейрут, Бейрут» (baḡruut, baḡruut, 1994) о гражданской войне в Ливане в 70–80 гг. XX в., роман-хроника «1970» (2019), где зафиксирован каждый день в истории Египта с 1 января 1970 г. до 29 сентября того же года – дня смерти президента Гамалея Абдель Нассера, роман «Варда» (warda, 2000) о гражданском сопротивлении в оманском Дофаре в 60-е гг. прошлого века и др.

Необходимо также отметить, что в отдельных странах, как Оман, именно жанр исторического романа «прокладывал путь» прозе большого формата, пионером которой в этой стране был Абдулла бен Мухаммед ат-Таи (1924–1973) с его главными произведениями «Ангелы Джабаль аль-Ахдар» (malaa'ikatu 'al-jabal 'al-'akhdar, 1963) и «Большой парус» ('as-shiraa' 'al-kabiir, 1971), посвященными ключевым событиям в истории этой страны – объединению государства, ранее разделенного на имамат и султанат и борьбе с португальскими захватчиками в XVI–XVII вв.

Таким образом, за XX в. арабский исторический роман ускоренно проходит путь от незрелого классицизма к его высоким эталонам и их «сотрясению». Ко второй половине столетия сменяется система художественности, арабская литература разворачивается к актуальной проблематике, преобладающим становится роман, современником и свидетелем событий которого является автор, меняется сам статус автора.

Исторический жанр не остается в прежних границах, это уже не просто роман, а роман со спецификой – роман-аллегория, роман-палимпсест, роман-обзор, документальный роман и т. д. Историческая проза на арабском за XX в. последовательно бытовала в сменяющих друг друга художественных тече-

ниях, предполагающих различную эстетику и методы (романтизм, классицизм, затем модернизм и постмодернизм), что привело к размытости самих стандартов исторической литературы, ее экспериментальности и инвариантности, но при этом исторический жанр уже окончательно остается в прозе большого формата.

Современные тенденции исторической прозы арабских стран

Большая часть той современной исторической прозы, которая сегодня, на первый взгляд, продолжает линию классического романа, вместе с тем имеет существенные от него отличия. Принципиально не отказываясь от реалистического метода, арабские авторы, вероятно, улавливая глобальные изменения и духовные сдвиги, происходящие в мире, сегодня обращаются к тем историческим отрезкам, к которым пионеры жанра и их предшественники обращались редко. Это те эпохи, которые можно обозначить как смутное время для Арабского мира либо для отдельной его страны – первые века христианства, десятилетие до «открытия» Египта арабами, период упадка Аббасидского Халифата, Реконкиста в Испании, канун французской колонизации Алжира и др. Основное внимание уделяется эпохе – реконструируется ее атмосфера, события истории остаются на заднем фоне, на первый план выводятся не государственные деятели – халифы и их наследники, полководцы, султаны и визири, а интеллектуальная элита и духовные подвижники того времени, выдающиеся ученые-естественники, богословы либо простые люди в духовном поиске. Часто это те, о ком достоверно известно, за исключением ключевых фактов, недостаточно для создания многогранного художественного образа. И тем сложнее задача автора. Так, саудовский автор, историк по специальности Мухаммед Хасан Альван (р. 1979) считает историю источником вдохновения, а не материалом, и сравнивает писателя-фантаста, который не скован законами физики и других естественных наук в своем словесном творчестве, с прозаиком исторического жанра⁶.

Таковы романы египетского писателя и ученого, основателя Центра рукописей при Александрийской библиотеке Юсуфа Зейдана (р. 1958) – «Азазель» ('azaaziil, победитель Арабского Букера 2009, русский перевод П. Гулькина и М. аль-Гибали), главный герой которого – монах первых веков нашего тысячелетия, «периода, характеризующегося применением физического насилия против нехристиан для обращения их в христианство» (Abu Baker, 2015); «Фардакан: заточение великого шейха» (fardaqaan: 'i'atiqaal 'ashaykh 'ar-ra'iis, в коротком списке Арабского Букера 2020), который знакомит нас с личностью Ибн Сины (Авиценны, 980–1037), удерживаемого в силу политических интриг на фоне междоусобицы в одноименной крепости, и принципами его медицины, связывающими здоровье тела с состоянием духа; «Набатеец» ('an-nabatiyyu, 2009), героиня которого христианка-коптка, накануне прихода ислама в Египет выданная замуж на набатейца, познает духовную культуру этого семитского народа. «События в нем разворачива-

⁶ Between present and past: an interview with Mohammed Hasan Alwan // Words Without Borders. 2017, October 25. URL: <https://wordswithoutborders.org/read/article/2017-10/an-interview-with-mohammed-hasan-alwan-marcia-lynx-qualey/> (accessed: 23.12.2022).

ются... когда на Аравийском полуострове зарождается новая мировая религия – ислам. Этот период по-другому повернул ход мировой истории, когда возникло новое сильное государство-империя – Арабский халифат» (Аль-Гибали, 2015, с. 71). Также нельзя не отметить, что в большом числе перечисленных романов реальная история переплетается с авторским вымыслом, и роль последнего только усиливается в современной арабской литературе (Sayd, 2017; Аууoub, 2021).

Таковы роман упомянутого выше Мухаммеда Хасана Альвана «Маленькая смерть» (maut saghiir, победитель Арабского Букера 2017) о духовном восхождении суфийского философа начала XIII в. Ибн Араби; роман алжирца Абдель Ваххаба Исауи (р. 1985) «Канцелярия Спарты» ('ad-diiwaan 'al-'isbaartiyyu, победитель Арабского Букера 2020) о настроениях жителей прибрежного алжирского города Константины в 30-х гг. XVIII в., который покидают османские чиновники, в то время как на его землю ступают первые французские солдаты; роман, в основе которого лежит легенда, тунисского писателя Мухаммеда Иссы аль-Муаддаба (р. 1966) «Хаммам с золотом» (hamaam 'ath-thahab, в лонглисте Арабского Букера 2020) о судьбах тунисских евреев во время Второй мировой войны; «Трилогия Гранады» (thu-laathiyyat granata, лучшая книга Международной книжной ярмарки в Каире 1994 г.) египетской писательницы Радвы Ашур (1946–2014), где описывается жизнь арабов после Реконквисты; книга египетской писательницы Раши Адли (р. 1976) о столкновении эпох и культур Запада и Востока «Последние дни паши» ('aakharu 'aууаam 'al-baashaa, длинный список Арабского Букера 2020), главный герой слуга Хасан, приставленный к подарку Мухамеда Али королю Франции – живому жирафу, вместе с которым он отправлен в Европу, и др.

Заметным событием последних лет в мировой литературе стало награждение оманской писательницы Джохи аль-Харти (р. 1978) The MAN Booker Prize 2019 за роман «Небесные тела» (sayyidaat 'al-qamr, русский перевод 2020 г.). Ее книга, написанная в технике переплетения потоков сознания и состоящая из большого числа 1–2-страничных глав-голосов, являет нам на фоне социальных, а вместе с ними и нравственных преобразований историю Омана XX в. (голод в Первую мировую войну, отмену рабовладения, нелегальную торговлю оружием в Персидском заливе, сопротивление в Дофаре в 1960-х гг. и др.). Роман также наполнен, кроме исторических событий, этническими элементами – стереотипами, рецептами, традициями, описанием обрядов, заклинаниями, языческими верованиями (Власова, 2021) и демонстрирует таким образом национальную идентичность и национальную специфичность. Для передачи своеобразия национального бытия народа и особенностей народного характера в текст вводятся локально окрашенные имена собственные, топонимы, бытовая лексика, например названия фиников на разной стадии их созревания и т. п.

Что такое эти свадьбы? Обносишь гостей закусками и напитками, да и только. Танцуют, поют, сплетничают. Настоящее удовольствие не на свадьбах, а на обрядах зара! После трапезы под яростные удары барабана она будто хмелела и ощущала такой прилив сил, что могла пройти по го-

рящим углям или начать кататься по земле во время безумных плясок. Мать ее – да помилует Аллах ее душу! – была Большой Мамой – главной строительницей и главным действующим лицом и разговаривала с джиннами, которые вселялись в участников обряда, корчащихся на углях. Зарифе было все равно, что Сулейман прикажет высечь ее, если она пропадет на два-три дня (Аль-Харти, 2020, с. 193–194).

Другая современная оманская писательница – Бушра Хальфан (р. 1969), чей исторический роман «Дильшаад» (dilshaad, 2021) дошел в 2022 г. до финала Арабского Букера, также говорит о том, что ее «вдохновляет фольклор, который еще не нашел отражения в литературе»⁷.

Таким образом, мы наблюдаем, как жанр исторического романа в арабской литературе в настоящее время смещает фокус с исторического переломного события и с исторического лица и героя в полном смысле этого слова, отважного, с действенным характером, на эпоху с характерной этнической культурой. По-видимому, это мировая тенденция, которая отражается в еще не устоявшемся термине «этнолитература» и воспринимается критиками, «во-первых, как адекватный ответ на вызовы глобализации, а во-вторых, как средство пополнить иссякающие ресурсы сюжетной, образной и собственно языковой занимательности»⁸.

Современными арабскими писателями эпоха выбирается пограничная, «сумеречная» – не период расцвета и силы, не точка самой исторической катастрофы, наполненной событиями, как смена власти, великие битвы и тому подобное, а канун упадка, порог важных перемен либо время сразу после ключевых дат истории, чаще трагичных. А трагедия, которая изображается, преодолевается в романе философом, ученым, носителями национальной культуры и народных традиций, непосредственно не влияющими на ход истории. История мыслится, скорее, не как череда набегов, переворотов, формаций, а как духовная история народа.

Заключение

Историчность, тесно связанная с племенной культурой, мировоззрением и образом жизни бедуинов, была присуща самым ранним из дошедших до нас памятникам арабской литературы. Закономерно, что исторический жанр зарождался и развивался у арабов именно в поэтической форме. Литература того периода считается «золотым веком» арабской национальной литературы, а следовательно, оказывает на современную арабскую культуру опосредованное влияние по сей день не только в художественных формах, но и в содержательном отношении, что в том числе проявляется в постулировании важности исторического жанра и постоянном к нему обращении арабских авторов.

⁷ Alhinai M., Alhinai S. How Oman's history inspires its novelists. Middle East Institute, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/how-omans-history-inspires-its-novelists> (accessed: 28.11.2022).

⁸ Чуприн С. Этнолитература. 2014. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Ч/chuprinin-sergej/russkaya-literatura-segodnya-zhiznj-po-ponyatiyam/315> (дата обращения: 13.01.2023).

В Позднее Средневековье исторический жанр, как и вся арабская национальная литература, переживал упадок, но не исчез, а трансформировалась в те литературные формы, которые принято называть «низкими», став поистине народной литературой.

С подъемом национального движения и просветительской деятельностью конца XIX – начала XX в. в рамках романтизма и реализма появляется арабский исторический роман в классическом понимании его европейской литературной критикой. К середине XX в. арабские писатели-реалисты добиваются мирового признания, в том числе за представленные ими исторические романы.

Вследствие потрясений, постигших Арабский мир в 1960-х гг., а также восприятия постмодернистского течения в жанре исторического романа стали использоваться новаторские приемы, жанр перестал существовать в прежних границах, он заметно разнообразился, сменив парадигму, система ценностей которой стала направлена на настоящее.

Сегодня место и роль исторического романа в арабской литературе и культуре по-прежнему велики. Произведения жанра стабильно входят в списки лауреатов различных общеарабских конкурсов и премий, два из упомянутых нами – «Каирская трилогия» и «Небесные тела» – единственные две книги на арабском языке, получившие высшее международное, а не региональное, панарабское признание.

Вместе с тем современная арабская литература, которая долгое время сохраняла самобытность, а затем стремилась соответствовать европейскому роману, демонстрирует в рамках исторической ниши заметную трансформацию жанра и отход от тех канонов, которые казались незыблемыми в рамках жанра все предшествующее столетие, как героизм действующего лица, его историческая и политическая значимость, событийность, линейность и др. В том числе это коснулось выбора исторических отрезков, к которым чаще всего обращаются современные авторы. Преобладающими стали те исторические периоды, которые мы называли «пограничными» и к отбору которых ранее писатели прибегали редко. Также дезактуализировалась современность как материал арабского исторического романа. Тематика арабской исторической прозы как бы совершила виток: прошлое – настоящее – и обратно прошлое, но уже иное.

Кроме того, арабский исторический роман «не стоит в стороне» от актуальных процессов в литературе. Арабские писатели исторического жанра смело экспериментируют. Именно на почве исторического жанра в арабских странах развивается сегодня новая арабская этнолитература.

Список литературы

- Аль-Гибали М. История другой жизни // Азия и Африка сегодня. 2015. № 2. С. 71–72.
Аль-Харти Дж. Небесные тела. М.: ЭКСМО, 2020. 256 с.
Арслы Э.Г. Джирджи Зейдан и арабский исторический роман. М.: Наука, 1967. 80 с.
Власова Ю.Е. Обычай и традиции Султаната Оман и их отражение в романе Джохи аль-Харти «Небесные тела» // Филология: научные исследования. 2021. № 11. С. 27–37.

- Жачемукова Б.М., Бешукова Ф.Б.* Художественная особенность романа исторического жанра // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 1–6.
- Зарытовская В.Н.* Запрещенный роман Н. Махфуза «Дети нашей улицы» // Азия и Африка сегодня. 2014. № 1. С. 65–69.
- Кирпиченко В.Н.* Новая и современная литература Египта (XIX–XX вв.). М.: ИВ РАН, 2003. 88 с.
- Копылов А.Н.* Истоки и специфика жанра исторического романа // Современные гуманитарные исследования. 2011. № 2. С. 71–76.
- Орлов С.А.* Исторический роман Вальтера Скотта. Горький: Горьковский государственный университет, 1960. 484 с.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Тахер Б.* Любовь в изгнании // Комитет / С. Ибрагим. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 384 с.
- Abu Baker A.* The problematics of identity and identity erasure in Youssef Zeidan's Azazeel. 2015. URL: https://www.researchgate.net/publication/350561069_Alternative_Histories_in_Youssef_Ziedan's_Azazeel_Historiographic_Metafiction_in_the_Contemporary_Arabic_Historical_Novel (accessed: 13.12.2022).
- Allen R.* Literary history and the Arabic novel // *World Literature Today*. 2001. Vol. 75. No. 2. Pp. 205–213. <https://doi.org/10.2307/40156519>
- Ayyoub H.* Alternative histories in Youssef Ziedan's Azazeel: historiographic metafiction in the contemporary Arabic historical novel // *Journal of the Faculty of Philology, Cairo University*. 2021. (In Arab.) <https://10.21608/jarts.2021.68428.1119>
- Dayf Sh.* Era of Jahiliyya. Cairo: Al-Maarif, 1960. 434 p. (In Arab.)
- Harb L.* Arabic literary theory // *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190201098.013.989>
- Rastegar K.* Jurji Zaydan: Avatar of the modern revitalization and worlding of Arabic literature // *Wiley Online Library*. 2019. <https://doi.org/10.1002/9781118635193.ctwl0175>
- Rayhanova B.* The past and present in the modern Arabic novel // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 2004. No. 1. Pp. 71–84.
- Sayd A.* The historical imagination of Abdullah Ibrahim // *Journal of Prince Abdul Qadir University of Islamic Sciences*. 2017. (In Arab.) <https://doi.org/10.37138/emirj.v31i1.1673>

Сведения об авторах:

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-9910-7913. E-mail: widaad@yandex.ru

Аль-Рахби Ахмед Мохаммед, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель, кафедра иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-4010-1634. E-mail: al-rakhbi-a@rudn.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-271-283

EDN: PNQBLT

UDC 821.214.21

Research article / Научная статья

Challenging Eurocentric narratives: a postcolonial feminist analysis of the lives and experiences of Third World women

Nadeem Ahmad Rather

*Indian Institute of Technology Jammu,
NH-44, PO Nagrota, Jagti, Jammu and Kashmir, 181221, Republic of India*
✉ nadeem.rather@iitjammu.ac.in

Abstract. The ideas of Chandra Talpade Mohanty, a leading postcolonial feminist scholar, are explored. Attention is drawn to the criticism of Western feminist scholarship by postmodern and postcolonial feminists for its tendency to assume that the experiences of Third World women are universally and essentially same, ignoring the diversity and complexity of their lives. In an effort to better understand and give voice to the variety of experiences among Third World women, these feminists have sought to challenge misleading stereotypes that depict them as helpless, submissive, and oppressed. The importance of recognizing that the lives and experiences of Third World women are shaped by a multitude of factors, including cultural customs, language, history, education, family dynamics, societal values, religion, racial identity, social class, politics and economic status is emphasized. The novel *Women at Point Zero* is analyzed to illustrate how all these factors in combination play a role in defining the lives and experiences of Third World women. Through this analysis, Eurocentric narratives are challenged and their limitations are exposed. It is also shown how Firdaus, a character in the novel, opposes and subverts essentialist and stereotypical views of women from the global South as passive and oppressed.

Keywords: postmodern feminism, essentialism, stereotyping, intersectionality

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 7, 2023; revised April 1, 2023; accepted April 14, 2023.

For citation: Rather, N.A. (2023). Challenging Eurocentric narratives: A postcolonial feminist analysis of the lives and experiences of Third World women. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 271–283. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-271-283>

© Rather N.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вызов европоцентристским нарративам: постколониальный феминистский анализ жизни и опыта женщин третьего мира

Н.А. Разер

*Индийский технологический институт Джамму,
Республика Индия, 181221, Джамму и Кашмир, Джасги, ПО Нагрома, NH-44*
✉ nadeem.rather@iitjammu.ac.in

Аннотация. Исследуются идеи Чандры Талпаде Моханти, ведущего постколониального ученого-феминистки. Обращается внимание на критику западной феминистской науки постмодернистскими и постколониальными феминистками за ее склонность предполагать, что опыт женщин третьего мира универсален и по существу одинаков, игнорируя разнообразие и сложность их жизни. Стремясь лучше понять и озвучить разнообразный опыт женщин третьего мира, эти феминистки стремились бросить вызов вводящим в заблуждение стереотипам, изображающим их беспомощными, покорными и угнетенными. Подчеркивается важность признания того, что жизнь и опыт женщин третьего мира формируются множеством факторов, включая культурные обычаи, язык, историю, образование, семейную динамику, социальные ценности, религию, расовую идентичность, социальный класс, политику и экономический статус. Проанализирован роман «Женщины в нулевой точке» с целью проиллюстрировать, как все эти факторы в совокупности играют роль в формировании жизни и опыта женщин третьего мира. Ставятся под сомнение европоцентристские нарративы и выявляются их недостатки, а также демонстрируется, как Фирдаус, главная героиня романа, бросает вызов и ниспровергает эссенциалистские и стереотипные представления о женщинах глобального Юга как о пассивных и угнетенных.

Ключевые слова: постмодернистский феминизм, эссенциализм, стереотипизация, интерсекциональность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 7 февраля 2023 г.; отрецензирована 1 апреля 2023 г.; принята к публикации 14 апреля 2023 г.

Для цитирования: *Rather N.A. Challenging Eurocentric narratives: a postcolonial feminist analysis of the lives and experiences of Third World women // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 271–283. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-271-283>*

Introduction

East and West: the two binaries

There is a long-standing misconception in Western societies that the East is inferior to the West and is primitive, illogical, aggressive, alien, fanatical, and barbaric. In fact, all these derogatory words are regularly used to disparage the East, fostering the idea that the West is superior and holds control in all areas,

including social, political, cultural, scientific, military, and economic fields. This belief in Western superiority is often reinforced through various forms of discourse, including history, literature, art, music, etc. In his seminal text *Orientalism* (1979), Edward Said, a Palestinian critic, asserts that “European culture gained in strength and identity by setting itself off against the Orient as a sort of surrogate and even underground self” (Said, 1979, p. 3). This dichotomy between the West and the East often presents the West as a modern, flowing territory and the East as a static, archaic region. Therefore, the Orient functions as a mirror to the West in that the West relies heavily on its counterpart, the Orient, for its own sense of superiority (Sandy, Ouardi, 2019, p. 129). On the other hand, this discourse of exoticism, essentialism, and stereotyping of the East and its people has been used to justify colonization, exploitation, and violence against Eastern civilizations.

The Knowledge production or the representation of the Orient in Western narratives is not a recent development; it has existed since the earliest times. Edward Said traces the development of this discourse back to ancient Greece, using two plays by Aeschylus as references. He reiterates that Asia in the play *The Persians* is portrayed as a ‘hostile other,’ a ‘world beyond the seas.’ In fact, colonists exploited literary works as propaganda weapons from the beginning to spread false images of the Orient. According to Said, “the ‘Orient was created – or, as I call it, ‘Orientalized’ – and to believe that such things happen simply as a necessity of the imagination is to be disingenuous... The Orient was Orientalized not only because it was discovered to be ‘Oriental’ in all those ways considered commonplace by an average nineteenth-century European, but also because it could be – that is, submitted to being – made Oriental” (Said, 1979, pp. 5–6).

Said’s argument centers on the idea that the West’s portrayal of the Orient is heavily biased and serves to further its own dominance. Additionally, this euphoria of the West’s supremacy over the East is characterised by a tremendous power disparity, according to Said. He notes that the power imbalance between the West and the Orient allows for the creation of such universalized images that further reinforce this dominance. This power allows the West to shape how the Orient is perceived and represented and to create narratives that serve its interests. However, Said’s analysis does not explicitly address gender as a factor in constructing these narratives. This paper aims to build upon Said’s argument by examining the role of gender in how European discourse has portrayed women in colonized societies, specifically how the idea of rescuing and civilizing these women was used to justify and reinforce imperial power. By considering the intersection of gender and imperialism, this paper seeks to provide a more nuanced and comprehensive understanding of the way that Western narratives have shaped and continue to shape the perception of the Orient.

Discussion

Third World women in Western feminist discourse

The term “Third World” was originally used during the Cold War era to refer to countries aligned with neither the capitalist or NATO First World nor with communist or Soviet Union Second World blocs. Over time, the term has, however, taken on a broader meaning and is now commonly used to describe developing countries in Africa, Asia, and Latin America. These countries are often characterised

by economic and social underdevelopment, political instability, limited access to education and healthcare, and high poverty rates. Despite its historical use, the term is now considered politically incorrect and potentially offensive as it implies a hierarchy of development and reinforces negative stereotypes about these regions of the world. This negative stereotyping of Third-World countries is also evident in the way Western feminists have portrayed Third-World women. Therefore, for this paper, the term “Third World women” will be used in the manner Western feminists employ it in their written works.

In the west, women left no stone unturned in the construction of the orientalist discourse, even though male scholars made up most of it. There is a ‘persistent trope’ in the West in general and Western feminism in particular, where Third-World women are frequently seen and stereotyped as helpless, submissive, dependent, and oppressive beings. In reality, Western feminists utilized the stereotypical image of women from third-world nations to contribute to the ideological project of the empire and promote the differences between Occidental and Oriental women, the primitive and the civilized, the spiritual and the rational, the weak and the powerful, while dressing up to rescue Third-World women from the plight of patriarchy and in their quest for liberation and development. They boasted about their own political rights and power while acting as agents of progress and enlightenment for Third-World women. According to Abu-Lughod (2002), “projects of saving other women depend on and reinforce a sense of superiority by Westerners, a form of arrogance that deserves to be challenged” (Abu-Lughod, 2002, p. 789). However, even after donning the attire to rescue Third-World women, whom they saw as worse off than themselves, West women frequently “overstepped indigenous women’s subject position and sense of agency” (Syed, Ali, 2011, p. 352). Western feminists disregarded the effect of contextual factors on Third-World women. The women in the Third World have been portrayed and understood through the lens of Western feminists and viewers with no regard whatsoever and due consideration of local customs, culture, history, language, education, traditions, family, society, religion, race, and class, polity, and economy. They see Third-World women as a single, homogenous group with the same issues and requirements as women in the West. Moreover, they presumptively believe that all women across the world possess the same power and strength to fight against the implicit patriarchy and male-dominated culture they live in (Mahmoud, Sarhan, 2011, p. 35). The Third-World women, then, can be said to have been reduced in Western feminist narratives as beings who were enslaved, degraded, and in need of salvation and have remained silent figures like the Third World itself in their image creation in such Eurocentric narratives. In this case, Spivak (1999) writes, “if in contest of the colonial production, the subaltern has no history and cannot speak the subaltern as female is even more deeply in shadow” (Spivak, 1999, p. 274).

In reaction to this absence and over-generalization by Western feminists, many Third-World feminists have worked to highlight the specific experiences and challenges women face in their own cultural and societal contexts and to resist the universalizing and essentializing tendencies of Western feminism. Some Third-World feminists have also sought to deconstruct how the concept of feminism has been postulated and understood within the Western feminist tradition and to challenge the assumptions and biases that have shaped this tradition. By doing so,

they have sought to create more inclusive and intersectional approaches to feminist thought and activism that are tuned to women's diverse experiences and needs worldwide. They aim to understand women's struggles in connection with historical, cultural, economic, religious, geographical and political settings, opposing the idea that women are one homogeneous, generic and victimized singular entity and an undifferentiated other. They reject the notion that Western women can speak for 'other' women without having experienced their life and culture. Moreover, they have adopted diverse strategies and methodologies to expose and challenge Eurocentric narratives.

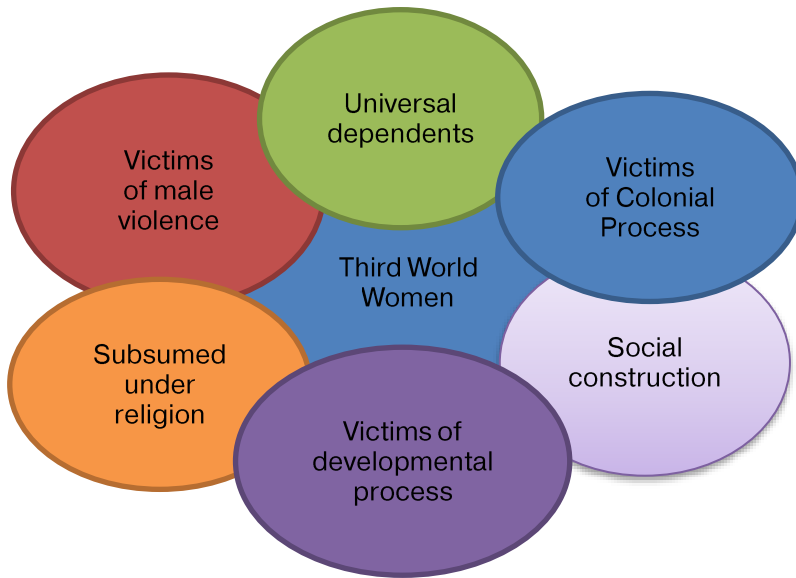
In light of the above, this paper aims to examine the role played by Western feminists in postcolonial endeavours aimed at liberating and supporting Third-World women, as addressed by Third-World feminists. It notes that one of the barriers to forging a common sisterhood is the difference in how they represent themselves and Third World women.

Under Western eyes

In "Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses" (1984), Chandra Mohanty critiques the way in which Western feminist scholarship has historically approached the experiences and issues of women in non-Western cultures. Mohanty argues that this scholarship often essentializes and homogenizes the experiences of these women, reducing them to a monolithic and victimized group, and ignores the diversity and agency of these individuals. This homogenization is not based on "biological" factors but rather on "sociological and anthropological universals" that often treat women as a singular group due to the perceived "sameness of their oppression" (Mohanty, 2020, p. 65). By failing to consider the complexities and subtleties involved in these experiences adequately, Western feminist research creates a distorted and oversimplified "image of the average third-world woman" (Mohanty, 2020, p. 65).

In her analysis, Chandra Mohanty examines how the creation of a unitary, homogenized image of non-Western women in discourse serves to exercise orientalist power. According to Mohanty, this monolithic representation of non-Western women is contrasted with the "self-representation" of Western feminists, resulting in the erasure of non-Western women's "historical and political agency" (Liddle, Rai, 1998, p. 500). Western feminists are depicted as the true subjects" of this counter-history, while non-Western women are reduced to the "debilitating generality" of their "object" status (Mohanty, 2020, p. 79). The "average Third World woman" is portrayed as "ignorant, poor, uneducated, traditional, religious, domesticated, family-oriented, and victimized," while Western women are depicted as "educated, modern, and in control of their bodies and sexualities with the 'freedom' to make their own decisions" (Mohanty, 2020, p. 65). The construction of the Third world women as Other and oppressed beings thus implicitly demands from First world women to be their saviors and voices. Since she cannot save and represent herself in the vicious circle of oppression, she needs to be represented. Moreover, since these Third World women are "identical and interchangeable" therefore, "knowing one woman, what she needs, and how to fulfill those needs, is sufficient for the development expert to know and develop all other Third World women" (Wood, 2001, p. 431).

In her work, Mohanty identifies six dominant feminist discourses that contribute to the portrayal of “Third World women” as a unified and homogenous group. These discourses depict “Third World women” as victims of male violence, colonial oppression, family systems, development processes, and religious ideologies. These representations often position “Third World women” as passive and vulnerable, lacking agency and independence (Figure).

Six dominant feminist discourses

Women as victims of male violence

The portrayal of victimhood of women in Western feminist discourse often centers on sexual oppression and male violence, with issues such as female genital mutilation being frequently cited, particularly in African and Middle Eastern societies. While instances of male violence against women exist, reducing all “Third World women” to passive victims and all men to violent perpetrators fails to consider the complexities and specificities of individual societies and their systems of power. This oversimplification creates a homogenous group of women who are seen as solely suffering from male violence and a monolithic group of men who are seen as violent. Instead, it is essential to carefully analyze and understand male violence within these societies in order to work more effectively toward change. “Sisterhood cannot be assumed on the basis of gender; it must be forged in concrete, historical and political practice and analysis” (Mohanty, 2020, p. 67).

Women as universal dependents

In this discussion, Mohanty highlights the common portrayal of Third World Women in Western scholarship as universal dependents in both political and economic terms. Mohanty cites the depiction of African, Vietnamese, and Black American women as examples of this generalization. This generalization often involves portraying these diverse groups as homogenous and suffering from the same forms of oppression due to their ethnicity, gender, and class. Mohanty argues that this approach assumes that men and women are already established as

“sexual-political subjects” prior to engaging in social relationships, and as a result, analyses of the impacts of factors such as “colonialism, labor organization, and kinship structures” on women are flawed. This is because these analyses are based on the assumption that women are already defined as a group due to shared dependencies, ultimately stemming from their “gender” (Mohanty, 2020, p. 68).

Married women as victims of colonial process

Western feminist scholars often depict married “Third World women,” such as Bemba women in Zambia, as uniform victims of colonialism. Mohanty criticizes this portrayal as being overly simplistic and lacking in nuance, as it fails to consider the agency and complexity of these women’s lived realities. Instead, Mohanty suggests that a more nuanced approach is needed, one that recognizes the ways in which power relations within kinship structures shape women’s experiences rather than treating them as passive subjects. This approach also acknowledges that women’s identities are not solely defined by their entry into marriage but rather by the various social structures in which they find themselves.

Women and familial systems

In this section, the author discusses how kinship structures, such as patriarchal families, may be used to define and construct women’s homogenizing roles and identities within a family and society. This scholarship of assuming a singular, cohesive kinship system that influences the socio-economic status of women is used to portray all Arab and Muslim societies while ignoring the particular “historical and ideological power structures” that shape these societies (Mohanty, 2020, p. 70). When speaking of the “patriarchal family or tribal kinship structure” as the origin of women’s “socio-economic status,” it is again to assume that women are “sexual-political subjects prior to their entry into the family” and thus, the methodology fails to account for the specific practices within the family that construct women as mothers, wives, sisters, etc. (Mohanty, 2020, p. 70). According to Mohanty, it is essential to consider the ways in which kinship structures are used as “ideological practices” that shape gender roles and relations rather than assuming a universal, static system that affects all women in the same way.

Women and religious ideologies

There are several limitations to the way that third-world women are often viewed as uniform victims of religion. This approach ignores these women’s unique experiences and identities and simplifies the role of religion, like Islam, to a single unified ideology. Instead, it is essential to recognize that religion, ideology, and economic factors intersect and influence women’s experiences in different societies in complex and diverse ways. This is something that Mohanty has pointed out as being particularly important to consider.

Women and the development process

Western feminist scholars often approach the development of Third World women through a narrow lens, assuming that “development” is synonymous with “economic development” or “economic progress” only. Perdita Huston, for exam-

ple, argues that development policies in countries like Egypt, Kenya, Sudan, Tunisia, Sri Lanka, and Mexico do not adequately address the needs of women, which she believes “centre around education and training, work and wages, access to health and other services, and political participation and legal rights” (Mohanty, 2020, p. 72). Huston suggests that these needs result from the lack of “sensitive development policies” that “exclude women as a group,” and she proposes that policies that prioritize “training for women field-workers, use women trainees, and encourage women’s cooperatives” would be more effective (Mohanty, 2020, p. 72). However, this approach to development again fails to consider the complexity of the interests and experiences of women from different social classes and cultures and can result in the “colonization of their specific experiences and political interests.” (Mohanty, 2020, p. 72) According to Mohanty, Huston’s representation of women in the Third World also lacks the acknowledgment of their agency, presenting them as having “needs and problems” but not “choices or the freedom to act” (Mohanty, 2020, p. 72).

Mohanty, therefore, critiques the “assumptions and implicit principles” (Mohanty, 2020, p. 72) underlying Western feminist scholarship on non-Western women and calls for a more inclusive approach that recognizes the agency and diversity of these women. She argues that this approach is informed by a colonial discourse that perpetuates the power dynamic between the West and the rest of the world, characterized by a lack of consideration for the specific histories and contexts of non-Western societies and an assumption of Western superiority. This approach is harmful as it reinforces power imbalances and fails to represent the experiences of non-Western women accurately. Mohanty highlights the challenges of constructing a homogenous group, emphasizing that oppression is always contextualized by history, ethnicity, and local social culture and cannot be equated with one another.

Case of Firdaus in novel *Women at Point Zero*

Nawal El Saadawi’s *Women at Point Zero* (1983) offers an opportunity to explore the portrayal of Firdaus, the central character, through the lens of Mohanty’s critique. The memoir presents a captivating and thought-provoking portrayal of its protagonist, Firdaus, whose identity and experiences are shaped by intersecting power systems, such as patriarchy, colonialism, religion, poverty and capitalism. Through this character, the memoir delves into the complexity and multifaceted nature of the intersecting themes of gender, oppression, violence, religion, race, and class, making it a valuable contribution to the ongoing research on intersectionality in the experiences of women. Rather than presenting Firdaus as a one-dimensional representative of all women in the global South, *Women at Point Zero* recognizes and emphasizes the individuality and distinctness of her life. The book deconstructs the notion of reductionism by illuminating the intricate interplay of various factors, such as personal history, interpersonal relationships, cultural and societal contexts, and religious beliefs, in shaping Firdaus’s life and experiences rather than attributing the entirety of the narrative to a single element.

Firdaus’ journey is one of resilience and determination in the face of overwhelming adversity. Despite facing sexual abuse, financial hardship, and domestic violence, she remains undaunted in her efforts to break free from the oppressive structures that seek to confine her. Through her actions, Firdaus resists the limi-

ting and dehumanizing expectations placed upon her by various agencies, demonstrating a formidable will to survive and thrive in the face of systemic injustice. In this way, Firdaus not only challenges and subverts the essentialist and stereotypical views of women from the global South as passive and oppressed but also serves as a beacon of hope and inspiration for others who may be struggling to find their own path to freedom and self-determination.

Female genital mutilation

Female genital mutilation (FGM), also known as female circumcision, refers to the partial or complete removal of the external female genitalia for non-medical purposes. The practice is commonly found in areas of Africa and the Middle East and is often motivated by cultural, religious, or social beliefs. Western feminists have vociferously decried female genital mutilation, with Fran Hosken taking a particularly critical stance on the practice. However, Hosken's perspective on FGM is centred on the idea that it is a harmful, deliberate attempt to deprive women of "sexual pleasure and satisfaction" (Mohanty, 2020, 66). While this perspective is certainly valid, it is worth noting that there are many other factors at play when it comes to FGM, including historical, social, traditional, and religious considerations. Ignoring these broader aspects could lead to an incomplete understanding of the problem and potentially ineffective solutions.

The practice of genital mutilation is not simply a matter of gender inequality; a way of controlling women's sexuality and ensuring that they remain sexually passive and obedient to men. Instead, it is a deeply entrenched and complex issue often rooted in political power dynamics. Its continuation and perpetuation result from a broader social, cultural, and political control system. In the memoir, Firdaus poignantly illustrates the devastating impact of genital mutilation on her psyche, recounting the trauma and agony of the procedure during her youth and the ongoing physical and emotional suffering it has inflicted upon her. She recalls the brutal incident with great distress, recounting how her mother "bought a woman who was carrying a small knife or maybe a razor blade" to "cut off a piece of flesh from between her thighs," an act that left Firdaus inconsolable as she, "cried all night" (El Saadawi, 1983, p. 13). Firdaus elucidates the political and cultural traditions that undergird female genital mutilation. This pernicious and intrusive practice is often perpetuated under the pretext that it is a crucial rite of passage to attain the status of a 'respectable' and 'proper' woman. Conversely, those who do not undergo FGM are frequently 'ostracized' and 'marginalised' within their communities. She asserts this belief by stating that, "A virtuous woman was not supposed to complain about her husband. Her duty was perfect obedience" (El Saadawi, 1983, p. 44). The practice is a deeply ingrained aspect of collective experience that holds significant cultural, social, and economic value. It is considered a crucial element in the development and expression of womanhood and a source of 'pride' and 'honour' for families. Given the centrality of this practice to social identity within the community, it is understandable that Firdaus' parents would view her infibulation as a necessary step in preserving her perceived purity and, by extension, her value as a potential spouse in the marriage market. The scene is described in the memoir as

Firdaus' Aunt to her Husband: If my uncle (Sheikh Mahmoud) marries Firdaus she will have a good life with him, and he can find in her an obedient wife, who will serve him and relieve his loneliness.

Husband: *Do you think Sheikh Mahmoud will welcome the idea?*

Aunt: *If I speak to him, I am sure he will agree. I intend to ask him for a big dowry.*

Husband: *How much?*

Aunt: *A hundred pounds or perhaps even two hundred if he has the money* (El Saadawi, 1983, pp. 36–37).

Therefore, due to the lack of agency and the stronghold of tradition, many girls come to view circumcision as a normal and necessary aspect of life, internalizing the justifications provided for its continuation (Althaus, 1997, p. 132). *Women at Point Zero*, thus, situates the practice of genital mutilation within the broader context of power dynamics and systemic oppression that significantly impact the life experiences of its protagonist, Firdaus.

Kinship and religious structures

...Every single man I did get to know filled me with but one desire: to lift my hand and bring it smashing down on his face. But because I am a woman, I have never had the courage to lift my hand. And because I am a prostitute, I hid my fear under the layers of make-up (El Saadawi, 1983, p. 10).

The commonly held perception in the Western world is that Muslim societies are inherently patriarchal, with Muslim women facing oppression. The religion of Islam is often erroneously perceived as a patriarchal system that advocates for the subjugation of women. However, Moroccan feminist and sociologist Fatima Mernissi argues that this interpretation is based on a misunderstanding of the Quran and is actually a product of “cultural” and “historical” circumstances rather than an inherent aspect of Muslim societies or the religion itself. While it is true that some societies may exhibit a pervasive attitude of male superiority and female subservience,¹ it is problematic to make broad generalizations or stereotypes about the experiences of Muslim women or their religion. She asserts that “Islam isn’t patriarchal, but patriarchy has been heavily involved in the history of the middle east, and have subsequently seeped into the ways Muslims practice their faith.”²

Moreover, it is important to consider the way that this is not just a problem of religion but also of ‘power’ and ‘representation.’ One can see this as an act of violence that is not an aberration but rather an inevitable result of patriarchal systems, where men with religious authority, use it to maintain and justify power over others and this is not limited to Islam but a problem of how all religions can be manipulated in such ways. As Michel Foucault has astutely noted, power is not concentrated in the hands of a select few but rather is pervasive and operates through various institutions, including religion. Thus, it is not simply a question of religious doctrine but rather an intricate web of power relations that must be examined and dismantled to address this phenomenon. The character Firdaus in the text highlights this ideology through an encounter with her uncle’s wife, who reveals that her husband, a “respected sheikh well-versed in the teachings of reli-

¹ Islam and patriarchy – and why it’s important to understand. 2015. Retrieved June 20, 2023, from <https://www.globalcitizen.org/en/content/islam-and-patriarchy-and-why-its-important-to-unde/>

² Ibid.

gion, often beats her.” Firdaus initially finds this difficult to reconcile, but the uncle’s wife clarifies that “men who are well-versed in their religion often use religious precepts as justification for such punishment” (El Saadawi, 1983, p. 44). This serves as a representation of Michel Foucault’s idea of “knowledge as power,” where men are utilizing religious knowledge as a means of domination.

Through the portrayal of a Firdaus’ journey in *Woman at Point Zero*, El Saadawi deconstructs the oversimplified and monolithic image of Arab and Muslim societies as strictly patriarchal, instead revealing the complex social and cultural practices that shape the identities and experiences of women in these societies. By delving into the historical and ideological power structures that have contributed to the portrayal of women in these cultures as oppressed, the work offers a more nuanced and comprehensive perspective on the realities of women’s lives in Arab and Muslim societies.

Firdaus, as a character, represents the fluid and multifaceted nature of personal identity. Through her encounters with a range of social structures, including family, religion, relationships with men, and the broader societal context, we see how her sense of self is constantly evolving and being shaped. While the institution of marriage may play a role in this process, it is not the sole determinant of Firdaus’s identity. Rather, the cumulative impact of all the different social structures she engages with ultimately shapes her sense of self and her place in the world.

Firdaus’ upbringing is indelibly shaped by the dynamics within her family first. Born into poverty and raised by a neglectful and abusive father, Firdaus suffered from trauma and instability during her childhood, which continued to impact her throughout her life. Furthermore, the submissive nature of her mother and the expectations placed on her daughters to follow traditional gender roles, with men as the dominant figures in the household and women as inferior and subservient, contribute to the perpetuation of these harmful dynamics. The maternal figure is expected to prioritize her spouse’s needs above her own and to support and service her husband and children rather than pursue her own aspirations and desires. The traditional family structures are used to reinforce the subordinate position of women. Firdaus narrates in the following manner: “*My father never went to bed without supper, no matter what happened. Sometimes when there was no food at home, we would all go to bed with empty stomachs. But he would never fail to have a meal. My mother would hide his food from us at the bottom of one of the holes in the oven. He would sit eating alone while we watched him*” (El Saadawi, 1983, pp. 18–19).

Firdaus’ relationships with men throughout the novel illustrate the power dynamics at play within kinship structures. She is frequently in positions of vulnerability and powerlessness in her relationships with men, who are often abusive and exploitative towards her. The arranged marriage between Firdaus and Sheikh Mahmoud illustrates the impact of kinship structures on the construction of gender roles and relationships within the family unit. In this society, the traditional kinship structure dictates that marriage serves as a means of achieving ‘economic’ and ‘social stability,’ with women expected to be submissive and obedient to their husbands. This reinforces traditional gender roles and power imbalances within the marriage, with Sheikh Mahmoud occupying a position of superiority and Firdaus expected to adhere to his expectations and wishes. This is illustrated in

the following lines spoken by Firdaus: “*On one occasion he (Sheikh Mahmoud) hit me all over with his shoe. My face and body became swollen and bruised. So, I left the house and went to my uncle. But my uncle told me that all husbands beat their wives and my uncle’s wife added that her husband often beat her... A virtuous woman was not supposed to complain about her husband. Her duty was perfect obedience*” (El Saadawi, 1983, p. 44)

From an early age, Firdaus and her siblings were at the mercy of their father and the other males in their family, who treated them as mere assets to be traded or sold for their own benefit. This is poignantly captured in her words: “My father, a poor peasant farmer, who could neither read nor write, knew very few things in life. How to grow crops, how to sell a buffalo poisoned by his enemy before it died, how to exchange his virgin daughter for a dowry when there was still time... (El Saadawi, 1983, p. 12). This behaviour illustrates the unfortunate reality of the subjugation of ‘female agency’ and ‘self-determination’ within familial dynamics while perpetuating the pernicious perception of women as mere commodities to be bartered and exchanged. Therefore, these power imbalances within kinship structures are used as “ideological practices” to reinforce traditional gender roles and inequalities, and they often serve to oppress and discriminate against women.

After being forced into marriage at a young age and enduring the subsequent subjugation and maltreatment inflicted by her spouse, the protagonist mustered the fortitude to break free from the shackles of domestic tyranny and seek her own autonomy. This courageous act, however, led her to a life of destitution and further exploitation as a prostitute. Firdaus’ physical being is utilized in a commoditized manner, with her being subjected to constant exploitation for the gain and satisfaction of others. Her existence is reduced to a mere object to be purchased and traded by individuals known as pimps, which obligate her to engage in sexual acts with various clients daily. Furthermore, she is frequently subjected to acts of physical violence as a means of coercion to comply with the whims of both her pimps and clients and is faced with punishment if she fails to do so. Firdaus narrates: “*Sharifa said to me one day, ‘Neither Bayoumi, nor any one of his cronies realized your worth, because you failed to value yourself highly enough. A man doesn’t know a woman’s value, Firdaus. She is the one who determines her value. The higher you price yourself, the more he will realise what you are relay worth, and be prepared to pay with the means at his disposal’*” (El Saadawi, 1983, p. 54).

Woman at Point Zero by Nawal El Saadawi thus challenges the stereotype of Arab and Muslim societies as inherently patriarchal by showing the complexities of social and cultural practices that shape the identities and experiences of women. The character of Firdaus represents the fluid and multifaceted nature of personal identity, shaped by a range of social structures, including family, religion, and societal context. The portrayal of patriarchal systems in the text highlights the manipulation of religion to justify power and domination.

Conclusion

In *Woman at Point Zero*, the protagonist, Firdaus, is a powerful example of the complexities and nuances of the experiences of non-Western women. Through Firdaus’s story, the novel showcases the importance of an inclusive approach that recognizes the agency and diversity of non-Western women. This approach, as advo-

cated by feminist scholar Chandra Talpade Mohanty, considers the specific histories and contexts of their societies in order to represent their experiences accurately.

The novel reveals how Firdaus' experiences of oppression are deeply rooted in her specific historical, ethnic, and cultural context and cannot be fully understood or represented through a universalized idea of the 'oppression of women'. The reader comes to understand how societal structures such as labour division, class, and gender roles contribute to and perpetuate the oppression of non-Western women. It is important to consider these structures within their specific cultural contexts, as they can differ greatly from those found in Western societies.

It highlights the complexities and nuances of these experiences and makes it clear that a one-size-fits-all approach to understanding and representing the experiences of non-Western women is not sufficient.

References

- Abu-Lughod, L. (2002). Do Muslim women really need saving? Anthropological reflections on cultural relativism and its others. *American Anthropologist*, 104(3), 783–90, <http://doi.org/10.1525/aa.2002.104.3.783>
- Althaus, F.A. (1997). Female circumcision: Rite of passage or violation of rights? *International Family Planning Perspectives*, 23(3), 130–33. <http://doi.org/10.2307/2950769>
- El Saadawi, N. (1983). *Woman at point zero*. Zed Books.
- Liddle, J., & Rai, S. (1998). Feminism, imperialism and orientalism: The challenge of the 'Indian Woman'. *Women's History Review*, 7(4), 495–520, <http://doi.org/10.1080/09612029800200185>
- Mahmoud, T., & Sarhan, A. (2011). *Voicing the voiceless: Feminism and contemporary Arab Muslim women's autobiographies*. Graduate College of Bowling Green State University. <http://doi.org/10.13140/RG.2.2.24349.44006>
- Mohanty, C.T. (2020). Under Western eyes: Feminist scholarship and colonial discourses. *Colonial Discourse and Post-Colonial Theory*, 30(30), 208–232. <http://doi.org/10.4324/9781315656496-24>
- Said, E. (1979). *Orientalism*. 25th ed. Vintage Books.
- Sandy, K., & Ouardi, E.L. (2019). Third World women representation in Western feminist discourse: A critical study. *Arab World English Journal For Translation & Literary Studies*, 3, 127–135.
- Spivak, G. (1999). *A critique of postcolonial reason: Toward a history of the vanishing present*. Harvard University Press.
- Syed, J., & Ali, F. (2011). The white woman's burden: From colonial civilisation to Third World development. *Third World Quarterly*, 32(2), 349–65, <http://doi.org/10.1080/01436597.2011.560473>
- Wood, C.A. (2001). Authorizing gender and development: 'Third World Women', native informants, and speaking nearby. *Nepantla: Views from South*, 2(3), 429–447.

Bio note:

Nadeem Ahmad Rather, Ph.D., research scholar, Department of Humanities & Social Sciences, Indian Institute of Technology Jammu, NH-44, PO Nagrota, Jagti, Jammu and Kashmir, 181221, Republic of India. ORCID: 0000-0003-1448-7836. E-mail: nadeem.rather@iitjammu.ac.in

Сведения об авторе:

Разер Надим Ахмад, доктор философии, научный сотрудник, отдел гуманитарных и социальных наук, Индийский технологический институт Джамму, Республика Индия, 181221, Джамму и Кашмир, Джагги, ПО Нагрота, NH-44. ORCID: 0000-0003-1448-7836. E-mail: nadeem.rather@iitjammu.ac.in

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-284-292

EDN: PTXPGT

УДК 821.214.21

Научная статья / Research article

Особенности современной ангажированной поэзии хинди

Г.В. Стрелкова^{1,2}, К.А. Лесик^{2,3}

¹Институт востоковедения Российской академии наук,
Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
³Дипломатическая академия МИД РФ,
Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
 ksundra-1@yandex.ru

Аннотация. Влияние марксистской идеологии сыграло своеобразную роль в формировании литературы хинди. Многие писатели данного направления считали, что поэтическое слово настолько способно осветить проблемы неравенства и угнетения, что может пробудить в обществе эффективные политические, социальные и экономические действия, которые смогут облегчить жизнь обычного человека. В современной поэзии хинди наблюдается увлеченность молодых поэтов ангажированной эстетикой, которую они уточняют понятием «социалистическая». Направленная на критику окружающего их мироустройства она указывает на проблемы социального мира и неравноправия. В исследовании впервые рассматриваются и переводятся стихотворения хинди XXI в. – поэтов левого крыла Алокадханвы и Авинаша Мишры. Они, заостряя внимание читателей на том, что искусство слова дано им свыше, посредством реалистических стихов и простого языка поднимают острые общественные вопросы, скрывая свое бессилие за риторическими призывами, вызывающими к активной борьбе. Особое внимание уделено разбору художественных приемов, которые практически не используются в этой поэзии. Делается вывод о том, что поэты создают собственную метапоэтику, направленную на пересмотр задач литературы как способа обличения пороков современного общества.

Ключевые слова: индийская поэзия, стихотворения хинди, современность, ангажированность, метапоэтика борьбы, Алокдханва, Авинаш Мишра

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14 февраля 2023 г.; отрецензирована 16 марта 2023 г.; принята к публикации 1 апреля 2023 г.

Для цитирования: Стрелкова Г.В., Лесик К.А. Особенности современной ангажированной поэзии хинди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 284–292. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-284-292>

© Стрелкова Г.В., Лесик К.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Socially-engaged narrative in contemporary Hindi poetry

Guzel V. Strelkova^{1,2}, Ksenia A. Lesik^{2,3}

¹*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka St, Moscow, 107031, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University,*

11 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation

³*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
53/2 Ostozhenka St, bldg 1, Moscow, 119021, Russian Federation*

 ksundra-1@yandex.ru

Abstract. The influence of Marxist ideology has played a peculiar role in the formation of Hindi literature. Many writers believed that a literary word, illuminating the problems of inequality and oppression, could awake effective political, social and economic actions that could change an ordinary person's life. In contemporary Hindi poetry there is the rise of young poets' interest in socially-engaged narrative, which they clarify with the concept of "socialist". It is aimed at criticizing the world order surrounding them and the desire to point out the problems of social peace. The authors discuss and translate for the first time the poems of the 21st century – Hindi poets of the left wing Alokadhanva and Avinash Mishra. They, drawing the reader's attention to the fact that the art of the word is given to them from above, raise acute social issues with realistic poems and simple language, hiding their powerlessness behind rhetorical appeals calling for an active struggle. Special attention is paid to the artistic techniques, which are practically not used in this poetry. It is concluded that poets create their own metapoetics focused on revising literature's mission as a way of exposing the modern society's vices.

Keywords: Indian poetry, hindi poems, modernity, engagement, metapoetics of struggle, Alokadhanva, Avinash Mishra

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 14, 2023; revised March 16, 2023; accepted April 1, 2023.

For citation: Strelkova, G.V., & Lesik, K.A. (2023). Socially-engaged narrative in contemporary Hindi poetry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 284–292. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-284-292>

Введение

Ангажированная литература как опыт слияния литературы и политики появилась в кругах французской *левой интеллигенции*, особенно экзистенциалистов, после Второй мировой войны. В частности, Ж.П. Сартр в своем эссе «Что такое литература?» (1947) провозглашает задачей такой литературы «совмещение „формальной свободы слова“ и „материальной свободы действия“»¹. В начале XXI в. критики, отмечая, что в современной мировой литературе появилась «потребность в ангажированной литературе и социальных идеях» (Униловский, 2009), не могут окончательно определить причины интереса к созданию таких произведений.

Новый всплеск ангажированных произведений коснулся и Индии. Изначально в течение борьбы за независимость и после ее обретения Инди-

¹ Краткая литературная энциклопедия (КЛЭ). URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/KLE-abc/ke9/ke9-0581.htm> (дата обращения: 15.02.2023).

ей в 1947 г. обширная часть литературы хинди, по словам индийского литературного критика Амира Чанда Вайшьи, развивалась под влиянием социальных, политических и экономических движений (Vaišya, 2013). Писатели этого времени считали, что прозаические, особенно поэтические, произведения могут стать проповедью революционных идей. С помощью литературы они могли обращаться к народным массам и пропагандировать новые социальные идеи, которые шли вразрез с религиозным традиционализмом. Многие поэты считали своей миссией возвещать идеи гандизма и марксизма, обращаясь к читателям с нравственными наставлениями, освещая острые социальные проблемы (Очерки истории литератур Индии, 2014, с. 100).

Главным рупором такого литературного направления становится в 1936 г. Ассоциация прогрессивных писатели Индии (АППИ). Принадлежа к направлению *прагатиवाद* (*pragativād* – прогрессивизм), писатели не скрывали свою приверженность к марксизму и социализму, идеи которых в их произведениях ограничивались темой борьбы с социальным неравенством, что во многом приводило к излишней дидактичности.

Ярким примером поэта, который в своем творчестве придерживался *леворадикальных* прогрессивных настроений, может послужить Раджан Мадхав Муктибодх (1917–1964), ведущий представитель *новой поэзии* хинди (*Naī kavītā*). Его вовлеченность в слияние эстетики, политики и этики сформировали новую модель модернистской поэзии хинди, особенно в развитии стихотворного жанра *lambī kavītā*, длинной поэзии (Goulding, 2018).

Стоит отметить, что индийским литературным критикам в данном случае свойственно гиперболизировать. Так, они утверждают, что идеи протеста совсем не новы для индийской литературной традиции и уходят корнями в ведическую литературу, приводя в пример образ Прахлады, который первым выступил против неэтических действий своих наставников, и средневекового поэта-*бхакта* Кабира, который в XX в. считался радикальным поэтом, восставшим против разобщенности религий индусов и мусульман и кастовой системы (Anjum, 2012, p. 4).

Современные литераторы хинди, особенно поэты, также начинают относить себя к последователям марксистской эстетики, которые, как и поэты начала XX в., «стремились подойти к оценке своего классического наследия с марксистских позиций, определить его роль в развитии прогрессивных тенденций в современной литературе» (Гринцер, 1977, с. 31). Более того, поэты хинди XXI в. за основу своего творчества взяли одно высказывание Премчанда (1880–1936), писателя, реалиста и основателя АППИ, которое звучит следующим образом: «Литература – это идущий впереди политики, освещающий правду факел» (Paṇḍey, 2016, p. 65).

Обсуждение

Следует начать с того, что Манаджар Пандей, индийский литературный критик, который в свое время заведовал кафедрой новоиндийских языков в Университете имени Дж. Неру, в своих статьях довольно часто, опираясь на европейские исследования, выступает против принципа исследования литературы хинди XXI в. на основе методологии марксизма. Однако его ис-

следования находятся в русле общественно-социального направления. Поэтому, говоря о современной поэзии, М. Пандей принципиально придерживается позиции, заключающейся в том, что «литература играет неотъемлемую роль в социологии» (Pandey, 2016, p. 3).

Об особенном влиянии народных движений на формирование индийской поэзии говорится в калькутском журнале «Вагартх» (*Vāgarth*, «Знание речи») в статье «Поэзия хинди после 80-х». Главный редактор литературной газеты Экант Шривастав проводит красной линией идею о том, что «стихотворения снова стали политически и социально направленными, а прообразами становятся деревенские люди Индии» (Kumar, 2005, pp. 17–18). При этом он также подчеркивает, что поэзия как таковая должна быть ориентирована на простого человека, его горести и унижение.

Еще один индийский критик, Девендра Иссар, в своей книге «Новый век и литература: вопросы, мечты, творчество» отмечает: «XX в. породил такой кризис, хаос в мыслях, идеях, в отношениях культур, религий, стран, что возникло ощущение, будто иссяк „источник“ примирения различного рода разногласий, столкновений, непонимания... „почва“ превратилась в „пустыню“, и она продолжает наступать. Наша задача в XXI в. – преодолеть этот всеобщий кризис, распад ценностей, и только тогда мы сможем предсказывать и создавать будущее» (Issar, 2000, pp. 9–10).

О данном принципе понимания задач литературы и говорят представители «левой поэзии». По мнению американского профессора Чарльза Алтьери, в литературе после «конца истории» и «конца литературы» наступил такой хаос, что гораздо легче представить себе конец света, чем конец непонимания (Альтери, 2017). И основной художественной задачей современной поэзии является протест против людей, обладающих властью, а также призыв к отказу от лжи. Несмотря на мнение о том, что литература постмодернизма вывела литературу из сферы идеологии, идеология литературы несомненно существует. И тогда снова встают перед писателем и поэтом вопросы: для чего существует литература? для кого она пишется? кто такой автор? Девендра Иссар ставит под сомнение сами задачи постмодернизма, полагая, что они заключаются в принижении ценностей человека, его способности к мышлению и самобытности. Многие индийские писатели и критики придерживаются мнения, что умственный и духовный потенциал человека принижается литературой постмодернизма, поэтому и исследование реальных проблем, которые волнуют и самого поэта, а также и читателя, становится псевдоисследованием, ограничивающим жизнь литературного произведения в свои строгие рамки (Vaiśya, 2013, pp. 7–9).

Однако, несмотря на все убеждения критиков, весьма опрометчиво заявлять, что современные поэты и писатели, создавая в настоящее время ангажированную литературу, которая до этого была оторвана от реалий современной жизни, позабыв о классических образцах индийской поэтики, безоговорочно отказались от установок модернизма и постмодернизма. Несомненно, автоматизированные приемы модернизма и постмодернизма используются поэтами хинди часто неосознанно, но анализ художественного мира и троп этих произведений не находит этому подтверждения. Наоборот, создаваемая

поэзия *левонаправленных* поэтов наполнена аллегориями и ссылками на предшествующую литературную традицию.

Рассмотрим стихотворения двух ярких представителей ангажированной литературы хинди – Алокадханвы и Авинаша Мишры. Начала их творчества разделяют три десятилетия. Это позволяет более четко проследить преемственность художественной поэтики данного направления и проанализировать изменения, произошедшие в течение времени.

Алокадханва – поэт хинди, родился в 1948 г. в штате Бихар. Он является представителем Ассоциации прогрессивных писателей, а также Ассоциации народных писателей. Его стихотворения переведены на все индийские языки, а популярное американское издание *Critical Inquiry* опубликовало их перевод на английский язык. По настоящее время Алокадханва является главой Академии песни и драмы в Бихаре. Он одним из первых дал новый толчок к развитию поэзии 1970-х гг., особое влияние на его поэзию оказало движение *наксалитов*, вооруженных коммунистических (маоистских) группировок в Индии, заявляющих, что они борются с помещиками, эксплуатирующими труд крестьян, и защищают бедные слои населения. Его первое стихотворение «Человек народа» (*Jantā kā ādmī*) было опубликовано в 1972 г. в журнале «Левый» (*Vām*). Стихотворение «Приглашение на стрельбу» (*Golī dāgo postār*) стало главным произведением в *левом культурном движении* (*Vāmpanthī sānskṛti āndolan*), вызвав огромный резонанс среди поэтов. Его поэзия была названа поэзией сопротивления, а стихи «Тканая обувь» (*Kapṛe ke jūte*), «Бумажный змей» (*Patang*), «Сбежавшие девочки» (*Bhāgī huī larṛkiyān*) остаются программными на протяжении четырех десятилетий.

Авинаш Мишра – молодой поэт 1986 г. рождения, выпускник Делийского университета, исследователь женской поэзии хинди, является заместителем главного редактора в литературном журнале «Птица» (*Pākhī*). Свое творчество он позиционирует как поэзию «свободную от украшений и изяществ, создающую маленькие стихи» (Šrotriya, 2016, p. 18). Его стихи чаще всего имеют краткую форму, состоят из двух-трех строк, которые тем не менее содержат в себе гиперинтерпретируемый смысл.

Так в чем же на самом деле заключается суть современной ангажированной поэзии хинди? О чем пишут и думают современные поэты? Что пытаются они донести до современного читателя? Поэты, основываясь на реалистическом правдоподобию, провозглашают систему эстетических идей реализма и соответствующую им художественную практику, которая изображает действительность конкретно и даже буквально при изначально сходных образах и реальном социальном контексте. В их поэзии на первый план выходит словесная и устная борьба лирического героя, риторически призывающего своего читателя внимательно присмотреться к существующим и не устаревшим в новом веке проблемам.

Так, Авинаш Мишра обращается к проблеме кастовости и религии в стихотворении «Таланты в своем огне» (*Pratibhāen apnī hī āg men*), теме, которая появляется еще в 1937 г. в стихотворении Ниралы «Камни дробит она!» (*Vah torī patthar*). Единственный художественный прием, аллюзия, в этом стихотворении – упоминание города Аллахабада: «Камни дробит она! /

Я увидел ее по дороге в Аллахабад: / камни дробит она» (Чельшев, 1990, с. 143). Авинаш Мишра продолжает использовать этот географический топоним: «Кто-то был из Аллахабада, / это было для него много. / Кто-то был «Сингх», / это была его самая лучшая способность. / Но последует ли тот своему имени? // Все таким образом в своем собственном / местном и кастовом величии / были очень пригодными // пока огромное количество пригодных людей / не было убито только по той причине, / что они отказались от своего имени» (*Koī ilāhābād kā thā / yah uske lie bahut thā / koī ‘Sinh’ thā / yah uskī sabse barī yogyatā thī / vah ise nām ke āge lagāe yā na lagāe // sab is tarah apne-apne / janpadīy aur jātīy vaibhav men / bahut aur yogy the // jabki bahut sāre yogy log / sirf is vajah mār die jāte the / kyonki ve inkār karte the*)².

Тема социального неравенства и кастовой предопределенности для современного поэта остается актуальной и по сей день. Единственным отличием является язык поэзии: если стихотворение Ниралы акцентирует читательское внимание на сентиментальное сопереживание девушке, которой уготовлена тяжелая судьба, то Авинаш Мишра не прибегает к сложным метафорам и образам. Его язык прост и понятен, отсутствие звукописи и рифмы является своего рода важным художественным приемом, с помощью которого поэт добивается краткой констатации факта, изображения неизменной и страшной повсеместной жизни, которая не меняется.

Можно предположить, что преобладающий пессимистический из-за безысходности голос поэтов создает образ лирического героя, который готов молча созерцать происходящее. Так, в стихотворении Алокадханвы «Голодный ребенок» (*Bhūkhā baccā*) малыш изображается вытянутой худой струной, он «каждую неделю на ветру встает и / кожа его твердеет» (*har saptāh havā men ūpar ūth rahā hain / uskī tvacā kaṛī ho rahī hai*). Поэт может только безучастно смотреть на него, превращаясь: «даже не песчинку соли / в кровобращении того ребенка, / а только в подобие воды / в одно волнение воды» (*dhundhalā namak bhī nahīn hūn / us bacce ke raktsancār men / main ek jalaākhār hūn / keval ek jal uttejnā hūn*).

Однако моделью художественного творчества в поэзии левонаправленных поэтов является установка на поэзию сопротивления. Поэты не признают исчерпанности реалистических форм и их эстетическую истощенность, обосновывая свой выбор социальным постоянством индийского общества, «которое не избавилось от традиций, унижающих человеческое достоинство» (Parmar, 2015, p. 13).

Лейтмотив замкнутого круга, из которого не может выбраться индийское общество, можно найти в творчестве Алокадханвы в его произведении «Приглашение на стрельбу», написанном под впечатлением восстания *наксалитов* в 1972 г. В этом стихотворении лирический герой говорит о том, что продолжительная борьба, начатая при жизни его матери, не закончится при его детях: «Я со своими детьми / как отец могу жить? / Как наполненная чернилами чернильница – / как мяч / неужели я со своими детьми / как поле

² Перевод представленных стихотворений выполнен авторами статьи. Hindi samay. Mahātmā Gāndhī antaraśtrīy viśvavidyālay kā abhikram. URL: <https://www.hindisamay.com/content/9292/1/अविनाश-मिश्र-कविताएँ-प्रतिभाएँ-अपनी-ही-आग-में.caspx> (дата обращения: 29.01.2023).

с травами смогу жить?» (*Main apne bacce ke sāth / ek pitā kī tarah rah saktā hūn? / Syāhī se bhārī davāt kī tarah – / ek gend kī tarah / kyā main apne bacce ke sāth / ek ghās bhare maindān kī tarah rah saktā hūn?*)³.

Изображенный политический радикализм в словах с яркой негативной коннотацией «убийца» (*hatyārā*), «кожаная перчатка или бинокль агрессора» (*camṛe kā dastānā yā hamlāvar kī dūrbīn*), а также в строчках «ублюдки заминдары, которые целую страну / хотят сделать собакой ростовщика» (*dogale zamindar jo pūre deś ko / sūdkhor kā kuttā banā denā cāhte hain*) и «не правительство – этой страны, самая / дешевая сигарета меня поддержала» (*sarkar ne nahīn-is deś kī sabse / sastī sigareṭ ne merāsāth diyā*) не призывает к открытой борьбе. Эти сравнения – явная отсылка к *прагмативаду* и творчеству Премчанда, который с помощью сравнений с животными обличает произвол помещиков и их подручных-управляющих, чиновников и ростовщиков.

Поэт акцентирует внимание читателя на том, что «стрельба», выведенная в заголовок стихотворения, метафора писательства, бесконечно-испещренного ручкой листа бумаги, борьба, соотносимая с крестьянином, работающим плугом: «это не стихотворение / это понимание стрельбы, / которая для всех исписывающих ручки, / встречается со всеми, кто работает плугом» (*yah kavītā nahīn hai / yah golī dāgne kī samajh hai / jo tamām kalam calānevālon ko / tamām hal calānevālon se mil rahī hai*). Ангажированная поэзия конца XX – начала XXI в. переосмысливает главные задачи поэтического творчества, заключенного в границы «искусство – ради прогресса», не умаляя при этом свою дерзость и чувствительность. Важная тема для *Новой поэзии* находит отражение и здесь: фигура поэта как прорицателя в поэзии Ниралы и Муктибодха, занимает важное место в *левой поэзии*. Поэт одарен божественным предназначением; перед ним простирается сложный путь – быть гласом народа – и он не имеет права сойти с этой дороги.

И если у старшего поколения поэтов, как у Алокадханвы в «Бумажном змее» (*Patang*), в этом столкновении прослеживается только надежда на светлое будущее: «Утро наступило после бхадона [...] // А вдали ребята в ярких красках / запускают змеев, в небо ясное. / И летят – они все выше-выше. // [...] Босоногие и гордые мальчишки / бегают по краю крыш, / и земля кружится вместе с ними / все быстрее-быстрее-быстрее», то у молодого поколения поэтов, примером которого становится творчество Ави-наша Мишры, не слышно однозначной литературной тематики. В его стихотворении «Дождь» (*Bāriś*) уверенности в будущем с призывами «Ты еще живой... открой глаза, / подними голову, и миллионы за тобой пойду» сопутствует мотив одиночества и разочарования в жизни: «И я, примеряя в себе связь с дождем, ищу свою сущность в судьбе городов. / В них предки мои боролись за жизнь, пачкая реки в крови». Такая пессимистическая мелодика стиха напоминает индийскому читателю поэзию *чхаявада* (*chāyāvād*), литературного направления 1910–1920-х гг., в котором господствует тема безысходности, отчаяния и призрачности бытия. Более того, образ воды

³ KavitaKosh. URL: http://kavitakosh.org/kk/गोली_दामो_पोस्टर/_आलोक_धन्वा (дата обращения: 29.01.2023).

(дождя, слез) становится символом оплакивания проходящей бесплодно человеческой жизни. Авинаш Мишра усиливает этот образ, он соединяет своего лирического героя с дождем, создавая как бы единое целое: «Я не силен в вековой той борьбе, оставив себя одиноким дождем / [...] / Но кто может также связаться, как мы? – в дожде, влаге, в силе...».

Заключение

Именно слово «борьба» вводит каждого современного индийского поэта в тот круг *левых писателей*, которые в настоящее время играют доминирующую роль на индийской поэтической арене среди представителей женского письма, поэзии *далитов* (неприкасаемых) и *адиваси* (поэзии племен).

Тема протеста против несправедливости индийского общества в поэзии XXI в. остается едва ли не единственной и актуальной в творчестве молодых поэтов, а тема социального неравенства занимает важное место в тематике лирики. Поэты сознательно придерживаются минимального использования стихотворных тропов, поэтических украшений с целью придания своему лирическому произведению более живого характера, близости к разговорному языку. И Алоқдханва, и Авинаш Мишра переосмысливают мотивы и образы предшествующих направлений, отстраняя свое индивидуально-авторское «я» от прошлого, нацеливаясь на читателя-мыслителя-соучастника, который сможет изменить вместе с поэтом мир.

Список литературы

- Альтери Ч.* Чему теория может научиться у новых направлений современной американской поэзии? / пер. с англ. и коммент. А. Швеца // Транслит. 2017. № 19. Объектно-ориентированная поэзия. URL: <http://www.trans-lit.info/vypuski/19-translit> (дата обращения: 05.02.2023).
- Гринцер П.А.* Художественные направления в индийской литературе XX в. Поэзия хинди. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977.
- Очерки истории литератур Индии (X–XX вв.) / под ред. С.О. Цветкова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014.
- Униловский К.* Ангажированные и современные // Звезда. 2009. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2009/10/angazhirovannye-i-sovremennye.html> (дата обращения: 19.01.2023).
- Чельшев Е.П.* Индийская поэзия XX века: в 2 томах. Том 1. М.: Художественная литература, 1990.
- Anjum G.* Marxist idiom in Indian English poetry // Journal of Advances and Scholarly Researches in Allied Education. 2012. Vol. III. Issue V. Pp. 2–6.
- Goulding G.* Muktibodh, Gajanan Madhav (1917–1964) // The Routledge Encyclopedia of Modernism. Taylor and Francis, 2016. <http://doi.org/10.4324/0123456789-REM1871-1>
- Issar D.* Naī sadī aur sāhitya: praśan, svapan, sR̥jan. Naī Dilli, 2000.
- Kumar V.* Jūliyā Kristaevā: asahmati, niśedh aur satat gatiśiltā // Vāgarth. 2005. Añk 120. Pp. 16–19.
- Nazir M.L.* Modern Indian English poetry: an overview // Asian Journal of Multidisciplinary Studies. 2013. Vol. 1. Pp. 119–123.
- Pañdey M.* Ālocnā aur samaj. Vāñī prakāśan. Naī Dilli, 2016.
- Parmar S.* Sāhity evn jan sanskR̥ti kā savāhak, samagr mūlyānkan kī kasauṭī // Gāthāntar. Samkālīn kavītā kā mahāvīśeṣānk-khaṇḍ 2. Ājamagarh, 2015. Pp. 10–14.

Roy V.K. Contemporary Indian spiritual poetry in English: critical explorations // *Ars Artium*. 2012. Vol. 2. Pp. 234–238.

Šrotriy N. Cauthā yuvā dvāḍṣ. Bodhik prakāśan. Jaypur, 2016.

Vaiśya A.C. Pahlī bār. Samkālīn sṛjan kā samavet svar. 2013.

Сведения об авторах:

Стрелкова Гюзэль Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел литератур народов Азии, Институт востоковедения, Российская академия наук, Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; доцент кафедры индийской филологии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. ORCID: 0000-0003-4989-2428. E-mail: gstr@mail.ru

Лесик Ксения Александровна, преподаватель, Дипломатическая академия МИД РФ, Российская Федерация, 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; старший лаборант, кафедра истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. ORCID: 0000-0001-6534-403X. E-mail: ksundra1@yandex.ru

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СМИ: ТЕЛЕВИДЕНИЕ
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA: TV

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-293-305

EDN: OTFZVW

УДК 654.197

Научная статья / Research article

**Европейское телевидение 2020-х гг. :
проблемы и тенденции развития**

Ю.М. Ершов

*Филиал Московского государственного университета в г. Севастополе,
Российская Федерация, 299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, д. 7*

 ershovym@my.msu.ru

Аннотация. В центре внимания автора институциональное своеобразие телевидения стран Европейского союза. Цель исследования – объяснить характер института европейского телевидения, который лучше, чем что-либо еще, отражает идею общеевропейского дома. Дается краткий исторический обзор создания Европейского вещательного союза и сотрудничества между национальными вещателями в Европе. Ставится задача выявления динамики и тенденций развития сотрудничества европейских вещательных компаний в контексте политических, экономических и технологических изменений последних лет. Европейское телевидение – это полигон глобального ТВ, в котором все большую роль играют международные (прежде всего, американские) и панъевропейские трансграничные телеканалы. Доместикация (одомашнивание) таких каналов происходит как через локализацию содержания программ, так и через титрование аудио-контента на региональных языках. Институционализация европейского телевидения проходит через различные конкурсы и деятельность децентрализованных органов ЕС, которые призваны поддерживать совместные проекты в области ТВ, кинематографа, а также профессионального образования журналистов (Европейское исполнительное агентство по образованию и культуре). Вместе с тем европейское телевидение не озабочено унификацией, памятуя о девизе Европейского союза – «Согласие в многообразии». Многообразие информационного пространства европейского континента связано с наличием нескольких устойчивых моделей функционирования телевизионного производства, а также с региональными культурами, которые влияют и на модели медиапотребления, и на объемы телесмотрения.

Ключевые слова: Европейский союз, вещательная модель, национальный телеканал, регионализация, доместикация

© Ершов Ю.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 21 февраля 2023 г.; отрецензирована 22 марта 2023 г.; принята к публикации 30 марта 2023 г.

Для цитирования: *Ершов Ю.М.* Европейское телевидение 2020-х гг.: проблемы и тенденции развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 293–305. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-293-305>

European TV in the 2020s: challenges and development trends

Yuri M. Ershov

*Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol City,
7 Geroyev Sevastopolya St, Sevastopol, 299001, Russian Federation*

✉ ershovym@my.msu.ru

Abstract. The author examines the institutional originality of television in the countries of the European Union. The purpose of the study is to explain the nature of the institution of European broadcasting, which better than anything else reflects the idea of a common European home. A brief historical overview of the establishment of the European Broadcasting Union and cooperation between national broadcasters in Europe is given. The task is to identify the dynamics and trends in the development of the community of European broadcasters in the context of political, economic and technological changes in recent years. European TV is a testing ground for global TV, in which international (primarily American) and pan-European cross-border TV channels play an increasingly important role. Domestication of such channels occurs both through the localization of the content of programs, and through the titration of audio content in regional languages. The institutionalization of European television broadcasting takes place through various competitions and the activities of EU decentralized bodies, which are called upon to support joint projects in the field of TV, cinema, and the professional education of journalists (European Executive Agency for Education and Culture). At the same time, European television is not concerned about unification, keeping in mind the motto of the European Union – “In varietate concordia”. The diversity of the information space of the European continent is associated with the presence of several stable models for the functioning of television production, as well as with regional cultures that influence both media consumption patterns and television viewing volumes.

Keywords: European Union, television, broadcasting model, national television channel, regionalization, domestication

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 21, 2023; revised March 22, 2023; accepted March 30, 2023.

For citation: Ershov, Yu.M. (2023). European TV in the 2020s: Challenges and development trends. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 293–305. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-293-305>

Введение

Европейское телевидение – это единственный пример объединения национальных эфирных возможностей на одном континенте. Не существует панамериканского или паназиатского телевидения, а то, что называет себя

панарабским, запрещено во многих арабских странах. Панъевропейское телевидение появилось благодаря идее общеевропейского дома, возобладавшей после Второй мировой войны. Европейский вещательный союз создан в 1950 г. двумя десятками европейских телерадиокомпаний. Первая многонациональная европейская телевизионная программа была выпущена в прямом эфире в 1953 г., когда происходила коронация королевы Великобритании Елизаветы II. Сегодня Европейский вещательный союз (ЕВУ) является крупнейшим объединением национальных вещательных компаний в мире, включая 112 организаций-членов (до недавнего времени и три российские телекомпании). Почеркнем, что членами Вещательного союза являются телекомпании, а не правительства стран.

Хотя европейское телевидение для большинства россиян – это Евровидение, песенные и танцевальные конкурсы, новогодний концерт в Вене и трансляция Чемпионата Европы по футболу, за 97 лет сотрудничества в области электронных коммуникаций (Европейский вещательный союз явился преемником Международного вещательного союза, который был основан в 1925 г., имел административную штаб-квартиру в Женеве и технический офис в Брюсселе) европейцы создали социальный институт телевидения в содружестве государств. По сути, это правила производства, обмена и потребления ТВ-контента в многонациональном и мультикультурном обществе, которые важно знать и живущим за пределами ЕС.

Исследовательская проблема формулируется нами как терминологическая и в то же время сущностная. На материале европейского телевидения мы стремимся уточнить понятия национального, трансграничного, регионального и общеевропейского телевидения. Телевидение не считают инструментом дипломатии, но практика трансграничного вещания показывает, что ТВ скорее объединяет, чем разъединяет народы. Эти вопросы весьма актуальны для российских медиаисследователей, ведь в нашей стране с 1992 г. работает межгосударственная телерадиокомпания «Мир». Она вещает на территории всех странах постсоветского пространства, кроме Украины, и имеет технический охват более 100 миллионов зрителей, решая те же вопросы формирования общего информационного пространства. Анализ европейского опыта позволяет выявить некоторые общие вызовы и извлечь уроки в строительстве межгосударственного ТВ.

Тема европейского телевидения не входит в исследовательский мейнстрим российской науки о журналистике, но все же обозначена в ряде отечественных диссертаций, книг и журнальных статей (Бакулев, 1994; Бодрюнова, 2013; Войтик, 2011; Ершов, 2011; Колыванов, 2006; Пуцева, 2019; Соколова, 2014; Хромченко, 1994). За рубежом исследования европейского телевидения стоят на плечах таких титанов социальной мысли, как Бенедикт Андерсон (Anderson, 1983), Майкл Биллиг (Billig, 1995), Иммануил Валлерстайн (Wallerstein, 2006), и за несколько десятилетий образовали библиотеку трудов о евроконструкции телевидения.

Методы и исследовательская выборка

В исследовании использован комплекс методов: исторический и статистический анализ; социокультурное моделирование. Производился вторичный анализ статистических данных, собранных Европейской аудиовизуальной обсерваторией, которая финансируется за счет прямых взносов государств – членов Европейского союза (Audiovisual media services in Europe – 2019, 2020, 2021, 2022)¹. Сравнительный анализ годовых отчетов за последние 4 года позволяет выявить динамику изменений в телевизионной индустрии стран Европейского союза. Нас интересовали аудиторные данные по телезрителю и использованию устройств видео по запросу, а также состав телеканалов и их статусы, перечень основных игроков на рынке телевизионных услуг. Помимо данных Европейской аудиовизуальной обсерватории для анализа использовались также исследовательские отчеты международной службы Statista, штаб-квартира которой находится в Гамбурге. Данные по телевизионному рынку брались за тот же период с 2019 по 2022 г. В разбивке по странам мы изучали статистику 28 стран ЕС, а именно: Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании (до и после Брекзита), Венгрии, Германии, Греции, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Кипра, Латвии, Литвы, Люксембурга, Мальты, Нидерландов, Польши, Португалии, Румынии, Словакии, Словении, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Швеции и Эстонии. Телевидение названных стран мы и называем европейским.

Основные результаты

Европейское телевидение прошло пиковые значения в 2000-е гг. и постепенно сжимается в объемах. В конце 2018 г. в Европе можно было принимать 11 123 телеканала. В конце 2022 г. – только 9080 телеканалов. Убыль за 4 года, как несложно подсчитать, составила 2043 телеканала (18 %). Уменьшение числа телеканалов обусловлено не только концентрацией медиакапитала – слиянием и поглощением, но также изменением модели медиапотребления. Сегодня зритель все больше смотрит не программы, которые предлагает телевизор, а фильмы и шоу, которые зритель выбирает сам на медиaplatformах. Видео по запросу (video on demand, VOD) пока заместило 25 % телевизионных услуг. Но спрос на VOD растет, а на телевизор – сни-

¹ Yearbook Key Trends 2019/2020 – television, cinema, video and on-demand audiovisual services. The pan-European picture. Release. URL: <http://yearbook.obs.coe.int/s/document/6092/yearbook-key-trends-2019-2020-television-cinema-video-and-on-demand-audiovisual-services-the-pan-european-picture> (accessed: 03.02.2023); Yearbook Key Trends 2020/2021 – television, cinema, video and on-demand audiovisual services. The pan-European picture. Release. URL: <https://rm.coe.int/yearbook-key-trends-2020-2021-en/1680a26056> (accessed: 10.02.2023); Schneberger A. Audiovisual media services in Europe – supply figures and AVMSD jurisdiction claims – 2020. European Audiovisual Observatory, 2021. URL: <https://rm.coe.int/audiovisual-media-services-in-europe-2020/1680a2fc29> (accessed: 10.02.2023); Yearbook Key Trends 2021/2022 – television, cinema, video and on-demand audiovisual services. The pan-European picture. Release. URL: <https://yearbook.obs.coe.int/s/document/6450/yearbook-key-trends-2021-2022-television-cinema-video-and-on-demand-audiovisual-services-the-pan-european-picture> (accessed: 10.02.2023); Schneberger A. Audiovisual media services in Europe – 2022. European Audiovisual Observatory, 2023. URL: <https://rm.coe.int/audiovisual-media-services-in-europe-2022-edition-a-schneberger/1680a99e7d> (accessed: 10.02.2023).

жается, что заметно и по сокращению списка доступных телеканалов, хотя количество их все равно велико.

Европейское телевидение представлено компаниями разной формы собственности. Однако 93 % телекомпаний – частный бизнес. Общественное телевидение представлено всего в 7 % телеканалов (737 телеканалов), хотя среди них такие крупные вещатели, как BBC в Великобритании и ARD в Германии. Телеканалы общественного вещания, по мнению европейских исследователей, находятся с 2010-х гг. в упадке, теряя доходы. Доля их аудитории упала ниже 5 %. Эксперты связывают эту тенденцию с изменением вкусов аудитории, вызванных повышенным потреблением видеоконтента на стриминговых платформах. В крупнейших европейских странах (Германия, Великобритания и Франция) доходы общественных вещателей упали не так низко. Но вот в странах Восточной Европы (Польша, Болгария, Румыния) это падение было значительным.

Изучая статистику телесмотрения в разных странах, можно увидеть, что в Северной Европе телевизор менее популярен, чем в странах Восточной (Польша – среднесуточное потребление 264 минуты) или Южной (Италия – среднесуточное потребление 248 минут) Европы. Статистические данные показывают, что самая большая доля людей, смотрящих ТВ ежедневно или почти каждый день, в Болгарии, Италии, Румынии и Португалии (по 88 % в каждой). Среднее значение по ЕС – 77 %. Это уровень Испании. А вот в Эстонии, Латвии, Швеции доля ежедневных зрителей ТВ составляет 60–63 %. Меньше всего – в Чехии (59 %) и Люксембурге (55 %). Хотя само герцогство – хаб для иностранных телеканалов, почти половина жителей Люксембурга находят более интересные занятия, чем ежедневно смотреть телевизор².

Самый большой в Европе телевизионный рынок был в Великобритании до выхода из ЕС (28 % от всего количества европейских телеканалов), что равнялось рынку Германии, Франции, Италии и Испании вместе взятым. Международные сети Discovery, Viacom, Sony и другие рассматривали Великобританию как плацдарм для завоевания Европы. Это было связано отчасти с языковым удобством, но главным образом – с либеральным законодательством Великобритании в сфере медиабизнеса. После Брекзита британский телевизионный рынок наполовину уменьшился (с 1230 телеканалов до 586). С туманного Альбиона телеканалы перебрались по большей части в Нидерланды (было 253, стало 515) и Испанию (было 276, стало 380). Некоторое количество телекомпаний произвели релокацию в Чехию и Люксембург.

В связи с блуждающими по разным странам телеканалами следует упомянуть такую важную черту европейского телевидения, как разделение на домашние и не-домашние телеканалы (domestic, non-domestic). Для нашего уха привычным было бы определение отечественных и иностранных телеканалов. Однако для Европейского сообщества определено иностранным

² Share of people watching TV on a TV set every day or almost every day in the European Union countries in 2022 / Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/422702/europe-daily-tv-usage/> (accessed: 13.02.2023).

будет американский или, допустим, китайский телеканал. А каналы группы Mediaset в Италии будет domestic, а в Испании – non-domestic. Соотношение домашних и не-домашних телеканалов в медиаландшафте разных стран разнится, но можно вывести закономерность: чем мощнее экономика страны, тем больше рыночная доля домашних телеканалов. К примеру, невелика доля иностранных вещателей на развитом телевизионном рынке Германии – всего 7 %. А вот в Болгарии 71 % телевизионного рынка отдан иностранцам.

Очень яркой чертой европейского телевидения является широкая представленность панъевропейских телеканалов, которые также называют трансграничными (cross-border). Они распространяются по всей Европе и часто за ее пределами. Это – Arte (с 1991 г.), BBC Prime и BBC World (с 1995 г.), Bloomberg (с 2009 г.), Cartoon Network (с 1993 г.), CNBC (с 1995 г.), CNN International (с 1985 г.), Discovery (с 1989 г.), Euronews (с 1993 г.), Eurosport (с 1999 г.), Jetix, (с 2004 г.), MTV (с 1987 г.), National Geographic (с 1997 г.), Sky News (с 1989 г.), TV5 (с 1984 г.) и VH1 (с 1985 г.). Некоторые из перечисленных телеканалов известны российскому зрителю, который пользуется услугами провайдера кабельного или спутникового телевидения. ВГТРК была даже со-акционером Euronews, обеспечивая европейскому взгляду на политику «окно» в вещательной сетке телеканала «Россия К» (до марта 2022 г.).

Панъевропейские телеканалы занимают довольно-таки скромные позиции в рейтингах и не могут конкурировать за внимание телезрителя с главными национальными телеканалами. Привлекательность панъевропейских новостных каналов для специализированной публики заключается не в долях аудитории, а в их вездесущести: они всегда рядом с тобой. Они доступны во время путешествий, в аэропортах или номерах отелей. Можно сказать, что они замещают любимые домашние каналы, но только во время командировок или во время отпуска. Такие каналы сосредоточены на новостях и общем содержании (то есть экспортный вариант нашего канала «Россия 24»). Это то, о чем прозорливо писал Г.Н. Вачнадзе (1989).

Самым сильным иностранным игроком на европейских рынках ожидаемо явился американский телевизионный бизнес. Особенно заметно присутствие телеканалов Discovery. Медиагруппа Discovery является сегодня иностранным игроком № 1 в Европейском сообществе, поскольку вещает в 26 странах. Немного отстают от нее корпорации Viacom и Walt Disney. Наиболее интернационализированной европейской группой была немецкая Bertelsmann, которая действовала на 14 различных европейских территориях. За ней по пятам следовала шведская группа Kinnevik (присутствие на 10 территориях) и BBC (присутствие на 8 территориях).

Почему речь идет не о странах, а о территориях? Потому что одна страна может включать несколько территорий с разными языками. Например, в Швейцарии есть немецкоговорящая область, франкоговорящая и италоговорящая (а также область ретороманского). В Бельгии, как известно, говорят на нидерландском, французском, немецком, валлонском, лотарингском, люксембургском, шампанском, пикардском и др. Присутствие на той или иной территории важно для телевещателя с точки зрения затрат на титрование или дублирование (это одно из условий доступа к национальному рынку).

В лицензионных требованиях есть условие переводить в аудиосопровождении или в субтитрах речь на другие языки. Европейское телевидение – это телевидение переводчиков и титровальных машин. Многие программы в эфире снабжены скрытыми субтитрами, которые позволяют понять смысл сказанного, а кроме того, вовлекают в телепросмотр глухих и слабослышащих людей.

Еще среди особенностей европейского телевидения нужно назвать повышенное внимание к меньшинствам в национальных сообществах. В публичном поле (и в годовых отчетах телекомпаний) широко обсуждают представленность на телевизионном экране, а также за кадром или на руководящих должностях разного рода меньшинств. Например, расовые меньшинства в Великобритании, которые иногда все еще обозначают акронимом BAME (Black, Asian & other Minority Ethnic), на телеэкране представлены шире (22,7 %), чем их доля в социально активном слое населения (13 %). Правда, среди руководящего состава телекомпаний BAME составляют всего 8,6 %. У инвалидов возможностей попасть в кадр меньше. Среди работающего населения они составляют 17 %. Но в кадре появляются только 7,8 %, а за кадром в телевизионной индустрии их всего 5,2 %. Так же щепетильно медиаисследователи подсчитывают представленность на экране LGBT, людей в возрасте 50+ и другие видимые меньшинства (Malik et al., 2021).

Обсуждение

В европейском научном сообществе, можно сказать, образовался ареопаг ученых, которые внесли значительный вклад в понимание аудиовизуальных коммуникаций и ведут продолжающиеся исследования европейского телевидения. В их публикациях содержатся обобщения, с которыми можно дискутировать в обсуждении проблем и перспектив развития европейского телевидения.

Один из самых дискуссионных – вопрос о доминирующей тенденции среди разнонаправленных трендов глобализации и регионализации. Европейское телевидение – это прообраз глобального телевидения, которое во главе с медиахолдингами США охватят весь мир? Или панъевропейские и другие международные телеканалы останутся в пределах своих 5 % аудитории, а региональные (национальные, по сути) телеканалы будут по-прежнему скреплять воображаемые сообщества разных стран и занимать верхушку рейтинга? Большинство европейских ученых считают, что глобализация и регионализация – две стороны одной медали. Андреа Эссер (Esser, 2014) пишет о локальном сопротивлении (local resistance). Глобализация предстает как саморазрушительный процесс, который сам себя должен ограничить, замечает Р. Робертсон (Robertson, 2013) в книге «Глобальные темы и местные вариации в организации и управлении».

В статье ирландского медиаисследователя Дайога О’Коннелла (O’Connell, 2015), названной образно «Маленькая нация/Большие соседи», выводится закономерность: чем слабее экономика страны, тем больше иностранного капитала и совместных постановок на телевидении. Тяжелый экономический спад в Ирландии в 1980-е гг. повлек за собой политику ко-продюсиро-

вания телевизионных фильмов. Эта политика, однако, иссякла в 2000-е гг., когда Ирландия испытала экономический рост, возвращаясь к национальным нарративам на экранах. Можно прогнозировать, что болгары, отдавшие более 70 % телевизионного рынка иностранным медиахолдингам, отыграют эти уступки в другой период, потому что национальное чувство потребует возмещения.

Джером Бурдон, профессор Университета Тель-Авива свои размышления о диалектике национального и глобального назвал «Несчастливые инженеры европейских душ» (Bourdon, 2007). В этой статье он рассматривает многочисленные попытки продвигать европейскую идентичность с помощью телевидения и объясняет, почему все эти попытки потерпели крах. Решающим для всей дискуссии об общеевропейском телевидении является вопрос языка. Коммерческие телеканалы используют чаще всего английский как язык международного общения. Однако даже в Северной Европе едва ли половина населения (молодежь, прежде всего) понимает речь на английском. В других странах что-то поймут некоторые бизнесмены, которые обязаны постоянно читать все эти *Financial Times*. Технически фильмы и новостные программы могут быть дублированы или снабжены субтитрами. Когда перевод явно и постоянно осуществляется, теряется смысл прозрачного общения между зрителями и сообщаемыми «текущими делами». Событие – это уже не событие, а сообщение о событии иностранцем. Это объясняет почему такие высокопрофессиональные новостные каналы, как CNN или BBC, не слишком популярны в странах, где на английском говорят только синхронные переводчики.

Еще в конце 1990-х гг. Жан-Мишель Утар (Utard, 1997) защитил диссертацию на материале франко-немецкого телеканала Arte. Он исследовал, удастся ли выпуску новостей Arte быть действительно транснациональным, обращаясь не к немцам или французам, а к европейцам. Синтаксис, подборка тем, повестка дня, локации, все в тексте новостей провоцирует национальные референции. Когда бундесканцлерин выступает за Европейский договор, она может быть проевропейской немкой, вызывая скептическую реакцию французов. Точно так же юмористический комментарий к высказыванию французского президента приемлем на национальном канале TF1, но на Arte может быть истолкован как несмешная и неуместная подколка немцев. Отсутствие общей истории или общих стереотипов – это не шутка. Это причина, по которой телевидение не может быть инструментом культурной гомогенизации или площадкой для сборки новой общности поверх прежних этносов.

Высококонкурентные коммерческие СМИ делают сегодня «инженерию души» более изощренной (*sophisticated*), чем во времена становления национальных газет XIX столетия. Телевидение в его глобальном выражении (спутниковые международные телеканалы) способствует не созданию новых сообществ, а сохранению рассредоточенных национальных сообществ в контексте, когда глобализация провоцирует ощущение ненадежности и потребность в примордиальных (изначальных) привязанностях. Прогресс экономического содружества не влечет за собой (по крайней мере, не влечет автоматически) идентичности с «более широким и глубоким сообществом», как основатели

Европейского союза называли свое детище. Государства не упразднить и культурные барьеры так просто не исчезнут.

Однако наряду с евроскептиками в дискурсе о европейском телевидении звучат голоса и еврооптимистов. К примеру, Йостейн Грипсруд уверяет, что существование трансграничного телевидения помогает европеизации отдельных национальных сообществ (*Relocating television..*, 2012). Еще одним энтузиастом является Жан Чалаби, профессор Лондонского университета. В статье «Телевидение и глобализация: цепочка создания дополнительной стоимости контента» (Chalaby, 2016) рассматривается, как европейское телевидение выросло на форматировании. В конце 1990-х гг. произошел взрывной рост продажи лицензий на использование телевизионного формата. Это было также время, когда телеиндустрия развивалась в Центральной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке, в Азии и Латинской Америке. Начинающие телеведущие сразу поняли, что их зрители предпочитают местные шоу импортным, но создать собственное шоу на уровне «Кто хочет стать миллионером?», «Выживший», «Большой брат» или «Идолы» оказалось никому не по силам.

Все эти суперформаты имеют четкую структуру и повествовательные блоки, которые легко идентифицировать, описать и воспроизвести. При продаже прав на адаптацию правообладатель формата получает лицензионный сбор. И этот бизнес к концу 2000-х гг. превысил 3 миллиарда евро в год. Бизнес на форматах не только способствовал расширению трансграничных потоков, но также – интернационализации телепроизводства. Глобализация меняет и характер производственных процессов в телеиндустрии. Местная версия такого реалити-шоу, как *Come Dine With Me* («Приходи со мной поужинать» – британское шоу, которое выходило с 2005 по 2020 г.), включает в себя техническое оборудование из Японии, программное обеспечение для монтажа из США, а также опыт постановки и интеллектуальную собственность на идею из Великобритании.

Обсуждение трудов исследователей телевизионного пространства показывает, что есть три проблемы, которые ученые считают определяющими в судьбе европейского телевидения. Это проблема национальных культур, которые в процессе глобализации нивелируются и истончаются. Проблема суверенности национального эфира, который в силу экономических причин может терять какую-то свою часть под напором иностранных телеканалов. И проблема соревновательности телевизионных рынков. Европейцы остро чувствуют, что американские медиахолдинги экономически сильнее и конкурировать с ними на местных рынках трудно. В то же время европейцы видят, как стремительно растут рынки развивающихся стран, где не придерживаются политики протекционизма и культурные барьеры не возводят на каждом шагу.

Перспективы европейского телевидения во многом зависят от технологического прогресса, в ходе которого ТВ сжимается, уступая место стриминговым сервисам типа Netflix и разного рода медиаплатформам с услугой видео по запросу. Европейские страны справятся с этим вызовом так же успешно, как они провели цифровизацию телевидения. Но в не меньшей степе-

ни будущее зависит от того, победят ли евроскептики еврооптимистов, сохранится ли политическая конструкция, которая была задумана 70 лет назад как идея общего дома, где больше не будет войн.

Заключение

Анализ вещательных практик 28 стран показывает, что телевидение в этих странах остается несущей конструкцией их медиасистем. Во всех странах национальные телеканалы – главные источники информации и развлечений, что подтверждается верхними рейтинговыми позициями. Национальное телевидение – это комплекс телеканалов, которые охватывают всю территорию данного государства и доступны к приему большинством телезрителей, проживающих в этой стране. В нашем многонациональном обществе термин «национальный» применяется только к этническому телевидению, а в приведенном выше значении мы используем понятие федерального или общероссийского телевидения.

Термин «региональное телевидение» означает вещание на одной определенной территории с техническим охватом не менее 70 % проживающих в этом крае. Региональное ТВ появляется только в больших странах. Например, в Германии помимо общегерманского телеканала Das Erste существует девять земельных каналов (региональные каналы, охватывающие одну из областей – земель) и более 50 локальных телеканалов, вещающих в пределах одного населенного пункта. Однако на острове Кипр или в Мальте, в странах Балтии или в Герцогстве Люксембург нет регионального ТВ как класса. В таком случае самым точным определением будет «домашний» или «неместный» (non-domestic) канал. И, разумеется, статус телеканала имеет значение: общественный он или коммерческий.

Определение «международный» означает, что телеканал вещает более чем в одной стране. Как мы увидели из анализа состава телеканалов, международные телекомпании используют какую-то удобную по юрисдикции страну как хаб для вхождения на другие региональные рынки. Многие международные телеканалы зарегистрированы в Великобритании, Нидерландах и Испании. Термин «транснациональный» используется для обозначения того, что продукт или услуга адаптируются по мере пересечения границ и включают в себя локальные элементы. К примеру, видеоклипы в режиме нон-стоп на MTV Central составляют 66 % эфира, на британском MTV – 48 %, а в эфире скандинавских стран на MTV Nordic – только 22. Так же различны в плейлистах доли хитов на английском и на региональных языках.

Понятие «глобальный» используется для обозначения масштаба, например, когда речь идет о конгломерате, работающем на территориях десятков стран. Семейства телеканалов Discovery или MTV – это примеры глобально масштабного бизнеса на всех континентах. Общеввропейское телевидение – это тоже континентальный масштаб. Но не какой-то один канал или медиа-группа, а государственная политика, направленная на интеграцию вещателей и их стран. Примером такой политики под эгидой Европейского вещатель-

ного союза можно считать песенный конкурс «Евровидение», трансляции Eurosport и ряд других событий континентального значения. Но важнее событий процесс и важнее организаций – идея.

Список литературы

- Бакулев Г.П. Телевидение без границ: спутниковые каналы в Европе. М.: ВГИК, 1994. 140 с.
- Бодрунова С.С. Принципы европейского регулирования телевизионного сектора: либерализация рынка или защита демократии средствами ТВ? // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2013. № 4 (44). С. 105–115.
- Вачнадзе Г.Н. Всемирное телевидение. Тбилиси: Ганатлеба, 1989. 672 с.
- Войтик Е.А. Структурно-типологические признаки спортивного телевидения Европы // Медиаскоп. 2011. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/888> (дата обращения: 18.02.2023).
- Еришов Ю.М. Идея трансграничного телевидения в Европе и ее отклик в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 6. Журналистика. С. 42–50.
- Колыванов Е.В. Современные европейские концепции и модели общественного телевидения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.
- Пуцева М.Д. Проблема европейской идентичности в эфире глобального информационного телевидения // МедиаАльманах. 2019. № 5 (94). С. 24–34.
- Соколова А.В. Трансграничное телевидение: история, эволюция и современное состояние // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 168–176.
- Хромченко Н.А. Европейское телевидение в эпоху глобализации вещания: дис. ... канд. истор. наук. М., 1994. 30 с.
- Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London – New York: Verso, 1983.
- Billig M. Banal nationalism. Sage, 1995. <https://doi.org/10.4135/9781446221648>
- Bourdon J. Unhappy engineers of the European soul: the EBU and the woes of pan-European television // International Communication Gazette. 2007. Vol. 69. No. 3. Pp. 263–280. <https://doi.org/10.1177/1748048507076580>
- Chalaby J.K. Television and globalization: the TV content global value chain // Journal of Communication. 2016. Vol. 66. No. 1. Pp. 35–59. <https://doi.org/10.1111/jcom.12203>
- Esser A. European television programming // European Globalization in Global Context. Europe in a Global Context / ed. by R. Robertson. London: Palgrave Macmillan, 2014. Pp. 82–102. https://doi.org/10.1057/9780230390805_5
- Malik S., Ryder M., Marsden S., Lawson R., Gee M. BAME: a report on the use of the term and responses to it // Terminology Review for the BBC and Creative Industries. Sir Lenny Henry Centre, 2021. URL: <https://bcuassets.blob.core.windows.net/docs/csu2021325-lhc-report--bbchighres231121-132836254614117870.pdf> (accessed: 10.02.2023).
- O'Connell D. Small nation/big neighbours: co-producing stories in a European context // European Cinema and Television: Cultural Policy and Everyday Life / ed. by I. Bondebjerg, E.N. Redvall, A. Higson. London: Palgrave Macmillan, 2015. Pp. 239–256. https://doi.org/10.1057/9781137356888_12
- Relocating television: television in the digital context / ed. by J. Gripsrud. London: Routledge, 2010. <https://doi.org/10.4324/9780203851371>

- Robertson R. Situating globalisation: a relatively autobiographical intervention // *Global Themes and Local Variations in Organization and Management* / ed. by G.S. Drori, M.A. Höllerer, P. Walgenbach. Taylor & Francis, 2013. <https://doi.org/10.4324/9780203139486>
- Utard J.M. *Arte: information télévisée et construction d'un point de vue transnational: étude d'un corpus franco-allemand (Thèse de doctorat)*. Strasbourg: Université Strasbourg III, 1997.
- Wallerstein I. *European universalism: the rhetoric of power*. New Press, 2006.

References

- Anderson B. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London, New York: Verso.
- Bakulev, G.P. (1994). *Television without borders: Satellite channels in Europe*. Moscow: VGIK Publ. (In Russ.)
- Billig, M. (1995). *Banal nationalism*. Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446221648>
- Bodrunova, S.S. (2013). Principles of European regulation of the television sector: Market liberalization or protection of democracy through TV? *Uchenye zapiski St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, 44(4), 105–115. (In Russ.)
- Bourdon, J. (2007). Unhappy engineers of the European soul: The EBU and the woes of pan-European television. *International Communication Gazette*, 69(3), 263–280. <https://doi.org/10.1177/1748048507076580>
- Chalaby, J.K. (2016). Television and globalization: The TV content global value chain. *Journal of Communication*, 66(1), 35–59. <https://doi.org/10.1111/jcom.12203>
- Ershov, Yu.M. (2011). Idea of transfrontier television in Europe and its resonance in Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 10(6), 42–50. (In Russ.)
- Esser, A. (2014). European television programming. In R. Robertson (Ed.), *European Globalization in Global Context. Europe in a Global Context* (pp. 82–102). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230390805_5
- Gripsrud, J. (Ed.). (2010). *Relocating television: Television in the digital context*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203851371>
- Khromchenko, N.A. (1994). *European television in the era of globalization of broadcasting* (PhD thesis). Moscow. (In Russ.)
- Kolyvanov, E.V. (2006). *Modern European concepts and models of public television* (PhD thesis). Moscow. (In Russ.)
- Malik, S., Ryder, M., Marsden, S., Lawson, R., & Gee, M. (2021). *BAME: A report on the use of the term and responses to it terminology review for the BBC and creative industries*. Sir Lenny Henry Centre. Retrieved February 10, 2023, from <https://bcuassets.blob.core.windows.net/docs/csu2021325-lhc-report--bbchighres231121-132836254614117870.pdf>
- O'Connell, D. (2015). Small nation/big neighbours: Co-producing stories in a European context. In I. Bondebjerg, E.N. Redvall & A. Higson (Eds.), *European Cinema and Television: Cultural Policy and Everyday Life* (pp. 239–256). London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137356888_12
- Putseva, M.D. (2019). The problem of European identity on the air of global information television. *Media Almanac*, 94(5), 24–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2019.2232>
- Robertson, R. (2013). Situating globalisation: A relatively autobiographical intervention. In G.S. Drori, M.A. Höllerer & P. Walgenbach (Eds.), *Global Themes and Local Variations in Organization and Management*. Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780203139486>
- Sokolova, A.V. (2014). Transborder television: History, evolution and modern state. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, (3), 168–176. (In Russ.)
- Utard, J.M. (1997). *Arte: Information télévisée et construction d'un point de vue transnational: Étude d'un corpus franco-allemand (Thèse de doctorat)*. Strasbourg: Université Strasbourg III.

Vachnadze, G.N. (1989). *World television*. Tbilisi: Ganatleba Publ. (In Russ.)

Voitik, E.A. (2011). Structural and typological features of European sports television. *Mediascope*, (3). (In Russ.) Retrieved February 18, 2023, from <http://www.mediascope.ru/node/888>

Wallerstein, I. (2006). *European universalism: The rhetoric of power*. New Press.

Сведения об авторе:

Ершов Юрий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики, филиал Московского государственного университета в г. Севастополе, Российская Федерация, 299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, д. 7. ORCID: 0000-0003-3526-3727. E-mail: ershovym@my.msu.ru

Bio note:

Yuri M. Ershov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Journalism, Branch of Lomonosov Moscow State University in Sevastopol City, 7 Geroyev Sevastopolya St, Sevastopol, 299001, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3526-3727. E-mail: ershovym@my.msu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-306-317

EDN: QJNFRY

UDC 654.197

Research article / Научная статья

Czech Republic television: genre and thematic features of TV news in 1989–2021

Ekaterina V. Lapuk

*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*

 lapukate@yandex.ru

Abstract. The author applies the content analysis to study 1608 video news of the Czech TV in 1989, 2005 and 2021. The studies of two categories “Genre” and “Thematic” were conducted. The hypotheses about the increase of negative information in TV news and the rise of entertainment content is tested. Much attention is given to seeking changes in the genres of TV news, which occur as a result of media convergence and the expansion of user-generated content. The greatest genre diversity was found in the modern period (2021), the lowest genre diversity was noted in 1989, when seven out of ten media texts were prepared in the “short note” genre. User-generated content brought only minor changes to the TV news genres. Over time, the role of PR-texts in TV news increases: the number of announcements increases more than tenfold between 1989 and 2021. Previous research indicate that mass media have a tendency to focus on violent and negative content. In the context of the TV news topics, it is demonstrated that nowadays there is an increase to some extent in news on crime and incidents and a slight decrease of the political agenda compared to 1989. Besides, it is reported that the number of sports TV news has significantly decreased, that confirms the trend of differentiation of the audience by TV programs focused on a single subject and specialty (or cable) channels.

Keywords: television industry, news programs, news broadcasting, Czech media

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 1, 2023; revised March 3, 2023; accepted March 28, 2023.

For citation: Lapuk, E.V. (2023). Czech Republic television: Genre and thematic features of TV news in 1989–2021. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 306–317. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-306-317>

© Lapuk E.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Телевидение Чешской Республики: жанрово-тематическое своеобразие телевизионных новостей в 1989–2021 гг.

Е.В. Лапук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

✉ lapukate@yandex.ru

Аннотация. Методом контент-анализа исследуются 1608 новостных сюжетов чешского телеканала «Ческа телевизе 1» за три периода 1989, 2005 и 2021 гг. по категориям «Жанр» и «Тематика». Проверены гипотезы относительно увеличения негативной информации в телевизионных новостях, усиления развлекательной направленности. Прослежены изменения в жанрах телевизионной информационной журналистики вследствие медиаконвергенции и увеличения объема пользовательского контента. Выяснено, что наибольшее жанровое разнообразие характерно для современного этапа, наименьшее – для 1989 г., когда семь из десяти журналистских материалов представляли собой короткие заметки. Пользовательский контент привнес лишь незначительные изменения в жанровую палитру телевизионных новостей. Со временем усиливается роль пиар-текстов, входящих в состав выпусков теленовостей: количество анонсов возросло более чем в десять раз. В контексте тематики отмечается рост числа криминальных новостей и некоторое сужение политической повестки по сравнению с 1989 г. Также зафиксировано практически полное исчезновение из выпусков телевизионных новостей спортивной тематики, что подтверждает тенденцию дифференциации аудитории, которая переходит на тематические каналы и в нишевые массмедиа.

Ключевые слова: телевизионная отрасль, новостные программы, жанры телевидения, информационное вещание, чешские медиа

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 февраля 2023 г.; отрецензирована 3 марта 2023 г.; принята к публикации 28 марта 2023 г.

Для цитирования: Lapuk E.V. Czech Republic television: genre and thematic features of TV news in 1989–2021 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 306–317. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-306-317>

Introduction

Thanks to the development of information and communication technologies, a single media space is being formed, with the forms and methods of presenting journalistic content being combined, and the process of media convergence becoming evident (Jensen, 2022; Jiang, Yue 2022). Nevertheless, news, as one of the main types of media texts, does not lose its significance.

First, an increase in the number of information flows and an increase in the time a person spends in front of a screen, indicate an increase in the amount of information consumed. Since the ability of a person to perceive and process information is limited (Bruckmaier et al., 2020, p. 6810), it is obvious that the level of complexity of the information consumed should suffer first. Given that the video content is the simplest and most accessible for perception, this indicates the prospects for maintaining positions for audiovisual news that terrestrial television is currently losing (and online television, on the contrary, is gaining).

Secondly, facilitating journalists' access to relevant video materials and empowering simultaneously the audience with the function of media content producers (Wardle, Williams, 2010; Furqan et al., 2022), also make adjustments to the formal and content aspects of television news, remaining studied insufficiently at the moment.

The processes of audience fragmentation (Lotz et al., 2022; Porten-Cheé, Eilders, 2019), its differentiation into specialty TV channels, seem to fade into the background compared to the more comprehensive process of unifying the media space under the influence of the development of the Internet. The progress of the World Wide Web and new technologies (in particular, the spread of the next “screens” – a personal computer, tablet and mobile phone) has led to the fact that media consumption has become more individualized, while television, which broadcasts content to the only (once) TV receiver in the household, on the contrary, have united the audience (Volkova et al., 2021, p. 163).

At the moment, researchers are increasingly turning to the problem of adapting television news to social media (Chobanyan, Nikolskaya, 2021; Keib, Wojdyski, 2019), however, some experts are less optimistic about the effectiveness of delivering television news in this way: “Even the most successful format will not be able to replicate the successes of the newscasts in the past. Given the variety of platforms available to obtain information, it is inevitable that many users feel that their needs are better served elsewhere” (García-Avilés, 2020, p. 154). This thesis also confirms the possibility of maintaining the current position of the producers of television news.

In the changing world of information broadcasting, islands of stability remain such entities as the genre (i.e., the form of journalistic material that has developed over the years, which is characterized by stable features) and the subject of coverage (i.e., the topic of the news is a message about a change in the state of an object, a change in an object) (Dolgova et al., 2019, pp. 238–240).

The purpose of this study is to highlight changes in the thematic and genre components of television news. The paper took into account such conclusions of scientists in the field of news journalism as the emergence of new forms of content that cannot be designated as a “genre” (Dolgova, Peripechina, 2022, pp. 133–134), the shortening of media texts and the dissemination of the same information by one and the same mass media on different platforms and in different forms and genres (Vyrkovsky et al., 2019, p. 46). As for topics, there are such trends as a significant share of the sensational component in television news (Arbaoui et al., 2020, p. 313), the emergence of such concepts as “politainment” (Savolainen, 2022, p. 956) and “edutainment” (Dolgova, Peripechina, 2022,

p. 81) (a combination of entertainment with political and educational content), an increase in negative information on the screen (Rudenko, 2014).

Television of the Czech Republic (Fridrich, 2021; Dvořák, 2001), in the case of this study, serves more as an illustration of global (or at least Eastern European) changes in information broadcasting (since this paper is based on the quantitative calculation of media texts only in two categories “genre” and “theme”), as a result of which the national specificity of Czech television news plays a secondary role.

Methodology

The empirical base of the study can be divided into two parts: the first refers to the time of state television in Czechoslovakia (1989), the second to the time of public broadcasting in the Czech Republic (2005 and 2021). Thus, on the territory of the modern Czech Republic, until 1992, an exclusively state broadcasting model operated, in 1992 there was a division into private and public broadcasters,¹ and the “first channel” of the Czech screen (our Česká Televize 1) becomes public.

The content analysis method was used to study the information programs that airs on Česká televize 1 for the three years 1989, 2005, 2021 (an equal step – sixteen years – between periods). The years were not chosen randomly. 1989 is the most fully represented of the digitized Czechoslovak news programs, and 1989 is also important, since the analyzed TV channel was then state-owned, while in 2005 and 2021 – public. In this context, it seems essential to explore the differences between the formation of information programs under the state and public broadcasting models. The year 2005 is considerable for two reasons: firstly, in 2005, YouTube appeared as a new competitive platform for posting video content,² and secondly, in the Czech Republic, it was from 2005 that specialty TV channels began to appear more actively, changing habits of viewers and sharing content by niche sites. In particular, in 2005, the 24-hour news channel Česká Televize 24³ began broadcasting. The point is 2005 is the last year in terms of the presence of news broadcasts on the air of universal channels as an exclusive source of television news. 2021 is the most relevant year in terms of the impact of modern technology and media convergence on television news, also during this period, coverage of the COVID-19 pandemic has relatively stabilized compared to 2020.

As for choosing weeks for analysis, a decision had been made to stop at the number “three”. So, for each of the three periods (1989, 2005, 2021), three weeks were analyzed (the third week of March (1), the third week of July (2) and the third week of November (3) for each of the periods; we selected March, July and November, based on the division of the year – twelve months – into three parts, and each of the months – March, July, November – are the third months).

¹ Základní informace o ČT. Retrieved March 27, 2023, from <https://www.ceskatelevize.cz/vse-ot/zakladni-informace-o-ct/>

² Helft, M., & Richtel, M. (2006, October 10). Venture firm shares a YouTube Jackpot. *The New York Times*. Retrieved March 27, 2023, from <https://www.nytimes.com/2006/10/10/technology/10payday.html>

³ Rada České televize. (2006). *Výroční zpráva o činnosti České televize v roce 2005* (s. 4). Retrieved March 27, 2023, from <http://img.ceskatelevize.cz/boss/image/contents/publikace-ct/rocnky/2005/zprava2005.pdf>

In total, 1608 TV news were analyzed from 63 daily evening newscasts on Česká Televize 1.

The analysis was carried out in two categories “genre” and “theme”. In the first category, media texts were divided into such genres as Reportage, Short note, Note, Monologue (Dolgova, Peripechina, 2022, p. 124), LTT (Life to tape), Interview, Feature story, No Comment. Concerning Announcement, two types of announcements were identified in the news programs: the first type of announcements is tease, which is a list of the most important and/or interesting, unusual news in the newscast, the second type of announcements is a promotional media text advertising a TV program that will soon be aired on a TV channel.

In the category “theme”, media texts were classified according to the following thematic types: Politics, Society, Health, Economy, Accidents, Crimes, History, Culture, Lifestyle, Science, War, Climate, Weather, Sport, Space, Other. Health in relation to the COVID-19 pandemic was considered separately from the social topic in order to highlight the understandably high performance for this item for 2021.

Results and discussion

Speaking about the genre features of the news on Česká Televize 1 in 1989–2021, it was noted that in all periods there is a domination of reportage and short note, while such genres as monologue, interview, feature story remain in the shadows. Moreover, feature story was encountered exclusively in 1989 (and even then, out of 539 media texts of feature stories analyzed in 1989, only 2 were found) (Table 1).

Table 1

Genre features of Česká Televize 1 news in 1989, 2005 и 2021, %

Period genre	1989				2005				2021			
	1	2	3	A*	1	2	3	A	1	2	3	A
Reportage	22	18	25	21	67	71	64	68.5	43	49	50	48
Short note	74	79	66	74	30	23	24	25	35	29	24	29
Note	–	–	–	–	2	1	4	2	10	10	10	10
Monologue	1	0.5	1	1	–	–	–	–	1	3	3	2
LTT	–	–	–	–	–	3	2	2	2	1	1	1
Interview	2	2	6	3	–	–	–	–	1	2	2	2
Feature story	1	–	1	0.5	–	–	–	–	–	–	–	–
Announcement	–	0.5	1	0.5	1	–	4	2	8	5	8	7
No comment	–	–	–	–	–	1	–	0.5	–	1	2	1

Note: * A – an average for three weeks.

As can be seen from Table 1, 2005 is the most monotonous in terms of genre specifics, when 64–71% of TV news, i.e. at least two thirds, were made in the reportage genre during the three weeks analyzed. The most balanced and

diverse in terms of genre representation is 2021, combining both genres that were absent in 1989 (for example, note and LTT) and genres that were not found in 2005 (for example, monologue and interview).

Looking more closely at the genres that showed the most change (Figure 1), one can see a trend of moving away from the monopoly of short note in 1989 and reportage in 2005, as well as an increase in genre diversity over time.

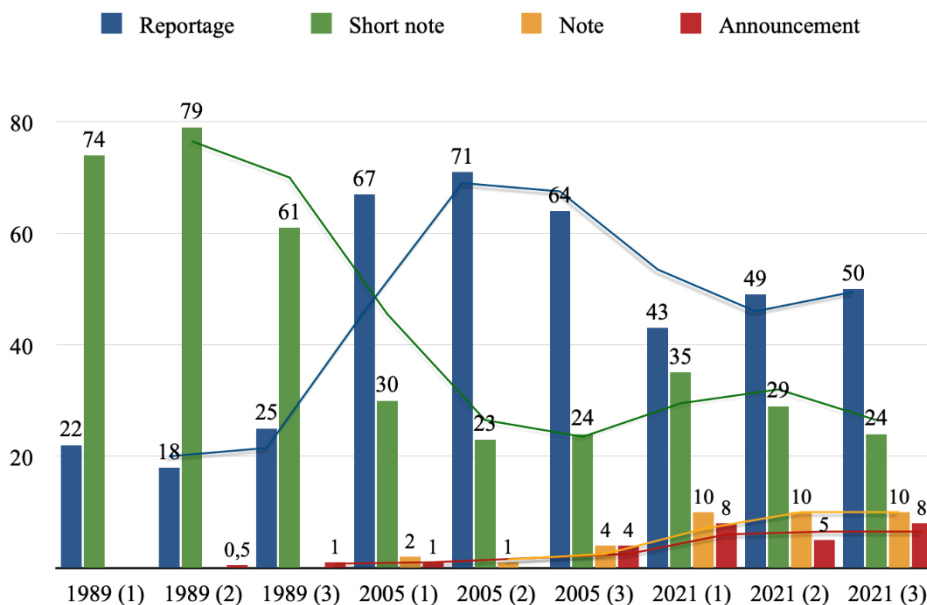

Figure 1. The comparison of news genres on Česká Televize 1 in 1989, 2005 и 2021, %

It is also necessary to pay attention to the appearance of the note genre in the periods of 2005 and its five-fold increase from 2% in 2005 to 10% in 2021. We regard the note as a short note, supplemented by a fragment (one or several) of the interview. Thus, the emergence and strengthening of the position of the note genre confirms the trend towards convergence of television news genres and a gradual departure from a more rigid division of genres into “large” (for example, reportage) and “small” (short note).

The presence of announcement as a form of television news content is gradually increasing. So, if in 1989 there were practically no announcements in issues (0.5%), then over the years there has been a gradual increase: in 2005, on average, 2% of announcements were met, in 2021 – 7%. Note that opens (Chobanyan, 2016, p. 135) were not included in the calculation (they were present in all analyzed newscasts). Well, we can note the promotional, PR function that has been growing over the years, put into the information broadcasting of the Czech TV.

As can be seen from the data in Table 2, among the sixteen presented, the greatest changes are noticeable only in five categories – Politics, Society, Accidents, Crimes and Sport. Indeed, the indicators in the category Health also increased significantly: if in 1989 only 1% of media texts were devoted to

the topics of medicine and healthcare, then in 2021 it will be 16%. However, the presence of television news devoted to this topic in 2021 can be explained by the ongoing spread of coronavirus infection, as well as the start of vaccination in the first quarter of 2021 (for example, every fifth news story – 20% – in the March week of 2021 was devoted to medicine). We also note the increase in the Other category in 2021 by more than two times, compared with 1989 and 2005.

Table 2

Thematic features of Česká Televize 1 news in 1989, 2005 и 2021, %

Period thematics	1989				2005				2021			
	1	2	3	A	1	2	3	A	1	2	3	A
Politics	30	25	31	29	25	18	22	22	18	15	22	18
Society	8	8	6	7	15	24	12	17	19	11.5	16	16
Health	1	0.5	0.5	1	3	2	10	5	20	11	17	16
Economy	12	12	13	12	12	7	12.5	10	11	13	12	12
Accidents	3	6	4	4	16	23	9	16	7	14	5	9
Crimes	2	1	2	2	15	5	12.5	11	4	5	5	4.5
History	1.5	–	3	2	2	5	8	5	2	2	5	3
Culture	8	8	4	7	4	3	2	3	5	8	6.5	6
Lifestyle	1.5	2	0.5	1	1	4	1	2	2	2	2	2
Science	0.5	0.5	–	0.5	1	–	2	1	1	2	1	1
War	4	3	1.5	3	2	4	4	3	1	2	1	2
Climate	1	3	4	2	1	–	2	1	3	5	0.5	3
Weather	–	–	0.5	0.5	2	1	–	1	1	2	–	1
Sport	23	28	29	26	–	1	3	1.5	0.5	2	1	1
Space	1.5	–	0.5	1	–	3	–	1	0.5	0.5	1	0.5
Other	3	3	0.5	2	1	–	–	0.5	5	5	5	5

As far as thematic categories are concerned, some of them deserve special attention (Figure 2).

Some changes are observed in the Politics category. So, if in 1989 25–31% of media texts were devoted to political topics, then in 2005 the figure was on average 22%, in 2021 – 18%. Regardless, the decline in attention to political topics in 2021 can also be explained by the switch to coverage of the COVID-19 pandemic. And yet, if we consider the more neutral 2005, there is still a slight decrease in attention to politics compared to 1989, when television in Czechoslovakia was state-owned (whereas since 1992 Czech television has switched to a public broadcasting model, which implies a more balanced approach to agenda setting with less policy orientation). In general, the figures for 2005 and 2021 show a more proportionate thematic spectrum that was marked in the case of

1989, when, for example, only sports and political topics occupied more than half (55%) of the airtime (Table 2).

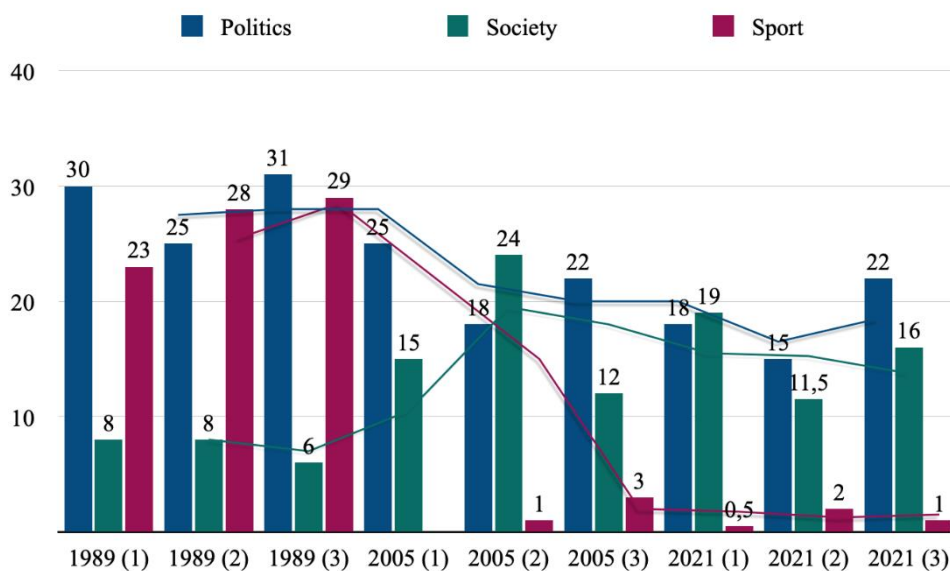

Figure 2. The comparison of news topics on Česká Televize 1 in 1989, 2005 и 2021, %

In this regard, we will also turn to indicators from the Society category. If in 1989 6–8% of materials were devoted to social issues, then this figure increased to 12–24% of media texts in 2005 and 11.5–19% in 2021. This group included television stories about education, families, the lives of people of retirement age, housing and communal services, the development of social infrastructure, etc. The bias in covering public topics is also probably associated with the transition of Česká Televize 1 to a public broadcasting model.

The trend of audience fragmentation and viewers turning to specialty TV channels is noticeable in changes in the thematic category Sport. So, if in 1989 23–29% of the materials were devoted to sports topics, then in 2005 and 2021 this figure fell to 1–3% and 0.5–2%.

It is also worth considering the data for the categories Accidents and Crimes, associated with the coverage, as a rule, of negative events – in particular, floods, industrial accidents, aircraft crashes, traffic accidents, etc. (Accidents), terrorist acts, crimes, legal proceedings, etc. (Crimes).

As can be seen from Figure 3, the “negative” topics of Accidents and Crimes increased significantly in 2005. Thus, compared with 1989, in 2005 the number of reports on incidents quadrupled, and the number of crime news more than five times. Despite the decrease in such topics in 2021, the figure is still significantly higher than in 1989: in 2021, there were more than twice as many news about incidents and twice as many crime news compared to state television in 1989. In general, the data presented in the graph confirms the researchers' idea of an increase in negative information on TV.

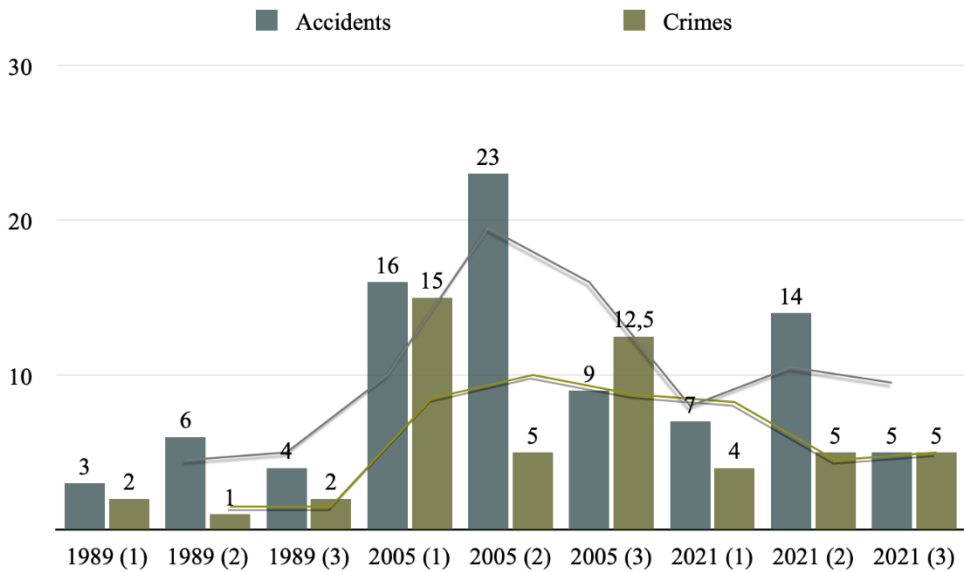

Figure 3. The comparison of news topics on Česká Televize 1 in 1989, 2005 и 2021, %

If we turn to the data from the Lifestyle category (see Table 2), which included entertainment media texts (about the life of celebrities, unusual hair-styles, cute babies etc.), then we can see that news from this group in all three periods occupied a very minor place (1% in 1989, 2% in 2005 and 2% in 2021). Therefore, it can be argued that the trend towards the rise of entertainment in the television news was not marked in the study.

Conclusion

As a result of the analysis of television news in 1989, 2005 and 2021 it was noted not a crucial change in the genres of information television journalism, which may exist due to, for instance, an increase in the amount of user-generated content (Dolgova, Peripechina, 2022, p. 134), – but more balanced newscasts with news of different genres. Thus, the non-journalistic form No comment was and remains extremely insignificant throughout all three periods of the study. The greatest genre diversity is typical for modern periods: in 2021, in addition to reports and short notes, the note genre comes forward, despite that it did not exist at all in 1989 and was negligible in 2005. In general, over time, a transition from the dominance of reportage and short notes to a wider variety of genres is noticeable.

Despite the fact that Česká Televize 1 switched to a public broadcasting model in 1992, the ways of promoting content that are typical for commercial mass media are typical for modern information programs of the channel too: for example, in 2021, the role of announcements (tease(r)s) in the news broadcast is significantly increasing (7% vs. 0.5% in 1989 and 2% in 2005).

It is also worth noting that the process of media convergence (Jensen, 2022; Jiang, Yue. 2022) still had an impact on the genre aspect of TV news: the interview

as a separate genre of the newscast goes away and becomes, for instance, a part of the note genre, turning it from “short” into “extended” one. This means, that there is not only a gradual increase in genre diversity, observed over the years, but also merging of genres and their transformation into new ones. In addition, the departure of the feature story genre from newscasts was noted. Besides, in 1989 the genre was also found in extremely small numbers.

The idea of the important role of a solely entertainment component in the news (Savolainen, 2022, p. 962) was not confirmed in the study. So, based on the analysis of television news in 1989, 2005 and 2021 it can be argued that the number of purely entertaining stories that belonged to the Lifestyle category remains negligible, and in each of the periods does not exceed 1–2%. By the way, there is the departure of sports (also partly entertainment) topics from Česká Televize 1 newscasts, which occupied about a third of media texts in 1989 and only about 1% in 2005 and 2021.

K. Chobanyan, based on the analysis of CNN and Russia 24 television news, comes to the conclusion that a third of the CNN news are devoted to criminal topics, while a third of the content of Russia 24 newscasts is devoted to politics (Chobanyan, 2016, p. 128). Analyzing the news programs of the USA, Canada and Australia, E. Nikolskaya found out that on average about 10% of stories in local news and about 8% in international news are allocated to politics (Chobanyan, 2016, pp. 96–98). On Czech television, politics takes a more prominent place, although there has been some narrowing of the political agenda over the years. Thus, the Czech agenda in terms of political news is generally closer to the content of Russia 24 than Western channels. The figures for 2005 coverage of incidents and crime by Česká Televize 1 (16 and 11%) are somewhat close to the high figures of CNN. Nonetheless, by the period of 2021, the figures are flattening (9 and 4.5%), and the negative topics of accidents and crime news take up less time on the Czech news air, which also partly sets the results apart from those of the USA, Canada and Australia, where the topic of incidents takes up to 20, 35 and 25% respectively (Nikolskaya, 2016, p. 97). The idea developed by media researchers that the category of sensationalism “seems to be a ‘system’-dependent feature of news coverage” (Arbaoui et al., 2020, p. 314) is confirmed, but only partially. One can speak of a greater “sensationalism” and a negative thematic component of the Anglo-Saxon news in comparison with the Czech ones. However, it should also be concluded that the trend of highlighting negative news and giving it significance (Rudenko, 2014) is generally traceable based on a comparison of news from 1989 and 2005, 2021 on television of the Czech Republic.

References

- Arbaoui, B., De Swert, K., & Van der Brug, W. (2020). Sensationalism in news coverage: A comparative study in 14 television systems. *Communication Research*, 47(2), 299–320. <https://doi.org/10.1177/0093650216663364>
- Bruckmaier, M., Tachtsidis, I., Phan, P., & Lavie, N. (2020). Attention and capacity limits in perception: A cellular metabolism account. *Journal of Neuroscience*, 40(35), 6801–6811. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.2368–19.2020>

- Chobanyan, K., & Nikolskaya, E. (2021). Testing the waters: TikTok’s potential for television news. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 3(3), 62–88. <http://doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2021.3>
- Chobanyan, K.V. (2016). *Genre priorities of a modern news channel (a case study of the CNN and Rossiya 24)* (PhD thesis). Moscow: Moscow State University. (In Russ.) Чобанян К.В. Жанровые приоритеты и языковая модель современного информационного телеканала (на примере каналов Си-эн-эн и «Россия 24»): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 235 с.
- Dolgova, Y.I., & Peripechina, G.V. (Eds.). (2021). *Television journalism*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.) Телевизионная журналистика / под ред. Ю.И. Долговой, Г.В. Перипечиной. М.: Аспект Пресс, 2021. 208 с.
- Dolgova, Y.I., Peripechina, G.V., & Tikhonova, O.V. (2019). Content strategies of the “Big Three” TV channels: Topics, genres, format. *Tomsk State University Journal of Philology*, (61), 237–255. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/61/14>
Долгова Ю.И., Перипечина Г.В., Тихонова О.В. Контент-стратегии телеканалов «большой тройки»: тематика, жанры, форматы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 237–255. <https://doi.org/10.17223/19986645/61/14>
- Dvořák, L. (2001). *Česká televize – věc veřejná, aneb, Zápisky teroristovy*. Brno: Jota.
- Fridrich, M. (2022). Zpráva o programu ČT1 v roce 2021. Praha: České televise.
- Furqan, R., Muhtar, S.M., & Arya, N. (2022). Application of user generated content by television news’ during pandemic. *Jurnal ASPIKOM*, 7(1), 71–83. <http://doi.org/10.24329/aspikom.v7i1.1069>
- García-Avilés, Jose A. (2020). Reinventing television news: Innovative formats in a social media environment. *Journalistic Metamorphosis*, 70, 143–155. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36315-4_11
- Jensen, K.B. (2022). *Media convergence: The three degrees of network, mass, and interpersonal communication*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003199601>
- Jiang, Y. (2022). The transition and countermeasures of traditional media after being impacted by the advent of digital media. *Proceedings of the 2022 8th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2022)* (pp. 2237–2242). Beijing: Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.220504.405>
- Keib, K., & Wojdyski, B. (2019). Staying alive: TV news facebook posts, perceived credibility, and engagement intent. *Electronic News*, 1(1), 3–22. <https://doi.org/10.1177/1931243118767733>
- Lotz, A.D., Eklund, O., & Soroka, S. (2022). Netflix, library analysis, and globalization: Rethinking mass media flows. *Journal of Communication*, 72(4), 511–521. <https://doi.org/10.1093/joc/jqac020>
- Nikolskaya, E.S. (2016). TV news magazines and evening news: Similarities and differences. *Herald of Vyatka State University*, (8), 92–101. (In Russ.) Никольская Э.С. Телевизионные журналы новостей и вечерние новости: сходства и различия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 8. С. 92–101.
- Porten-Cheé, P., & Eilders, C. (2019). Fragmentation in high-choice media environments from a micro-perspective: Effects of selective exposure on issue diversity in individual repertoires. *Communications*, 44(2), 139–161. <https://doi.org/10.1515/commun-2018-2013>
- Rudenko, M.O. (2014). Negative information in mass media and it’s influence on people. *Mediaobrazovanie*, (2), 108–112. (In Russ.) Руденко М.О. Негативная медийная информация и ее влияние на людей // Медиаобразование. 2014. № 2. С. 108–112.
- Savolainen, R. (2022). Infotainment as a hybrid of information and entertainment: A conceptual analysis. *Journal of Documentation*, 78(4), 953–970. <https://doi.org/10.1108/JD-08-2021-0169>

- Volkova, I.I., Proskurnova, E.L., & Tran Thi Thuy Dung. (2021). Prospects of news television: Materials of in-depth interviews. *Nauchnyi Dialog*, (3), 157–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Т.Т. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. 157–170. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Vyrkovsky, A.V., Galkina, M.Y., Kolesnichenko, A.V., Obratsova, A.Y., & Vartanov, S.A. (2019). Russian newsrooms in digital era: Challenges and prospects. *Russian Journal of Communication*, 11(1), 37–52. <https://doi.org/10.1080/19409419.2019.1580607>
- Wardle, C., & Williams, A. (2010). Beyond user-generated content: A production study examining the ways in which UGC is used at the BBC. *Media, Culture & Society*, 32(5), 781–799. <https://doi.org/10.1177/0163443710373953>

Bio note:

Ekaterina V. Lapuk, PhD student, Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2231-3596. E-mail: lapukate@yandex.ru

Сведения об авторе:

Лапук Екатерина Вячеславовна, аспирант, кафедра телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0003-2231-3596. E-mail: lapukate@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-318-332

EDN: QZILOV

УДК 070:654.197

Научная статья / Research article

Телевидение Республики Татарстан как инструмент национальной идентификации

Р.В. Даутова¹, О.В. Тихонова²

¹Казанский Федеральный университет,

Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

 RVagiz@yandex.ru

Аннотация. Исследование роли регионального телевидения в национальной идентификации обрело особую актуальность в контексте современных процессов медиатизации и глобализации. Теоретическое значение полученных результатов связано с выявлением приемов медиаидентификации в историческом аспекте, а также с обнаружением факторов, влияющих на процесс идентификации. Представлены итоги изучения как исторического опыта развития государственного телевидения на территории Татарстана, так и современной практики телеканала «Татарстан – Новый век», который считается в настоящее время главным национальным каналом в республике. Охарактеризована степень изученности темы развития регионального телевидения в России и мире в аспекте специфики национального вещания, учтены исследования, в которых затрагивается проблема этнической идентификации посредством СМИ. Использован большой массив эмпирического материала для выявления традиций и новаций в деятельности регионального телевидения, миссией которого является сохранение и развитие родного языка, культурного и исторического наследия. С помощью анализа эмпирических данных впервые показана преемственность традиций регионального телевидения относительно национального компонента.

Ключевые слова: региональное телевидение, национальный телеканал, традиции, новации, исторический аспект, факторы влияния

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 28 января 2023 г.; отрецензирована 1 марта 2023 г.; принята к публикации 30 марта 2023 г.

Для цитирования: Даутова Р.В., Тихонова О.В. Телевидение Республики Татарстан как инструмент национальной идентификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 318–332. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-318-332>

© Даутова Р.В., Тихонова О.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Television of the Republic of Tatarstan as an instrument of national identity

Rezida V. Dautova¹, Olga V. Tikhonova²

¹*Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*

 RVagiz@yandex.ru

Abstract. The study of the role of regional television in national identification has gained particular relevance in the context of contemporary processes of mediatisation and globalisation. The theoretical significance of the results is related to the identification of the techniques of media identification in a historical perspective, as well as to the discovery of the factors influencing the identification process. The authors present the results of a study of both the historical experience of the development of state television in the territory of Tatarstan and the modern practice of the TV channel “Tatarstan – New Century”, which is currently considered the main national channel in the republic. The degree to which the topic of regional television development in Russia and around the world has been studied in terms of the specifics of national broadcasting, and studies which address the problem of ethnic identification through the media have been taken into account. A large body of empirical material was used to identify traditions and innovations in the activities of regional television, whose mission is to preserve and develop the native language, cultural and historical heritage. Through the analysis of empirical data the continuity of regional television traditions in relation to the national component is shown for the first time.

Keywords: regional television, national television channel, traditions, innovations, historical aspect, influencing factors

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 28, 2023; revised March 1, 2023; accepted March 30, 2023.

For citation: Dautova, R.V., & Tikhonova, O.V. (2023). Television of the Republic of Tatarstan as an instrument of national identity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 318–332. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-318-332>

Введение

Развитие регионального телевидения при наличии национального компонента имеет особенности, отражающиеся как в задачах, которые ставят телекомпании, так и в принципах вещания. После распада СССР телевидение в регионах России получило импульс к развитию преимущественно в виде регионализации. Правомерно рассматривать трансформации регионального ТВ через призму политических и социальных изменений федерального и локального масштаба. Это позволяет определить роль телевидения в национальной идентификации регионального и национального сообществ, выявить факторы, влияющие на данный процесс, а также приемы медиаидентификации. Эмпирической базой исследования стали материалы советского периода государственного ТВ в Татарстане и современного этапа, прежде всего программы главного национального канала республики «Татарстан – Новый век» (ТНВ).

Последние два десятилетия отмечены активизацией внимания ответственных медиаисследователей к проблемам телевидения (Волкова и др., 2021 и др.), в том числе регионального, причем как в общероссийском (Вырковский, Макеенко, 2014; Телевизионная журналистика, 2021; Ершов, 2012; Майдунова, 2011; Цвик, 2006 и др.), так и в локальном масштабах (Айтуганова, 2011; Даутова, 2019; Ржанова, 2012; Фатыхова, 2015 и др.). Исследователями отмечена важность баланса между национальным и глобальным аспектами в региональном вещании.

В монографии, посвященной развитию регионального телевидения в постсоветское время, Ю.М. Ершов выделяет два вектора развития ТВ в регионах: региональный и национальный, определяя их главную миссию: «Регионы предстают как жизненные миры со своими правами и своими устоями. Люди начинают идентифицировать себя по региональной принадлежности: сибиряки, уральцы, пермяки, поморы, кубанцы» (Ершов, 2012, с. 73). На наш взгляд, необходимо комплексно представлять процесс идентификации, презентуемый местным эфиром. Это в той или иной мере присутствующая социальная и экономическая, культурная и национальная принадлежность героев, событий, культуры повседневности в целом. При всех национальных особенностях каждой телесистеме для формирования эфирных региональных (локальных) телевизионных каналов необходимо сочетание определенных факторов. Например, в России «система регионального телевидения создана, хотя и с рядом специфических проблемных зон, обусловленных особенностями отечественной медиаэкономики» (Вырковский, Макеенко, 2014, с. 22).

Этнические аудиовизуальные СМИ России (Башкортостана, Чувашии и Татарстана) находятся в орбите исследователей МГУ: с помощью разработанного ими кодификатора зафиксированы количественные и качественные характеристики национальных телеканалов (Тихонова, 2017). Также выявлено соотношение программ на русском и этническом языках, а также количество оригинальных программ, доступных только в версии на этническом языке или же только на русском языке. Полученные в данном исследовании результаты представляют ценность, хотя полноценная апробация методики требует большего эмпирического массива.

Зарубежные медиаисследователи проявляют внимание к данной проблематике в контексте экономики, политики или лингвистики. Интересен взгляд европейских ученых на развитие советских СМИ. Так, К. Рот-Эй, представляющая школу славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона, обратилась к архивным документам по истории советского кино, радио, телевидения периода 1950–1970-х гг. Было отмечено, что средства массовой информации в СССР выполняли важную роль в приобщении населения к отечественным и мировым достижениям культуры. В период развитого социализма состояние массового радиовещания и телевидения в регионах страны коррелировалось с показателями благосостояния граждан (Roth-Ey, 2011). В конце XX в. Д. Кардифф и П. Скеннелл проследили этапы развития британского ТВ через призму политических событий в стране (1987).

Отметим работы о современных телесистемах, где особое внимание уделяется вопросам развития общественных и коммерческих вещателей общенационального масштаба (Sinclair, Turner, 2004; Iosifidis et al., 2005; Western broadcast models..., 2007; Television and digital media..., 2009). Проблемам европейских СМИ, функционирующих на языках меньшинств, посвящена книга *Minority Language Media: Concepts, Critiques and Case Studies* (Cormack, Hourigan, 2007). Подчеркнуто, что СМИ, привлекая доходы от рекламы, часто отдают предпочтение большой аудитории. Следовательно, СМИ меньшинств не могут привлечь аудиторию и установить связи с носителями языка. Телевидение по сравнению с другими СМИ хуже адаптируется к языковым меньшинствам (кроме испаноговорящего рынка) и существование ТВ для нацменьшинств возможно только в тех странах, где регионам гарантирована политическая автономия.

На основе анализа международных теленовостей за 2008 г. в 17 странах пяти основных регионов мира исследователи (Wilke et al., 2012) приходят к выводу, что телеканалы в выпусках новостей формируют картину мира по географическому признаку. Л. Лестер и Б. Хатчинс (2011) изучили телепередачи австралийского телевидения и обнаружили, что при освещении новостей для СМИ отдельно взятой страны ведущую роль играет именно национальный фактор.

Национальное телевидение в качестве консолидирующего фактора, который оказывает значительное влияние на развитие национального самосознания и сохранения национального суверенитета страны, рассматривается канадскими медиаисследователями (Raboy, David, 2005). Близким по проблематике можно считать исследование языкового состояния Северного Казахстана с его массовым казахско-русским двуязычием (Mongilyova, 2015). Сделан вывод о том, что выбор казахского языка в качестве основного часто мотивируется этнической самоидентификацией жителей Казахстана. При этом тревожит тенденция предпочтения русского языка молодыми респондентами, потеря позиции казахского языка в информационном пространстве как средства получения знаний. Проблемы существуют в национальных регионах России, где языком бизнеса и экономики, повседневного делового общения является русский язык, где происходит вымывание родного языка из обихода, а темпы ассимиляции коренного населения заставляют местные национальные и политические элиты предпринимать специальные меры для сохранения языка и культурного наследия.

Обсуждение

В становлении и развитии телевидения в национальных регионах СССР большую роль играли писатели и литературоведы, артисты и музыканты, общественные деятели, выступавшие за сохранение национальной самобытности и культурного наследия коренного населения. Была уверенность в том, что телевидение – это, прежде всего, средство просвещения, инструмент сохранения и развития родного языка. В этом контексте для Татарстана показателен период 1960–1970-х гг. (Даутова, 2019). Передачи на татарском языке готовили преимущественно музыкальная и литературно-драматическая редакции. Например, популярностью пользовалась программа «По вашим пись-

мам», которую вела диктор татарского телевидения А. Сафиуллина. Это была пропаганда лучших образцов классического и современного татарского музыкального искусства. К середине 1960-х гг. программа Казанской студии телевидения пополнилась передачами с участием видных писателей и телепостановками их произведений. В дни празднования 25-летия Победы зрители увидели телевизионные постановки «Подношу цветы» (по И. Беляеву) и «До последней капли» (по С. Шакирову). К юбилею Татарской автономной республики был создан телеспектакль «Дочь степей» (по Г. Ибрагимову). Положительные отзывы получили телепостановки «Шутка» (по А. Еникееву) и «Девушка с красивым голосом» (сценарий Э. Адылова). К 1970 г. объем татарских передач этой редакции был в два раза больше объема русских передач. Тогда же увидел свет цикл «Творческие портреты», посвященный ведущим артистам Татарского государственного академического театра имени Г. Камала. Популярностью пользовался цикл «Писатель и жизнь»: были подготовлены передачи о Ф. Кариме, Ш. Мударрисе, Н. Исанбете и других национальных деятелях литературы.

На стыке 1970–1980-х гг. появились детские передачи, которые вели дети на татарском языке¹: «В мире книг», «Мы живем в деревне», «Игрушки», «Вечерние шутки», «Эйлен-Бейлен», «Поэтические беседы». Для отбора детей был объявлен национальный конкурс, а с 1982 г. для победителей проводилась учеба в детской студии. Этот опыт помог Татарскому телевидению вырастить детский актив, создал Казанской студии имидж организации, которая, работая сегодня, думает о завтрашнем дне нации. К 1 января 1980 г. объем передач на татарском языке составлял 55,7 %, из них литературные и музыкальные передачи – 65 % (Даутова, 2019, с. 113).

К 1990-м гг. принципы национального вещания на региональных студиях бывшего СССР были сформированы, появилось желание работать самостоятельно, создавать независимые национальные телекомпании. Однако процессы децентрализации и коммерциализации отрасли превратили главную миссию национальных СМИ в трудно выполнимую. Нужны были новые стратегии развития, которые в равной степени позволяли бы и зарабатывать, и выполнять идеологические задачи. Телекомпаниям предстояло найти сбалансированное соотношение национальных и общечеловеческих ценностей в содержании и форме телепередач, «ибо всякая попытка выпячивания национальных особенностей с неизбежностью ведет к более или менее откровенному национализму» (Цвик, 2006, с. 49).

Последние полвека модель национального телевидения неоднократно менялась – она была и автономно-региональной, и системно централизованной, и более общественно ориентированной или коммерчески мотивированной (Ершов, 2012, с. 9). Примером общественно ориентированной и в то же время коммерчески мотивированной модели является национальный спутниковый телеканал «Татарстан – Новый Век», его создание в 2002 г. инициировано первым президентом Республики Татарстан М.Ш. Шаймиевым. Показательно его выступление на пленарном заседании VIII съезда Всемирного

¹ Здесь и далее названия татароязычных передач даются в переводе на русский язык.

конгресса татар: «Мы пришли к единому мнению о том, что обязаны думать о татарской нации в целом и Татарстан должен выполнять функцию объединения всей татарской диаспоры и позитивно влиять на национальную политику России»².

В данную систему координат вписывается ТНВ, в истории которого выделяется несколько периодов развития: 2000–2002 – предпосылки для создания в Республике Татарстан спутникового телевидения; 2002–2005 – формирование сетки вещания, поиск оригинальных форм национального вещания; 2005–2008 – ребрендинг канала, развитие сети приема сигнала ТНВ на территории Российской Федерации; 2008–2011 – развитие корреспондентской сети ТНВ, открытие детского канала «Яшь ТНВ» (функционировал до 2017 г. – *Р.Д., О.Т.*); 2011–2017 – подготовка и открытие международной версии телеканала ТНВ «ТНВ – Планета» с вещанием для регионов РФ и зарубежных стран; развитие «Татарстан – Новый Век» в качестве обязательного общедоступного регионального телеканала (21-я кнопка) Республики Татарстан; 2017–2020 – открытие детского телеканала на татарском языке для зрителей от 3 до 15 лет – «Шаян ТВ», получение права вещания на русском языке в слоте ОТР в составе первого мультиплекса цифрового ТВ России; расширение аудитории «ТНВ – Планета» за счет формирования корреспондентской сети за рубежом; 2020–2022 – развитие телеканала в условиях пандемии, принятие антикризисных мер.

ТНВ сегодня развивает собственное программирование, вещает круглосуточно на татарском и русском языках (государственные языки Татарстана). Есть спутниковый и кабельный способы вещания, интернет-трансляции, а также наземное эфирное вещание, работает 13 корпунктов в 13 регионах, городах России и странах СНГ. Телеканал позиционирует себя как общественно-политический с национальным компонентом. Главный вещательный тезис связан с объединением рассредоточенной по всему миру татарской диаспоры, первый слоган телекомпании: «ТНВ объединяет». После ребрендинга появилось несколько новых, более эмоциональных по формулировке слоганов: «Татарстан: там, где сердце», «ТНВ: там, где Родина» и «Телевидение моей родины». Продюсеры телеканала проводят прямые параллели между несколькими лексемами: «Татарстан», «сердце», «Родина». И как связующие понятия – «телевидение», «ТНВ».

При создании телеканала целью было предоставить татарам, проживающим за пределами исторической родины, возможность узнавать новости, смотреть программы на родном языке и приобщаться к своей культуре. Миссия объединения диаспоры связывалась с налаживанием контактов с соплеменниками в других регионах и странах, а также с освещением их национально-культурной жизни. Концепция телеканала подчеркнута позитивная, построена на «трех китах»: вещать на татарском языке, пропагандировать народную литературу и просвещать зрителей в теме национального искус-

² Демина Т. Мингимер Шаймиев: «Татарстан должен выполнять функцию объединения всей татарской диаспоры» // Реальное время. 2022, 8 августа. URL: <https://realnoevremya.ru/news/257361-mintimer-shaymiev-vystupil-na-viii-sezde-vsemirnogo-kongressa-tatar> (дата обращения: 10.12.2022).

ства, воспитывать в молодом поколении любовь к языку, истории и традициям. Телеканал ТНВ продвигает в медиапространстве России и Евразии имидж Республики Татарстан как региона, активно развивающегося в сферах экономики, культуры и спорта.

В 2020 г. доля телесмотрения составила 7,7 %, охват аудитории – около 7 млн абонентов в 418 населенных пунктах РФ (в 2019 г. 5,7 млн). Для сравнения, «ТНВ – Планета» имеет 4,5 млн абонентов в 2803 населенных пунктах РФ (в 2019 г. – 4,2 млн)³. По данным регионального провайдера «Таттелеком», у ТНВ с 2021 г. относительно стабильная ситуация: доля телесмотрения колеблется в пределах 7–8 % (табл. 1).

В июле 2020 г. доля ТНВ в будни – 6,3 %, в городах – 2,4 %, в сельской местности – 7,3 % (здесь татароязычное население составляет значительную часть аудитории). Показательно сравнение этих данных с «ТНВ – Планета», который вещает только на татарском языке. Его зрительская аудитория – 55 млн человек. Вещание ведется через кабель и спутник в 369 городах России, в Средней Азии, на Кавказе, в Турции, Восточной Европе, Прибалтике, Монголии; через интернет на OTT- и SMART-платформах⁴.

Таблица 1

Показатели телесмотрения каналов в Республике Татарстан, 2021–2023 гг.

Каналы	2021	2022	2023
Первый канал	8,5	8,0	6,6
ТНВ	7,3	7,8	7,7
«Домашний»	8,8	7,7	9,0
НТВ	6,9	7,3	7,3
«Россия 1»	5,8	6,4	7,6
Пятый канал	4,1	4,8	4,5
«ТНВ – Планета»	3,0	4,0	4,2
СТС	3,3	3,5	2,7
РЕН ТВ	3,1	2,9	3,0
«Карусель»	3,1	2,7	2,5
«Майдан»	2,3	2,0	2,2
«Матч ТВ»	1,8	2,0	–
TV3	2,0	1,9	1,6
«ПОБЕДА»	2,0	1,8	1,5
ТНТ	1,8	1,7	1,7
Disney	1,4	1,6	–
TMTV	2,2	1,6	1,6
«ПЯТНИЦА!»	1,8	1,6	–
«Звезда»	1,7	1,5	1,5
«Россия 24»	–	1,5	2,2

Источник: составлено авторами по материалам данных компании «Таттелеком».

³ *Кашанова Л.* Итоги-2020: ТНВ сохранил лидерство по аудитории среди республиканских телеканалов // *Реальное время*. 2021, 17 марта. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/206251-tnv-sohranil-liderstvo-po-auditorii-sredi-respublikanskih-telekanalov> (дата обращения: 16.01.2023).

⁴ В мире, по разным данным, насчитывается около 8 млн татар, из которых около 5,5 млн живут в России и субъектах РФ. В Татарстане, согласно итогам последней переписи, проведенной в 2020 г. в условиях пандемии, проживает 2 млн 12 тыс. При этом специалисты считают результаты заниженными. См.: *Ярхамов И.* Недопереписанная перепись татар // *KazanFirst*. 2023, 13 января. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/603787> 2023 (дата обращения: 16.01.2023).

Table 1

Viewing indicators of TV channels in the Republic of Tatarstan in 2021–2023

Channel	2021	2022	2023
Channel One Russia	8.5	8.0	6.6
Tatarstan – Novyy vek (TNV)	7.3	7.8	7.7
Domashniy	8.8	7.7	9.0
NTV	6.9	7.3	7.3
Russia 1	5.8	6.4	7.6
Channel 5	4.1	4.8	4.5
TNV-Planeta	3.0	4.0	4.2
STS	3.3	3.5	2.7
REN TV	3.1	2.9	3.0
Carousel	3.1	2.7	2.5
Maydan	2.3	2.0	2.2
Match TV	1.8	2.0	–
TV3	2.0	1.9	1.6
POBEDA	2.0	1.8	1.5
TNT	1.8	1.7	1.7
Disney	1.4	1.6	–
TMTV	2.2	1.6	1.6
PYATNITSA!	1.8	1.6	–
Zvezda	1.7	1.5	1.5
Russia 24	–	1.5	2.2

Source: compiled by the author based on Tattetelecom data.

Аудиторию ТНВ составляют татароязычная и русскоязычная группы, соотношение программ на татарском и русском языках – 70 и 30 % соответственно. Эфирная представленность двуязычия показана в табл. 2.

Особенностью вещания является трансляция в разных часовых поясах, тем самым поддерживается уровень актуальности контента.

Таблица 2

Представленность двуязычия в эфире телеканала ТНВ, 17 и 19 февраля 2023 г.

Язык вещания	Суточное количество программ, будни/выходные	Общее число программ, %
Татарский	24/19	66/66
Русский	12/10	33/34
Русский (репрезентация Татарстана или истории и культуры татарского народа)	8/8	22/27
Русский (контент не о Татарстане)	1/2	2,7/6,8
Итого	36/29	100

Источник: составлено авторами.

Table 2

Representation of bilingualism on TNV on February 17 and 19, 2023

Broadcast language	Daily number of programs, weekdays/weekends	Total number of programs, %
Tatar	24/19	66/66
Russian	12/10	33/34
Russian (representation of Tatarstan or the history and culture of the Tatar people)	8/8	22/27
Russian (content is not about Tatarstan)	1/2	2.7/6.8
Total	36/29	100

Source: compiled by the author.

Позитивная концепция телеканала органично вписана в контент аналитических двуязычных программ (включая новости), где затрагиваются разные аспекты социальной, общественной и политической жизни. К популярным информационным телепроектам относятся «Новости Татарстана» (выпуски отдельно на русском и татарском). Воскресная информационно-аналитическая программа «7 дней», выходящая на русском языке, затрагивает проблемы республики и всей страны. Среди тематических направлений – гражданско-правовые и военные конфликты, вопросы миграции населения и проблемы межнациональных отношений.

Дважды в неделю выходит на татарском языке информационная программа «Закон. Парламент. Общество», в центре внимания вопросы, решаемые на уровне Парламента Татарстана. Проект «Мир знаний» – о передовом педагогическом опыте, работе с одаренными детьми. Приоритет в программировании отдается культурно-просветительским проектам (табл. 3, 4), которые занимают 26 % от объема вещания (при этом программам о бизнесе и экономике отдано 15 %).

Отметим, что функция культурного просвещения реализуется как непосредственно, так и косвенно. Например, телеканал ТНВ активно предлагает развлекательные программы, рассчитанные на семейный просмотр, сериалы на татарском языке, шоу, игры, телеспектакли и концерты. Развлекательные форматы культурно-просветительских проектов являются важным фактором привлечения аудитории обеих языковых групп.

Большой резонанс у программ игрового формата, например у викторины «Головоломка», где вопросы для игроков строятся на знании национального языка и истории. В телеигре «Переведи! Будем учить татарский» игроки соревнуются в татарском языке. На популяризацию разговорного языка ориентировано интерактивное шоу «Привет от меня тебе!»: утром в субботу в прямом эфире зрители поздравляют родных и близких при помощи звонков в студию или СМС-сообщений.

Таблица 3

Тематика программ телеканала ТНВ, декабрь 2020 г.

Тематика программ/видеоматериалов	Абсолютное число	Общее число программ, %
Культура, искусство	15	21
Экономика, бизнес, производство	11	15
Религия	7	10
Домоводство, стиль жизни	7	10
Политика, работа органов власти	6	8
Спорт	5	7
Семейная сфера	5	7
Наука	5	7
Образование	4	5
Транспорт, дороги	3	4
ЖКХ, строительство жилья	1	1
Туризм, туристическая инфраструктура	1	1
Социальная сфера (уровень жизни, инвалиды и пр.)	1	1
Чрезвычайные ситуации	1	1
Правоохранительная сфера, криминал	1	1
Итого	73	100

Источник: составлено авторами.

Table 3

The topics of the programs of the TNV channel, December 2020

Topics of programs/videos	Absolute number	Total number of programs, %
Culture, art	15	21
Economy, business, production	11	15
Religion	7	10
Housekeeping, lifestyle	7	10
Politics, work of authorities	6	8
Sport	5	7
Family sphere	5	7
The science	5	7
Education	4	5
Transport, roads	3	4
Housing and communal services, housing construction	1	1
Tourism, tourist infrastructure	1	1
Social sphere (standard of living, disabled people, etc.)	1	1
Emergencies	1	1
Law enforcement, crime	1	1
Total	73	100

Source: compiled by the author.

Таблица 4

Классификатор программ телеканала ТНВ, январь – февраль 2023 г.

Тип программ	Общее количество программ телеканала	Общее число программ, %
Познавательные и просветительские	15	25,8
Публицистические/документалистика	11/3	19/5
Информационные	10	17
Развлекательные:	8	13,6
– музыкальные игровые шоу	5	8,6
– познавательные игровые шоу	3	5
Ток-шоу	6	10
Аналитические	4	6,7
Спортивные	3	5
Итого	58	100

Источник: составлено авторами.

Table 4

Classifier of TNV TV programs, January – February 2023

Program type	Total number of TV channel programs	Total number of programs, %
Cognitive and educational	15	25.8
Nonfiction/documentary	11/3	19/5
Newscast	10	17
Entertainment:	8	13.6
– musical game shows	5	8.6
– educational game shows	3	5
Talk show	6	10
Analytical	4	6.7
Sports	3	5
Total	58	100

Source: compiled by the author.

В эфире продвигаются национальная музыка, творчество артистов и музыкальных исполнителей республики, старинные и современные татарские песни. Музыкальное искусство – важный компонент татарской культуры, что в полной мере отражал эфир советского периода. Последние два десятилетия национальные телеведущие переформатировали традиционные программы в пользу развлекательности. Так, концерт народных исполнителей татарских песен «Давайте споем!» превратился в игровое музыкальное шоу, где в прямом эфире представители разных районов и городов демонстрируют вокальный талант.

В основе музыкальной передачи «Комедия Джавита»⁵ старинная татарская традиция – посиделки у ворот, когда молодые жители деревень собирались по вечерам развлечь друг друга частушками, историями, шутками, играми. Появились и музыкальные передачи «Конкурс талантов» и «Горячий хит», они динамично набирают популярность. Таким образом, развлекательные программы ТНВ выполняют не только рекреативную функцию, но и культурно-просветительскую.

Историко-просветительские проекты «Соотечественники», «Уроки истории», «Вехи истории», «Дом культуры» рассказывают об истории Казани и республики, знаменитых представителях татарской диаспоры, тех людях, которые оставили след в истории страны и мира. Особенности национальной культуры посвящены телепередачи «Эй, судьба, судьба» (о жизни известных соотечественников) и «Сокровище» (о жизни и творчестве татарских писателей).

Композиционное и тематическое своеобразие отличают программу «Татары», она знакомит зрителей с проблемами соотечественников, живущих за пределами республики. Это еженедельные обзоры событий, новости диаспоры, анализ национальной политики, рецензии книг, обзор культурных и литературных событий, новости национальных общественных организаций, трансляции чемпионатов татарской борьбы. Новостной принцип привлекает внимание зрителей разных возрастов, в том числе и молодежи.

Национальная специфика ярко выражена в утреннем шоу «Панорама»: в беседах с гостями, премьерными клипами звезд татарской эстрады, полезными советами по ведению домашнего хозяйства и оригинальными татарскими рецептами. Созданная для популяризации национальной кухни ежедневная программа «Секреты татарской кухни» учит гостеприимству, кулинарному искусству, приготовлению таких национальных блюд, как чак-чак, азу по-татарски и др.

Мы отмечали ранее, что на татарском телевидении советского периода большой сегмент выделялся детскими передачами, редакция программ для детей была наиболее продуктивной. Такая активность относительного детского контента наблюдается также на телеканале «Татарстан – Новый век», с начала вещания которого были запущены детские программы «В мире игрушек», «Гостинец», «Пионерлагерь». Редакторами, авторами и ведущими программ для детей были З. Яркакеев и А. Хисамова, при этом в течение

⁵ Джавит Шакиров является ведущим программы.

20 лет они ведут детскую программу «Гостинец», победителя конкурса «ТЭФИ-Регион».

В интеллектуальном поединке школьных команд «Викторина» предлагаются вопросы на общие знания, логику, память и скорость мышления. В соревновательном телепроекте «Учимся вместе» участвуют дети с родителями, отвечая на вопросы ведущего на знание истории, языка и традиций татарского народа. Познавательная программа «Полосатая зебра» также решена в формате игры с целью научить детей правильно переходить дорогу.

Для молодежи и детей на ТНВ создана программа в формате творческого конкурса. В рамках запущенного в 2017 г. детского телевизионного фестиваля исполнителей татарской песни «Пение и звуки детства», по аналогии с проектом «Голос. Дети», проходит определение победителей в результате СМС-голосования. Логическим шагом стало открытие в ноябре 2018 г. первого детского круглосуточного телеканала «Шаян ТВ» на татарском языке.

Для зрителей Татарстана, которые имеют собственное хозяйство или трудятся в сельской промышленности, в эфир выходит «Родная земля» и аналогичная программа на татарском языке, они освещают события и проблемы из жизни сельских поселений: взаимоотношения с инвесторами, особенности ведения фермерства, новейшие технологии в сфере аграрного хозяйства и животноводства. Проект реализуется при финансовой поддержке Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан.

Среди публицистических проектов телеканала ТНВ следует указать ток-шоу «Точка опоры», «Трибуна нового века» и «Татарстан без коррупции». Данные аналитические программы в разные периоды поднимали острые социальные вопросы РТ. Программа «Песочные часы» – это интервью с политиками, деятелями культуры, искусства, науки, спорта. Выпуск может быть приурочен к какому-либо событию в республике.

К заметным национальным проектам следует отнести оригинальные сериалы на татарском языке «От судьбы не уйдешь», «Босоногая девушка», «Нежданный гость» и многосерийный фильм «Они влюбятся в тебя». Отметим, что служба дубляжа ТНВ профессионально переводит на татарский язык зарубежные сериалы.

Важным направлением продвижения канала ТНВ является развитие социальных сетей и других вариантов доставки видеоконтента до аудитории. По официальным данным, предоставленным PR-отделом телеканала, за последние пять лет произошел большой скачок в развитии аккаунтов ТНВ в социальных сетях и проецировании своих продуктов в цифровом пространстве. В течение последних двух лет специальная служба телеканала стала оптимизировать процесс оперативной передачи новостей и видеороликов в интернет. Отдельные проекты создаются для сформировавшейся в сети пользовательской аудитории ТНВ, отличающейся своими запросами от телевизионной. В 2020 г. рост подписчиков в аккаунтах телеканала в соцсетях значительно увеличился, по сравнению с 2019 г., например на YouTube – на 47 %. Этот опыт способствует реальному омоложению аудитории ТНВ.

Заключение

Становление и развитие национального телеканала «Татарстан – Новый век» демонстрирует важность регионального вещания как средства формирования, ретрансляции и сохранения национальных ценностей, родного языка и культурно-исторического наследия, что определяет идентичность нации. В условиях острой конкуренции в медиaprостранстве телеканал стремится сохранить и расширить свою аудиторию – использует современные развлекательные форматы, развивает аккаунты в социальных сетях, усиливает присутствие в цифровом пространстве, размещая контент на медиаплатформах. В этой связи возникает еще один важный пласт проблем национальной идентификации с помощью телевидения в качестве направления будущих исследований – это результативность, которая связана с состоянием национальной тележурналистики как неотъемлемого атрибута социального устройства.

Список литературы

- Айтуганова М.Л.* Этапы становления национального спутникового телеканала «Татарстан – Новый Век» // История национального телевидения в контексте вызовов нового времени: сборник научных статей межрегиональной научно-практической конференции (Казань, апрель 2012 г.). Казань: Казанский федеральный университет, 2012.
- Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Тхи Тхуи Зунг.* О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Вырковский А.В., Макеенко М.И.* Региональное телевидение России на пороге цифровой эпохи. М.: МедиаМир, 2014.
- Даутова Р.В.* Власть и региональные СМИ: история взаимоотношений. Период «хрущевской оттепели» в республиках Поволжья и Приуралья: монография. Казань: Юникорн, 2019.
- Ершов Ю.М.* Телевидение регионов в поиске моделей развития. М.: Изд-во Московского университета, 2012.
- Майдурова О.Ф.* Информационные жанры в региональных новостных телепрограммах: актуальные тенденции. СПб.: СПбГУ, 2011.
- Ржанова С.А.* Место национальных телевизионных программ в этнокультурном пространстве региона // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 103–106.
- Телевизионная журналистика / ред. Ю.И. Долгова. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Тихонова О.В.* Контент-анализ аудиовизуальных СМИ России на национальных языках (на примере Татарстана, Башкортостана и Чувашии) // Этническая журналистика: история и современность. 2017. № 10. С. 42–47.
- Фатыхова М.Х.* Редакция пропаганды Казанской студии телевидения как элемент советской идеологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 28. № 24 (221). С. 118–121.
- Цвик В.Л.* Национальная идентификация телеканалов в эпоху глобализации. Электронные средства массовой информации в контексте новых вызовов времени. СПб.: Университет ИТМО, 2006.
- Cardiff D., Scannell P.* Broadcasting and national unity // Impacts and Influences: Essays on Media Power in the Twentieth Century // ed. by J. Curran, A. Smith, P. Wingate. London – New York – Methuen: Routledge, 1987. Pp. 157–173. <https://doi.org/10.4324/9781315024608>
- Contemporary world television / ed. by J. Sinclair, G. Turner. London: British Film Institute, 2004.

- Cormack M.J., Hourigan N. *Minority language media: concepts, critiques and case studies*. Clevedon: Multilingual Matters LTD, 2007.
- Iosifidis P., Steemers J., Wheeler M. *European television industries*. London: British Film Institute, 2005.
- Lester L., Hutchins B. Soft journalism, politics and environmental risk: An Australian story // *Journalism*. 2011. Vol. 13. No. 5. Pp. 654–667. <https://doi.org/10.1177/1464884911421706>
- Mongilyova N.V. Research into Functioning of the state language in the situation of mass bilingualism of North Kazakhstan using the differential technique // *SAGE Open*. 2015. Vol. 5. No. 3. <https://doi.org/10.1177/2158244015593120>
- Raboy M., David T. The trial by fire of the Canadian broadcasting corporation. Lessons for public broadcasting // *Cultural Dilemmas in Public Service Broadcasting* / ed. by G.F. Lowe, P. Jauert. Goteborg: Nordicom, 2005. Pp. 251–276.
- Roth-Ey K. *Moscow prime time: How the Soviet Union built the media empire that lost the cultural cold war*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011.
- Television and digital media in the 21st century: New business, economic and technological paradigms / ed. by Z. Vukanovich. *Media Art Service International*, 2009.
- Western broadcast models. Structure, conduct and performance / ed. by L. d’Haenens, F. Sayes. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Wilke J., Heimprecht C., Cohen A. The geography of foreign news on television: a comparative study of 17 countries // *The International Communication Gazette*. 2012. Vol. 74. No. 4. Pp. 301–322. <https://doi.org/10.1177/1748048512439812>

References

- Aituganova, M.L. (2012). Stages of formation of the national satellite TV channel “Tatarstan – Novy Vek” (Kazan, April 2012). Kazan Federal University. (In Russ.)
- Cardiff, D., & Scannell, P. (1987). Broadcasting and national unity. In J. Curran, A. Smith & P. Wingate (Eds.), *Impacts and Influences: Essays on Media Power in the Twentieth Century* (pp. 157–173). London, New York, Methuen: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315024608>
- Cormack, M.J., & Hourigan, N. (2007). *Minority language media: Concepts, critiques and case studies*. Clevedon: Multilingual Matters LTD.
- d’Haenens, L., & Sayes, F. (Eds.) (2007). *Western broadcast models. Structure, conduct and performance*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Dautova, R.V. (2019). *Power and regional mass media: The history of relations. The period of “Khrushchev Thaw” in the republics of the Volga and the Urals*. Kazan: Unicorn Publ. (In Russ.)
- Dolgova, Y.I. (Ed.). (2021). *Television journalism*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Ershov, Yu.M. (2012). *Television of regions in search of development models*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Fatykhova, M.Kh. (2015). Propaganda editorial staff of the Kazan Television Studio as an element of Soviet ideology. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Humanitarian Sciences*, 28(24), 118–121. (In Russ.)
- Iosifidis, P., Steemers, J., & Wheeler, M. (2005). *European television industries*. London: British Film Institute.
- Lester, L., & Hutchins, B. (2011). Soft journalism, politics and environmental risk: An Australian story. *Journalism*, 13(5), 654–667. <https://doi.org/10.1177/1464884911421706>
- Maidurova, O.F. (2011). *Information genres in regional news television programs: Current trends*. St. Petersburg: SPbSU Publ. (In Russ.)
- Mongilyova, N.V. (2015). Research into functioning of the state language in the situation of mass bilingualism of North Kazakhstan using the differential technique. *SAGE Open*. 5(3). <https://doi.org/10.1177/2158244015593120>

- Raboy, M., & David, T. (2005). The trial by fire of the Canadian broadcasting corporation. lessons for public broadcasting. In G.F. Lowe & P. Jauert (Eds.), *Cultural Dilemmas in Public Service Broadcasting* (pp. 251–276). Goteborg: Nordicom.
- Roth-Ey, K. (2011). *Moscow prime time: How the Soviet Union built the media empire that lost the cultural cold war*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Rzhanova, S.A. (2012). The Place of national television programs in the ethno-cultural space of the region. *Humanitarian: Actual Problems of the Humanities and Education*, 18(2), 103–106. (In Russ.)
- Sinclair, J., & Turner, G. (Eds.). (2004). *Contemporary world television*. London: British Film Institute.
- Tikhonova, O.V. (2017). Content analysis of Russian audiovisual media in national languages (on the example of Tatarstan, Bashkortostan and Chuvashia). *Ethnic Journalism: History and Modernity*, (10), 42–47. (In Russ.)
- Volkova, I.I., Proskurnova, E.L., & Tran Thi Thuy Dung. (2021). Prospects of news television: Materials of in-depth interviews. *Nauchnyi Dialog*, (3), 157–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
- Vukanovich, Z. (Ed.) (2009). *Television and digital media in the 21st century: New business, economic and technological paradigms*. Media Art Service International.
- Vyrkovsky, A.V., & Makeenko, M.I. (2014). *Regional television of Russia on the threshold of the digital era*. Moscow: MediaMir Publ. (In Russ.)
- Wilke, J., Heimprecht, C., & Cohen, A. (2012). The geography of foreign news on television: A comparative study of 17 countries. *The International Communication Gazette*, 74(4), 301–322. <https://doi.org/10.1177/1748048512439812>
- Zvik, V.L. (2006). *National identification of TV channels in the era of globalization. Electronic media in the context of new challenges of the time*. St. Petersburg: ITMO University. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Даутова Резида Вагизовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры телепроизводства и цифровых коммуникаций, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский Федеральный университет, Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, д. 18. ORCID: 0000-0003-0125-8727. E-mail: RVagiz@yandex.ru

Тихонова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-3348-4537. E-mail: tihonovao@list.ru

Bio notes:

Rezida V. Dautova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of TV Production and Digital Communications, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, 18 Kremlyovskaya St, Kazan, 420008, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0125-8727. E-mail: RVagiz@yandex.ru

Olga V. Tikhonova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Television and Radio Broadcasting, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3348-4537. E-mail: tihonovao@list.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-333-343
EDN: RMBKTR
UDC 070:654.197

Research article / Научная статья

Russia and Ukraine in the mirror of each other's TV channels

Yulia I. Dolgova

*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*

✉ YIDolgova@gmail.com

Abstract. TV channels of each country usually report international news differently according to the citizen's interests and foreign policy priorities of said country. Thus, foreign policy conflicts can be covered in multiple ways, this fact obviously does not contribute to their resolution. Research focuses on the coverage of the Russian-Ukrainian confrontation by the state-owned channels of these countries in 2014–2016. The samples include all news related to Ukraine on the Russian TV channel (Russia 1) and Russia on the Ukrainian channel (UA First) during seven weeks when the selected key events occurred. Quantitative and qualitative analyses were used. All news items were classified into four categories: political news, military news, economic news, social news. The considerable influence of national interest on media frames were shown. Russian and Ukrainian journalists were similarly interested in each other's events, even if the news of the moment was not directly related to the conflict. Both TV channels covered important global news, however they often selected different events which would be interesting for their national audience or related to their country's foreign policy. The both channels had been gradually losing interest in Russian-Ukrainian crisis up to 2015.

Keywords: Russian television, Ukrainian television, Ukrainian crisis, framing, news agenda, information warfare

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 4, 2023; revised March 3, 2023; accepted March 25, 2023.

For citation: Dolgova, Yu.I. (2023). Russia and Ukraine in the mirror of each other's TV channels. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 333–343. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-333-343>

Россия и Украина во взаимном ТВ-информировании

Ю.И. Долгова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1*

✉ YIDolgova@gmail.com

Аннотация. Национальные телевизионные каналы обычно отбирают и представляют международные новости в соответствии с интересами граждан своих стран и приоритетами внешней политики. В процессе освещения международных конфликтов для зрителей

© Dolgova Yu.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

создаются противоположные реальности, что не способствует разрешению конфликтов. Цель исследования – проанализировать освещение российско-украинского конфликта государственными каналами этих стран в 2014–2016 гг. В эмпирическую базу вошли сюжеты вечерних выпусков телевизионных новостей, связанные с Украиной, на российском телеканале («Россия 1») и материалы, в которых упоминалась Россия, на украинском телеканале (UA First) в течение семи недель, когда произошли выбранные ключевые события. Использовался количественный и качественный анализ. Все новости были разделены на четыре категории: политические, военные, экономические, социальные. Выявлено значительное влияние национальных интересов на освещение актуальных событий в период конфронтации между странами. И российские, и украинские журналисты в значительной степени проявляли интерес к событиям в стране-оппоненте, даже если текущие новости не имели прямого отношения к конфликту. В случае важных мировых событий они освещались обоими телеканалами. Наряду с этим журналисты часто рассказывали о том, что могло быть интересно их национальной аудитории или было обусловлено внешней политикой. Обнаружено, что оба канала постепенно теряют интерес к российско-украинскому кризису к 2015 г.

Ключевые слова: российское телевидение, украинское телевидение, украинский кризис, фрейминг, информационная повестка, информационная война

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 января 2023 г.; отрецензирована 3 марта 2023 г.; принята к публикации 25 марта 2023 г.

Для цитирования: *Dolgova Yu.I. Russia and Ukraine in the mirror of each other's TV channels // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 333–343. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-333-343>*

Introduction

Reconstruction of media reality under conflict of interests

In the era of globalization, objective media coverage of international news is a priority, because it is the media that is the source of news about events that are beyond personal experience (Lippmann, 1991). However, can media reconstruct an objective picture of reality, if reported on international news? Researchers increasingly respond negatively to this question (e.g. Dolgova, 2020; Curran et al., 2017; Nossek, 2004; Thussu, 2019), especially if it concerns covering events from countries in conflict (McQuail, 2010; Aday, 2017).

Especially during military confrontations the media has been used as a “soft power” from the very beginning of time. The end of the 20th century – the early the 21st century is also associated with a large number of international conflicts. One of them, the Ukraine crisis. Even before the acute phase of the confrontation in 2022 many researchers blame only Russia for what happened in Ukraine (Peters, 2018), some consider the conflict occurred as a result of the imbalance of forces between the major powers after the end of the cold war (Sauer, 2017), as well as internal contradictions within Ukraine and many other external and internal factors (Boyd-Barrett, 2017; Pikulicka-Wilczewska, Sakwa, 2015).

Anyway, for Russia, Ukraine is not only the closest neighbor. These are two countries which have a common history, economic and cultural past. Many Russians have relatives and friends in Ukraine, the same goes for Ukrainians. Thus, information about events in neighboring countries can be received not only from

the media, but also via personal contacts. Media is not the only source of information. Consequently, TV couldn't act according a "hegemonic model". The latter means that media provide information based only on the authorities' position that provokes the bias informing and even the misinforming (Zollmann, 2015). However, we want to point out that many studies prove the opposite: the media was used in both Russia and Ukraine as an information weapon during the conflict from the very beginning.

It is also worth noting the uniqueness of the situation under investigation: there was no open military confrontation between Russia and Ukraine in 2014–2016, but relations were significantly deteriorated after series of events. The information warfare was called "hybrid war" (Khaldarova, Pantti, 2016; Pasitselska, 2017).

News selection vs presentation

Contemporary studies on media coverage of military conflicts show that journalists routinely escape their professional standards of work (especially if the conflict concerns the country where they work). The narrative mostly depends on the foreign policy of the country (Tumber, Palmer, 2004; Ravi, 2005, Vukasovich & Dejanovic-Vukasovich, 2016). However, researchers who are following the humanistic paradigm express the hope that it is the media which can help to resolve the conflict (Arno, 2019), and keep on looking for ways "achieve 'better' or 'higher' standards of wartime reporting" (Robinson et al., 2016). Obviously, considering international news coverage as a part of international communication we should believe that information and ideas can be an important factor that stimulates universal mutual understanding and helps to resolve global problems. But we agree that "more often channels of international communication have been used... to promote the economic and political interests of the world's powerful nations" (Cottle, 2006; McChesney, 2008; Thussu, 2019) and not only by the powerful ones.

Thus, the impossibility of complete objectivity even in news content is widely recognized (e.g. Shoemaker, Reese, 1996; Gerbner, 1964). However, it is necessary to distinguish between the gatekeeping process (Shoemaker et al., 2009) or the news selection and their processing and presentation. In the first case, a reporter chooses events that will become news and is mostly guided by professional standards that numerous researchers, starting with Galtung & Ruge (1965), have tried to systematize. Thus, in the case of relevant, large-scale event it would be covered, even if there is a difference in the attitude of journalists. Simultaneously news processing and presentation give more opportunities for interpreting and framing (Entman, 1993; Goffman, 1974). It may be especially important in the course of information warfare.

Currently there is a significant amount of works devoted to the media coverage of the Ukrainian crisis 2014–2016. Most of them are related to the Russian propaganda study (Khaldarova, Pantti, 2016; Peisakhin, Rozenas, 2018). However, the Russian media discourse in the relation to Ukraine was not only negative in this period. Gulenko notes that the Russian socio-political talk shows blamed mostly the Ukrainian government, and sympathized Ukrainian people under these circumstances (2021). In our opinion, in the course of studying the information war, it is necessary to analyze the media of all countries involved. Not many works

do that this way. I should mention the research of Roman, Buniak, Wanta (2017), which studied the eastern Ukraine military conflict coverage in Russian, Ukraine and US newscasts and revealed that all media presented different pictures of reality depending on leading media outlet.

Our research examined the media's picture of reality in dynamics during 2014–2016 that allowed to investigate the change of priorities in media policy. Besides, the combination of qualitative and quantitative analysis helped to analyze the specifics of the news selection and presentation.

Methodology

To investigate the media reality constructed by the Ukrainian and Russian newscasts about each other we combined qualitative and quantitative analysis of state-owned TV channel's newscasts in both countries. For our research we chose Russia 1 and UA First. We are sure that it is necessary to compare only TV channels of the same form of ownership and type of content.

Russia 1 is one of the main state-owned, general interest Russian channels (Dolgova et al., 2021).

UA First is the main Ukrainian state-owned channel, since 2015 labeling as a public channel but nevertheless being a 100% state-owned company.

Our samples include evening news Vesti [News] and Itogi dnya [The day results]. We studied Russian TV channel plots that told about the Ukrainian events, as well as stories about Russia (mentioned Russia) that appeared on the Ukrainian TV channel. A total of 499 plots were investigated.

Our research was conducted during seven weeks of 2014, 2015 and the first half of 2016 when key events occurred. We marked as key events those that were the most important for both countries.

In 2014:

- accession of the Republic of Crimea to the Russian Federation;
- the start of the anti-terrorist operation in eastern Ukraine;
- the crash of the Malaysian airliner in eastern Ukraine.

In 2015:

- extension of sanctions against Russia;
- a food blockade of Crimea.

In 2016:

- results of the formal investigation into the Malaysian plane crash near Donetsk.

We analyzed evening news during the whole week when the key event happened. We used the quantitative content-analysis and qualitative analysis, which allowed us to compare the news selection and their presentation on state-owned TV channels during Russian-Ukrainian conflict in 2014–2016. All stories were thematically classified into the following categories: “political news”, “economic news”, “military news”, “social news”. The priority of a particular theme was analyzed.

We formulated the following hypotheses:

H.1. Key news were usually related to both countries, so both channel agendas would be quite similar. Guided by the general professional standards journalists would choose similar events to cover.

H.2. There were differences in the agenda when not really important, global events occurred.

Results and discussion

Classifying plots into categories, we found a similar number of news in each division for both countries (Table 1, 2).

Table 1

Accession of the Republic of Crimea to Russian Federation, 2014

Date	Type of news							
	Political		Military		Economic		Social	
	R	UA	R	UA	R	UA	R	UA
17.03	5	8	2	2	1	1	1	0
18.03	5	7	0	1	1	0	3	0
19.03	4	9	3	2	2	0	0	0
20.03	8	10	0	0	2	1	0	0
21.03	8	5	1	1	1	0	0	0

As a rule, in case of the most significant, global, valuable for both countries and the world community events, Russian and Ukrainian channels told about them as news. The selected key events were widely covered by both newscasts. For example, in the week from 17 to 21 March 2014 the accession (annexation) of the Republic of Crimea to the Russian Federation was the key event for Ukrainian and Russian newscasts. Ukrainian journalists reported on the referendum and pondered about the future of the Peninsula as well. The Russian ones also covered disorder in Ukrainian cities and the comments of Ukrainian politicians about the Crimea.

Seven plots of Russian TV were related with sanction against Russian politics and businessmen in connection with the annexation of Crimea. Ukrainian television had only two plots about this news. During this time stories classified as “military” were devoted to skirmishes between the Russian and Ukrainian military in the Crimea. Russian TV also reported illegal actions of the Ukrainian military in Ukrainian cities and the Ukrainian TV covered the National Guard’s recruitment. Significant social news on Russian television in this period was the celebration of the accession of the Republic of Crimea to the Russian Federation.

Table 2

The start of the anti-terrorist operation in eastern Ukraine, 2014

Date	Type of news							
	Political		Military		Economic		Social	
	R	UA	R	UA	R	UA	R	UA
14.04	6	6	5	6	0	1	0	0
15.04	4	5	10	7	0	1	0	0
16.04	4	5	7	7	0	0	1	0
17.04	4	5	2	7	3	0	1	1
18.04	5	5	4	4	0	0	0	0

Since the beginning of the anti-terrorist operation in eastern Ukraine political plots had been replaced by military stories from eastern Ukraine (Table 2). Nevertheless, during the analyzed week, 23 political stories were aired by Russian newscasts and 31 by Ukrainian ones. All of them related to the Ukraine authorities’

decisions about protests in eastern Ukraine as well as the negotiation about the eastern Ukrainian conflict in Geneva. Both TV channels covered military news from eastern Ukraine: protests and skirmishes with the Ukrainian National Guard.

At the same time, we found a significant amount of differences in the TV channels news agenda. For example, Russian journalists also told about the Ukrainian's law prohibiting Russian men aged 16 to 60 from entering the country. Besides, in this time Russian television was more concerned about the problem of the gas contract between Russia and Ukraine during this period (three plots). While the Ukrainian television was more worried about the fall of the Russian ruble and places for summer recreation (alternatives to Crimea).

Journalists were interested in different events covering social topics. For example, Russian TV channel reported the celebration of 70th anniversary of the liberation from Nazi Germany in Yalta and the Nazis in today's Ukraine. Ukrainian TV, in turn, told about flashmobs against Russian goods and gasoline.

Both Russian and Ukrainian TV channels were paying significant attention this week to military news: the fighting in the South-East of Ukraine and the crash of the Malaysian plane (Table 3). It is also important to note that the number of these types of plots had increased on Russian television on the day of the disaster. On Ukrainian TV their amount was about the same throughout the week.

Table 3

The crash of the Malaysian airliner in eastern Ukraine, 2014

Date	Type of news							
	Political		Military		Economic		Social	
	R	UA	R	UA	R	UA	R	UA
14.07	5	0	6	10	0	0	0	1
15.07	2	2	5	7	0	0	0	3
16.07	4	1	4	11	0	0	1	1
17.07	3	0	11	13	2	1	0	0
18.07	6	1	10	10	0	0	0	0

The issues of refugees' resettlement from the Donbass in Russia, the BRICs and EU summits and the UN Security Council meeting, politicians' comments on the main news were important on the Russian TV political agenda. Ukrainian television also touched EU summit and the UN Security Council and covered the difficulties for crimeans with the return of bank deposits.

The two economic newscasts on the Russian channel were related to sanctions (Ukrainian TV had one such story). In this week our sample got a plot about the great interest of Russian viewers to the news from Ukraine. Apparently, Ukrainians were also interested in news from Russia. The accident in the Moscow metro occupied a significant place on the Ukrainian TV social agenda.

During 2015–2016 we found less TV stories about each other on Russian and Ukrainian TV (Tables 4–7). Besides, since the start of the anti-terrorist operation military themes occupied a significant place in television news, especially on Ukrainian TV. During this period both newscasts covered ceasefire violations and problems on the Luhansk and Donetsk borders. Ukrainian journalists also told about the National Guard's mobilization and eastern Ukrainian refugees' problems.

Table 4

Extension of sanctions against Russia, 2015

Date	Type of news							
	Political		Military		Economic		Social	
	R	UA	R	UA	R	UA	R	UA
22.06	5	0	4	5	3	1	1	0
23.06	4	2	4	5	1	0	0	0
24.06	2	1	2	5	1	2	0	0
25.06	3	3	2	3	1	0	0	0
26.06	0	0	3	3	1	0	0	0

Both channels’ political plots covered the meeting of foreign Ministers of Normandy Four country. Russian journalists reported the session of the Russian Public chamber (discussing Crimea’s problems), Russia and Greece relationship. Ukrainians mentioned UN General Assembly meeting. Economic plots covered sanctions against Russia and anti-sanctions. Ukrainian journalists informed the cancellation of discounts on Russian gas. Russian TV also told about the concert of a famous pianist in Donetsk.

During this period, we started to mark the difference in the events to be chosen to be covered (Table 5).

Table 5

A food blockade of the Crimea, 2015

Date	Type of news							
	Political		Military		Economic		Social	
	R	UA	R	UA	R	UA	R	UA
21.09	4	2	0	3	0	0	0	0
22.09	4	4	1	3	1	0	0	0
23.09	1	2	2	2	0	0	0	0
24.09	0	0	0	4	1	0	0	0
25.09	3	3	1	3	1	3	0	0

For Russian journalists Ukrainian news was mostly political news. Ukrainian ones mentioned Russia covering military conflict in the eastern part of the country.

Nevertheless, we have found some events which were interesting as news for both channels. Russian and Ukrainian newscasts covered the food blockade of the Crimea, the prohibition on flights of Russian airlines to and through Ukraine, the trial of Maria Savchenko, negotiations on Russian gas supplies to Ukraine.

Russian TV reported DPR and LPR election (political news) and the Ukrainian decision to stop paying the Ukrainian debt (economic news). In turn, Ukrainian news told about renaming streets with Communist names (political news) and the consequences of the Crimean blockade (economic news).

The geography of military plots was quite wide: Russian TV covered riots in Kharkov, the takeover of the Orthodox Church near Ternopol by the Ukrainian National Guard and the Ukrainian nationalist political party “Pravyi Sektor” (“Right sector”) and the NTV journalist in captivity of the “Pravyi Sektor”.

Ukrainian TV mostly told about ceasefire and Donbass' reconstruction, the national guard' soldiers' demands for pensions and salaries, riots in Kiev by battalion "Azov".

During this period both TV channels informed about closing the airspace of Ukraine for Russia, the Russian and Dutch versions of the Malaysian plane crash. Russian newscasts also told about the destruction of the exhibition "People of the Maidan" in Riga, the March of Ukrainian nationalists on the Kiev's streets on the UPA's birthday, new facts of the shooting of "Nebesnaya sotnya" ("Celestial Hundred"). In turn, Ukrainian journalists reported Ukraine's accession to the UN Security Council, continuation of electricity supplies to the occupied Crimea.

As "military" were classified Russian news about search operations of a Ukrainian soldier on the territory of the LPR and DPR, the withdrawal of heavy weapons in LPR. Ukrainian TV told about ceasefire violations in Donbass, civilian mines casualties, the memorial in memory of ATO soldiers, benefits to the ATO soldiers and the resumption of social security payments in the Donbass.

Table 6

Results of the formal investigation into the Malaysian plane crash near Donetsk, 2015

Date	Type of news							
	Political		Military		Economic		Social	
	R	UA	R	UA	R	UA	R	UA
12.10	1	2	0	2	0	0	0	0
13.10	3	4	0	2	0	0	0	0
14.10	2	0	1	4	0	0	0	0
15.10	2	1	1	2	0	0	0	0
16.10	2	2	0	1	0	0	0	0

Table 7

EU-Ukraine Deep and Comprehensive Free Trade Area, 2016

Date	Type of news							
	Political		Military		Economic		Social	
	R	UA	R	UA	R	UA	R	UA
01.01	3	2	1	1	0	0	0	0
02.01	2	1	1	1	1	0	0	0
03.01	2	1	0	2	0	0	0	0
04.01	4	1	0	1	0	1	0	0
05.01	2	2	0	1	0	0	0	0

The last key event occurred during the holidays, when, as a rule, there are few events important enough. Both channels covered the establishing EU-Ukraine Deep and Comprehensive Free Trade Area and import duty on Russian goods. Newscasts also told about problems of the Crimea with electricity, DPR and LPR's ceasefire violations on holidays. Russian journalists reported the Russian gas price decrease for Ukraine, Ukraine stopping water supply to the Luhansk region, economic outcomes for Europe from sanctions against Russia.

Conclusion

During the crisis 2014–2016 a lot of Ukrainian international news was related just to Russia and Russian newscasts told much about Ukraine as well. This is largely due to the fact that the conflict that had occurred strongly affected both countries, which in the past were closely interconnected with each other. The both channels had been gradually losing interest in Russian-Ukrainian crisis up to 2015 after the Minsk agreements. The conflict was frozen, but not resolved.

During the period under investigation, political news was the most popular in Russian state-owned media. However, we can say that the both TV channels focused equal attention on this type of stories in 2014. Nevertheless, further the number of political plots on Ukrainian television has decreased. Moreover, military stories were in priority in Ukrainian media agenda during two first years of the conflict in Ukraine. In 2016 political and military plots had similar value.

The analysis showed that journalists covered the same events, especially when they were really significant, key events, widely covered on international media. Nevertheless, there were differences in the agenda when not really important global events occurred. In these cases, news' selection was related to the country's foreign policy and the channel's information policy. Both journalists were interested in the events of their neighbors, which can be unimportant for national audience, but related to the channels information policy. As an example, we can mention news about the Russian ruble's fall on Ukraine TV. In some cases, the difference in the news agenda can be explained by the audience's interest as well. The maximum polarization of the topics was observed at the end of the summer of 2014.

The conflicting relationship between the countries is one of the serious challenges for the media: the rejection of biased coverage means the loss of the information war. Therefore, no one does this, and does not fail. That is why the further study of conflict coverage in the humanistic paradigm, within which it would be possible to develop common rules for all media, seems very promising.

References

- Aday, S. (2017). The US media, foreign policy, and public support for War. In K. Kenski & K.H. Jamieson (Eds.), *The Oxford Handbook of Political Communication* (pp. 315–322). Oxford: Oxford University Press.
- Arno, A. (2019). Communication, conflict, and storylines: The news media as actors in a cultural context. In A. Arno & W. Dissanayake (Eds.), *The News Media in National and International Conflict* (pp. 4–17). New York, Oxon: Routledge.
- Boyd-Barrett, O. (2017). Ukraine, mainstream media and conflict propaganda. *Journalism Studies*, 18(8), 1016–1034. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2015.1099461>
- Cottle, S. (2006) *Mediatized conflict: Developments in media and conflict studies*. New York: Open University Press.
- Curran, J., Frank E., Hallin, D.C., Hayashi, K., & Lee, C.C. (2017). International news and global integration: A five nation reappraisal. *Journalism Studies*, 18(2), 118–134. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2015.1050056>
- Dolgorova, Y.I. (2020). “The Western World” s image in current affairs programmes on Russian television. *Intercultural Communication Studies*, 29(1), 75–87.

- Dolgova, Y.I., Peripechina, G.V., & Tikhonova, O.V. (2021). Programming of time slots of the Big Three TV channels: Weekday broadcast. *Tomsk State University Journal of Philology*, 69, 321–339. <https://doi.org/10.17223/19986645/69/16>
- Entman, R.M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 52–57. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Galtung, J., & Ruge, M.H. (1965). The structure of foreign news: The presentation of the Congo, Cuba and Cyprus crises in four Norwegian newspapers. *Journal of Peace Research*, 2(1), 64–90.
- Gerbner, G. (1964). Ideological perspective and political tendencies in news reporting. *Journalism Quarterly*, 41, 495–508.
- Goffman, E. (1974). *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. New York: Harper and Row.
- Gulenko, P. (2021). Political discussion as a propaganda spectacle: Propaganda talk shows on contemporary Russian television. *Media, Culture and Society*, 43(5), 906–924. <https://doi.org/10.1177/0163443720974230>
- Khaldarova, I., & Pantti, M. (2016). Fake news. The narrative battle over the Ukrainian conflict. *Journalism Practice*, 10(7), 891–901. <https://doi.org/10.1080/17512786.2016.1163237>
- Lippmann, W. (1991). *Public opinion*. New Jersey: Transaction Publishers.
- McChesney, R.W. (2008). *The political economy of media: Enduring issues, emerging dilemmas*. New York: Monthly Review Press.
- McQuail, D. (2010). *McQuail's mass communication theory*. London: Sage.
- Nossek, H. (2004). Our news and their news: The role of national identity in the coverage of foreign news. *Journalism*, 5(3), 343–368. <https://doi.org/10.1177/1464884904044941>
- Pasitselska, O. (2017). Ukrainian crisis through the lens of Russian media: Construction of ideological discourse. *Discourse & Communication*, 11(6), 591–609. <https://doi.org/10.1177/1750481317714127>
- Peisakhin, L., & Rozenas, A. (2018). Electoral effects of biased media: Russian television in Ukraine. *American Journal of Political Science*, 62(3), 535–550. <https://doi.org/10.1111/ajps.12355>
- Peters, M.A. (2018). The information wars, fake news and the end of globalization. *Educational Philosophy and Theory*, 50(13), 1161–1164. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1417200>
- Pikulicka-Wilczewska, A., & Sakwa, R. (Eds.) (2015). *Ukraine and Russia: People, politics, propaganda and perspectives*. Bristol: E-International Relations.
- Ravi, N. (2005). Looking beyond flawed journalism: How national interests, patriotism, and cultural values shaped the coverage of the Iraq war. *Harvard International Journal of Press/Politics*, 10(1), 45–62. <https://doi.org/10.1177/1081180X05275765>
- Robinson, P., Goddard, P., Parry, K., Murray, C., & Taylor, P.M. (2016). *Pockets of resistance. British news media, war and theory in the 2003 invasion of Iraq*. Manchester: Manchester University Press.
- Roman, N., Buniak, I., & Wanta, W. (2017). Information wars: Eastern Ukraine military conflict coverage in the Russian, Ukrainian and U.S. newscasts. *International Communication Gazette*, 79(4), 357–378. <https://doi.org/10.1177/1748048516682138>
- Sauer, T. (2017). The origins of the Ukraine crisis and the need for collective security between Russia and the West. *Global Policy*, 8(1), 82–91. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12374>
- Shoemaker, P.J., & Reese, S.D. (1996). *Mediating the message: Theories of influences on mass media content*. White Plains, New York: Longman.
- Shoemaker, P.J., Vos, T.P., & Reese, S.D. (2009). Journalists as gatekeepers. In K.W. Jorgensen & T. Hanitzsch (Eds.), *The Handbook of Journalism Studies* (pp. 73–87). New York: Routledge.
- Thussu, D.K. (2019). *International communication: Continuity and change*. London, New York: Arnold.
- Tumber, H., & Palmer, J. (2004). *Media at war: The Iraq crisis*. London: Sage.

- Vukasovich, C., & Dejanovic-Vukasovich, T. (2016). Humanitarian intervention', a predictable narrative? A comparative analysis of media narratives from Serbia to Syria. *Global Media and Communication*, 12(3), 311–331. <https://doi.org/10.1177/1742766516653163>
- Zollmann, F. (2015). Bad news from Fallujah. *Media, War and Conflict*, 8(3), 289–311. <https://doi.org/10.1177/1750635215585612>

Bio note:

Yulia I. Dolgova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Television and Radio Department, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8861-0521. E-mail: YIDolgova@gmail.com

Сведения об авторе:

Долгова Юлия Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры телевидения и радиовещания, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0001-8861-0521. E-mail: YIDolgova@gmail.com

НОВЫЕ МЕДИА

NEW MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-344-354
EDN: QWQPSG
UDC 303.01:070

Research article / Научная статья

Classical theories of media systems: relevance for the contemporary research

Tamara S. Yakova¹, Irina I. Volkova²

¹*Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation*

²*RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 t-yakova@mail.ru

Abstract. The results of a comparative analysis of classifications of media systems developed by foreign researchers in the 20th–21st centuries are presented. Particular attention is paid to the criteria, determinants and comparison parameters that were used in different classifications to identify common characteristics of media systems in different countries. The empirical base of the study includes both popular and little-known authors in the Russian scientific literature, but widely cited in foreign studies, who have formed original classification structures. The basis for the choice of concepts and classifications were the results of the analysis of research and educational programs of Russian and foreign universities, the historical sequence of scientific papers, logical connection with predecessors and followers, contribution to the scientific literature on the theory of journalism and high citation in modern media studies. The main criterion for the selection of the most popular classifications became a citation analysis of foreign researchers' scientific publications on this topic in the scientometric system Google Scholar that accumulates scientific works from different countries, as well as statistics of Yandex. It is concluded that the main characteristics of media systems, as well as the criteria and parameters used in the most famous classifications (the second half of the 20th – beginning of the 21st century), remain relevant and can be adapted to the analysis of the modern media sphere.

Keywords: media research, media models, journalism education, media geography, mass media theories, scientometrics

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 16, 2023; revised February 20, 2023; accepted March 5, 2023.

For citation: Yakova, T.S., Volkova I.I. (2023). Classical theories of media systems: Relevance for the contemporary research. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 344–354. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-344-354>

© Yakova T.S., Volkova I.I., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Классические теории медиасистем: актуальность для современных исследований

Т.С. Якова¹, И.И. Волкова²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 t-yakova@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа классификаций медиасистем, разработанные зарубежными исследователями в XX–XXI вв. Особое внимание уделяется критериям, детерминантам и параметрам сравнения, которые применялись в разных классификациях для выявления общих характеристик медиасистем разных стран. В эмпирическую базу исследования включены как популярные, так и малоизвестные в российской научной литературе, но широко цитируемые в зарубежных исследованиях авторы, сформировавшие оригинальные классификационные структуры. Основанием для выбора концепций и классификаций стали результаты мониторинга научно-исследовательских и образовательных программ российских и зарубежных университетов, историческая последовательность научных работ, логическая связь с предшественниками и последователями, вклад в научную литературу по теории журналистики и высокая цитируемость в современных медиаисследованиях. Основным критерием для отбора наиболее популярных классификаций был анализ цитирования научных публикаций зарубежных исследователей по данной теме в наукометрической системе Google Scholar, аккумулирующей научные работы разных стран мира, а также статистика сервиса Яндекс. Сделан вывод, что основные характеристики медиасистем, а также критерии и параметры, применявшиеся в наиболее известных классификациях (второй половины XX – начала XXI в.), сохраняют свою актуальность и могут быть адаптированы к изучению современной медиасферы.

Ключевые слова: медиаисследования, модели СМИ, журналистское образование, медиагеография, теории массмедиа, наукометрия

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 января 2023 г.; отрецензирована 20 февраля 2023 г.; принята к публикации 5 марта 2023 г.

Для цитирования: Yakova T.S., Volkova I.I. Classical theories of media systems: relevance for the contemporary research // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 344–354. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-344-354>

Introduction

In the second half of the 20th – early 21st centuries, Russian and foreign media researchers paid close attention to the study of models of media systems in different countries of the world. A number of classifications have been recognized by the world scientific community and have become guidelines for understanding historical and modern processes in the development of media systems. Works by F. Siebert, W. Schramm, T. Peterson (1956), D. Blumler and M. Gure-

vitch (1981), D. Curran and D. Seaton (1981), D. McQuail (1983), D. Hallin and P. Mancini (2004), K. Nordenstreng (2006) have formed the theoretical basis of scientific research in this area and have become an integral part of the educational programs of many universities and journalism schools. The works of J. Galtung (1999), N. Couldry, A. McCarthy (2004), T. Flew (2007) are referenced by both Russian and foreign media researchers, the classification of media systems by R. Blum (2014) is known in European scientific circles. Today, the evidence of the demand for classical works among the scientific community is the high level of their citation (according to scientometric databases Scopus, Web of Science, RSCI, Google Academy (Google Scholar), etc.) and the application of their methodologies to the analysis of modern media models and media systems. The purpose of the study, the results of which are presented for discussion in this article, was the desire to analyze the conceptual approaches of foreign and Russian scientists to the classifications of media systems and to identify which of them (primarily in terms of methodological foundations of analysis) remain relevant today and are used in the practice of modern media research.

Discussion

Methodology and stages of the study

At the first stage, the analysis of research and educational programs of faculties and schools of journalism of Russian and foreign universities in disciplines focused on the study of the theory of journalism was carried out¹. The results of the analysis made it possible to compile a list of scientific papers on the theory of journalism, the topics of which are related to the concepts and classifications of media systems. At the second stage, 50 of the most frequently mentioned authors and publications were tested in the Yandex Wordstat and Google Trends search engines, the dynamics of Internet audience requests (media geographic studies) was analyzed.² Here are some examples of publications that topped the ranking based on the results of the analysis of research and universities' educational programs: "Four Theories of the Press" by F. Siebert, W. Schramm and T. Peterson, "Theory of Mass Communication" by D. McQuail, "Comparing media systems. Three Models of Media and Politics" by D. Hallin and P. Mancini.

¹ The research and educational programs of 20 higher educational institutions were analyzed, including: Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Russia; School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, Russia; Graduate School of Journalism and Media Communication, Kazan Federal University, Russia; Faculty of Philology and Journalism, Samara University, Russia; School of International Journalism of MGIMO University, Russia; Medill School of Journalism, Media, Integrated Marketing Communications, Northwestern University, USA; Department of Communication, Johannes Gutenberg University Mainz, Germany; University of Sheffield, UK; Cologne School of Journalism, Germany; Danish School of Media and Journalism, Denmark; Faculty of Political Science and Communication Sciences, University of Zagreb, Croatia.

² Media geographical research is based on the analysis of big data in the space-time coordinate system (see: Yakova, Yanglieva, 2019.)

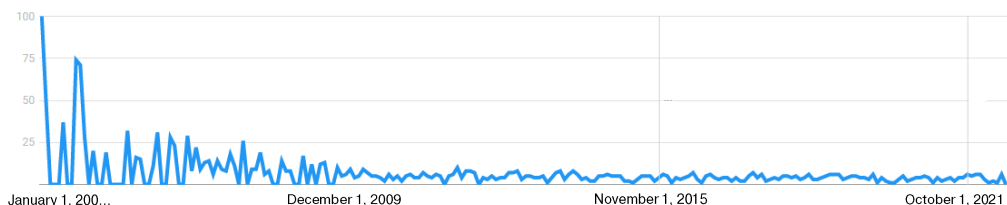

Figure 1. The dynamics of queries for the tag “Book – Four theories of the press”, Google Trends, period 2004–2022, number of queries

The dynamics of requests in Figure 1 indicates that the interest of users in this topic (the book “Four Theories of the Press”) remains, but has decreased significantly over the past 15 years. The largest number of queries on the topic is in Africa and Asia (Zambia, Nigeria, Ghana, Philippines, Indonesia, Kenya, Pakistan, India), as well as in the USA and the Netherlands.

Figure 2. The dynamics of queries for the tag “McQuail's theory of mass communication”, Google Trends, period 2004–2022, number of queries

The greatest interest in D. McQuail's work “Theory of Mass Communication” was shown by Internet users in Indonesia, Poland, India, the USA, and the Philippines. The decline in the number of requests has been observed over the past decade.

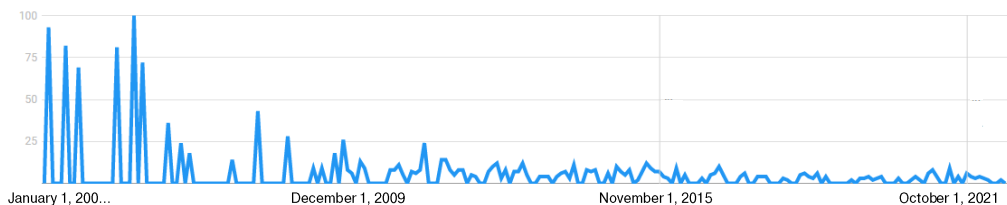

Figure 3. The dynamics of queries for the tag “Book – three models of media and politics”, Google Trends, period 2004–2022, number of queries

The dynamics of inquiries based on the book by D. Hallin and P. Mancini “Three Models of Media and Politics”³ indicates a high level of interest in the study in the first years after its publication (2004) and a gradual decline in the subse-

³ Full name of the book “Comparing media systems. Three models of media and politics”.

quent period. Today, the greatest interest in this topic is shown in Nigeria, Australia, South Africa, Germany, Great Britain, USA, Poland (most likely, this is due to the inclusion of the works of these authors in university programs). The analysis of research papers at universities in Germany, the USA, the UK and other countries partially confirmed these data.

The analysis of query statistics in the Yandex search engine (Table 1) for the same publications revealed the continuing interest of Russian Internet users (it is possible to assume that the majority of this audience are university students and teachers).

Table 1

Statistics of requests in the Yandex system (period 25.01.2023 – 25.02.2023)⁴

No.	Request name	Number of requests per month
1	Four Theories of the Press + Siebert, Schramm, Peterson	98
2	Denis McQuail + Journalism and Society + Theory of Mass Communication	505
3	Hallin + Mancini	25

Source: compiled by the authors.

The Russian Internet audience is most often interested in the works of D. McQuail (505 requests per month), in second place – F. Siebert, W. Schramm and T. Peterson (98), in the third place – D. Hallin and P. Mancini (25).

The next stage of the study was the statistics' analysis of the aggregator of scientific information Google Scholar. This search engine, focused only on scientific publications indexed in scientometric databases (Web of Science, Scopus, etc.), accumulates scientific works from peer-reviewed sources in different languages. Of the 50 authors tested, 10 of the most frequently mentioned names of researchers and the most cited publications were selected (Tables 2 and 3).

The total number of mentions of authors' names (Table 2) is given by the Google Scholar search engine marked “approximately” (the results are rounded). At this stage of the study, the data obtained were compared with the citation ratings of publications of each author from the above list.

Table 3 shows the results of citation of individual publications: in the first place (by number) is the book by D. Hallin and P. Mancini “Comparing Mmedia Systems. Three Models of Media and Politics” (9396 times); on the second – “Theory of Mass Communication” by D. McQuail (7539), on the third – “Four Theories of the Press” by F. Siebert, W. Schramm and T. Peterson (4173). The table shows one of the most cited publications of each author. Some of them have a large number of publications with a fairly high average citation level, for example, K. Nordenstreng (about 50 publications with an average citation rate of 20–50 times) and J. Galtung (about 100 works with an average citation rate of 80–130 times).

⁴ Data compiled by the authors based on the results of queries by Internet users on Yandex: <https://wordstat.yandex.ru>

Table 2

**Frequency of occurrence of names of foreign researchers in scientific publications
(Google Scholar, accessed 15.02.2023)**

No.	Name and surname of the researcher (request)	Number of results on request (all publications)	Number of results on request (review articles)
1	F. Siebert, T. Peterson, W. Schramm	5410	256
2	McQuail, Denis	21 900	170
3	Galtung, Johan	46 000	561
	Galtung – journalism ⁵	21 000	310
4	K. Nordenstreng	7820	134
	Kaarle Nordenstreng – journalism	4020	52
5	Hallin D., Mancini P.	13 800	311
6	Blumler J., Gurevitch M.	15 600	298
7	Blum Roger – journalism	10 400	79
8	Terry Flew – journalism	20 800	107
9	Curran J., Seaton J.	3510	287
10	Christians C.G.	53 000	134

Source: compiled by the authors.

Table 3

**Results of citations of scientific publications of foreign researchers
(Google Scholar, accessed 15.02.2023)**

No.	Surname of the researcher, title of the publication	Number of citations
1	Siebert F., Schramm W., Peterson T. "Four Theories of the Press"	4173
2	McQuail, D. "Mass Communication Theory"	7539
3	Galtung J. "Peace Journalism"	237
4	Nordenstreng K. "Discipline or Field? Soul-Searching in Communication Research"	103
5	Hallin D., Mancini P. "Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics"	9396
6	Blumler J., Gurevitch M. "The Crisis of Public Communication"	2190
7	Blum R. "Lautsprecher und Widersprecher: Ein Ansatz zum Vergleich der Mediensysteme"	74
8	Flew T. "The Creative Industries: Culture and Policy"	698
9	Curran J., Seaton J. "Power Without Responsibility"	2369
10	Christians C., Glasser T., McQuail D., Nordenstreng K., White R. "Normative Theories of the Media: Journalism in Democratic Societies"	1491

Source: compiled by the authors.

**Classifications of media systems:
comparative analysis of the main characteristics**

The citation rating in Google Scholar became the basis for compiling a ranked list of publications and a comparative analysis of conceptual approaches to classifying media systems by their main characteristics (criteria, parameters, determinants). The works were considered taking into account the historical sequence of their publication and meaningful connections with their predecessors.

The first thorough work summarizing the historical experience of the formation and development of media systems in Europe and America was the book

⁵ In keyword queries, the word "journalism" was added to some common surnames of researchers in order to exclude namesake authors from other areas of scientific topics and increase the level of reliability of the results.

by F. Siebert, W. Schramm and T. Peterson “Four Theories of the Press” (1956)⁶. The paper describes four main concepts of mass media, which received their historical development by the middle of the 20th century. These concepts can be considered as the basis for the classification of media models, the main determinants in the research of which were society, the state and the individual. The classification is based on the main characteristics inherent in the practice of media functioning in different countries: ownership relations in the media sphere, forms and types of media control, audience characteristics, rights and capabilities of information bodies. Additions and comments to the “Four Theories of the Press” was proposed by the British scientist D. McQuail (1983), who noted that no theory of the press is “pure” in the classical view, but most often includes various elements (signs) from different concepts. For example, he clarifies that the libertarian model described by F. Siebert, W. Schramm and T. Peterson is utopian and does not exist in its purest form, since there is no ideal market economy and complete absence of state intervention in the market. D. McQuail believes that at the turn of the 20th–21st centuries four classical theories cannot cover various media systems of the countries of the world due to objective factors caused by the course of historical development, and offers two more: the theory of media development and the theory of democratic participation (or participatory). Russian media researchers in their works also refer to the book by F. Siebert, W. Schramm, etc. Peterson as a basic classification: “Despite certain shortcomings, the ‘four theories’ are still used to classify national media systems, although in fact media systems are often based on alternative and even incompatible philosophical principles. Therefore, the emergence of new theories is quite justified” (Bakulev, 2005).

British researchers D. Blumler and M. Gurevich in their book “The Crisis of Political Communication” proposed their determinants of the analysis of media systems: the degree of state control over media markets; the degree of politicization/engagement of the media; the degree of integration of media and political elites; social legitimacy of the nature and functions of media organizations (1995). Media researchers analysing media systems have variously looked at media relations with markets, capital, business institutions in terms of political economy (Murdock, Golding, 1973), relations with parties and political organisations (Seymour-Ure, 1974).

At the end of the twentieth century, Norwegian scientist Johan Galtung published a paper in which he presented his approach to the study of media systems (Galtung, 1999). In foreign and Russian scientific literature, a scheme called the “J. Galtung Triangle” is widely known. In this model, an important importance is attached to the role of the media in the processes of interaction with the state, civil society and business: the positions of the media in the triangle can change: from proximity to the state to proximity to capital and business. The strongest position of the media can be in the case of equidistance (respectively, independence) from all the above institutions. J. Galtung's theoretical approaches to the analysis of the role of the media in society were developed in his writings by Finnish media researcher Kaarle Nordenstreng (2006). In its “triangle”, the media interact with the state (and related institutions), the market (with

⁶ The book was published in Russian in 1998.

its economic, commercial, financial and other structures) and civil society (including citizens and public organizations in interaction outside the aforementioned spheres).

British scientists relying on the classifications of previous generations of researchers, drew attention to the role of national factors in the formation of media models, such as national traditions, public attitudes, values and perceptions (Curran, Seaton, 1981, 2018). They investigated the features of media models formed under the influence of humanitarian factors (the history of the formation of the state, the geopolitical situation, the traditions of the country, their impact on society and its institutions, religious characteristics, multilingualism, the influence of cultures of neighboring states, etc.). This approach was also used in their research by other scientists whose works were published later.

At the beginning of the 21st century, the results of a comparative analysis of national models of media systems were presented by media researchers D. Hallin and P. Mancini in the book “Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics” (2004). They expanded the boundaries and scope of the analysis of media systems and proposed a comparison structure that includes four main aspects: 1) the development of media markets, with special attention to the strong or weak development of the mass circulation press; 2) political parallelism (the nature, degree and nature of relations between the media and political parties); 3) the development of journalistic professionalism (the level of development of journalism as a profession); 4) the degree and nature of state interference in the media system. The objects of their research were the media systems of the countries of Western Europe and North America in the historical, political and social context of their development. Hallin and Mancini based their work on earlier research in this area, improved and supplemented the criteria and parameters of comparison, taking into account new factors and realities of the development of media systems. The book by Hallin and Mancini became an important stage in the research of media systems both as a subject for discussion and criticism, and as a platform for the subsequent development of research in this area: after its publication, the foreign scientific literature was replenished with a number of works demonstrating various theoretical approaches to the analysis of modern media systems, and to varying degrees taking into account Hallin's experience and Mancini.

The classification of the Swiss media researcher Roger Blum is the least known in the Russian scientific literature (in recent years he has been working in Germany). His differential pragmatic approach to the study of media system models (Blum, 2014) is widely cited in foreign scientific literature. Having analyzed theoretical works in the field of media systems research for half a century, Blum developed 11 comparison criteria: the political system, the historical development and political culture of the country, media freedom, state control, ownership and financing of the media, political parallelism and media orientation, as well as media culture and professionalism. This approach is characterized by several basic theses: media systems are determined by political systems, the degree of social modernization (the process of democratization and literacy) and political culture; political systems are more important as determinants than economic systems; the more media systems are disconnected from politics, the more professional and critical they are. The empirical base of R. Blum's research includes 23 countries in Europe, North and South America, Australia, New Zealand, Asia,

Africa, and the Middle East. The result of the analysis was a classification in which 6 main and several intermediate models were identified, combining characteristics of several types. The work of R. Blum covers a broader empirical base and a range of criteria than the previous ones, but the approach proposed by the Swiss scientist to classify media systems is unable to take into account the dynamics of the development of modern media markets, digital technologies and innovations in the media sphere and requires further development.

Modern approaches to classifications of media systems

It is possible to continue the review of approaches to the classifications of media systems with a number of collective works that overlap with each other to one degree or another and develop the ideas of their predecessors. For example, let's highlight one of them. Clifford Christians, Theodore Glasser, Denis McQuail, Kaarle Nordenstreng and Robert White (2009) published a study in which democratic views on freedom of speech became a basic component in approaches to the analysis of media systems. The classification presented in this book develops and complements the already well-known four theories of the press by F. Sibert, W. Schramm, and T. Peterson and their corresponding classifications of media systems. In the 2000–2010s, a number of works devoted to the research of national media systems in the conditions of glocalization (interaction of global and local trends) appeared in foreign scientific literature. Among them are the works of N. Couldry and A. McCarthy (2004): their approach involves the study of the global and local in their relationship. D. Folkheimer and A. Jansson (2006) proposed an epistemological model of media research at three levels: regional, institutional and global, which examines the processes of convergence of the public and private spheres, global and local. T. Flew (2007, 2018) and S. Waisbord (2013) focused on the national specifics of media institutions and the role of media systems in the nation state in the context of globalization.

Modern approaches of Russian scientists to the research of media systems are based on the systematic study of structural components in their interrelations, taking into account the national context, historical traditions and socio-cultural characteristics of the nation. As noted by E.L. Vartanova, “modern media systems, becoming an increasingly complex technological and industrial phenomenon, increasingly integrating the consequences of global digital transformation, still remain an important national institution, preserving, and even possibly strengthening ties with the nation, the nation state, the country” (Vartanova, 2018, p. 11).

The approach of Russian researchers considering modern media systems in their continuous development under the influence of socio-social factors deserves attention: “It can be stated that media studies are experiencing their own ‘identity crisis’ today. This crisis can be described as the inability of journalistic science to respond to changes with adequate efficiency, to grasp their kaleidoscopic picture. Today, trends existing within the media systems of the world are being transformed faster than the ability of researchers to identify and fix them” (Nikolaichuk et al., 2016, p. 15).

Conclusion

Based on the conceptual approaches of foreign and Russian scientists to the classifications of media systems and taking into account the realities of the development of the modern world, it can be noted that many of the parameters

and criteria used in the above classifications remain relevant. National media systems are integrated into the economic, political and social systems of states and develop in close relationship with all spheres of society. Media systems change depending on the processes in the system-forming spheres and, in turn, influence them. Political and economic factors that determine the essence and nature of media systems remain in the foreground. Social factors that are formed under the influence of politics and economics can influence intra-system processes, but do not change their essence, having a corrective effect. The main criteria by which media systems can be classified remain the same: politics (the nature of political institutions, the legislative framework for regulating mass media, the degree of freedom and censorship), economics (the volume and nature of capital in the media sphere, the level of market development, the degree of concentration), technology (the level of development of digital technologies that determine the speed, scale and volume of production and dissemination of information), professionalism (the level of competence of professionals with technology and knowledge). Schematically, according to these criteria, it is possible to modernize the classifications of predecessors by “embedding” their experience in a modern context. In this case, authoritarian, democratic and socially responsible media systems will differ only in shades of “authoritarianism, democracy and responsibility”, which, in turn, can be classified by tones and semitones. The essence remains the same.

References

- Bakulev, G.P. (2005). Normative theories of mass communication. *Sociological Studies*, (1), 105–114. (In Russ.)
- Blum, R. (2014). *Lautsprecher und Widersprecher: Ein Ansatz zum Vergleich der Mediensysteme*. Köln: Herbert von Halem.
- Blumler, J.G. & Gurevitch, M. (1981). Politicians and the press. In D. Nimmo & K. Sanders (Eds.), *Handbook of Political Communication* (pp. 467–493). Beverly Hills California: Sage Publications.
- Blumler, J.G. & Gurevitch, M. (1995). *The crisis of public communication*. 1st ed. London, New York: Routledge.
- Бакулев Г.П. Нормативные теории массовой коммуникации // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 105–114.
- Christians, C.G., Glasser, T., McQuail, D., Nordenstreng, K., & White, R.A. (2009). *Normative theories of the media: Journalism in democratic societies*. Urbana, Chicago: University of Illinois Press.
- Couldry, N., & McCarthy, A. (2004). *Mediaspace: Place, scale and culture in a media age*. 1st ed. London, New York: Routledge.
- Curran, J., & Seaton, J. (1981). *Power without responsibility*. 1st ed. London: Fontana.
- Curran, J., & Seaton, J. (2018). *Power without responsibility: Press, broadcasting and the internet in Britain*. 8th ed. London: Routledge.
- Falkheimer, J., & Jansson, A. (2006). *Geographies of communication: The spatial turn in media studies*. Goteborg: Nordicom.
- Flew, T. (2007). *Understanding global media*. 1st ed. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan.
- Flew, T. (2018). *Understanding global media*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan. [https://doi.org/10.51480/1899-5101.14.1\(28\).13](https://doi.org/10.51480/1899-5101.14.1(28).13)
- Galtung, J. (1999). State, capital, and the civil society: The problem of communication. In R.C. Vincent, K. Nordenstreng & M. Traber (Eds.), *Towards Equity in Global Communication: MacBride Update* (pp. 3–21). Cresskill, N.J.: Hampton Press.

- Hallin, D., & Mancini, P. (2004). *Comparing media systems. Three models of media and politics*. New York: Cambridge University Press.
- McQuail, D. (1983). *Mass communication theory: An introduction*. 1st ed. Sage Publications.
- Murdock, G., & Golding, P., (1973). For a political economy of mass communications. *The Socialist Register*, 10, 205–235.
- Nikolaichuk, I., Yakova, T., & Yanglieva, M. (2016). Media as a system-trend: New approaches in media studies. *The MediaAlmanah*, (1), 12–24. (In Russ.)
Николайчук И., Якова Т., Янглева М. Медиа как система-тренд: новые подходы в медиалогии // МедиаАльманах. 2016. № 1. С. 12–24.
- Nordenstreng K. (2006). Media and society: In search of models. In Y.N. Zassoursky & O.M. Zdravomyslova (Eds.), *Glasnost and Journalism 1985–2005* (pp. 168–177). Moscow: Gorbachev Foundation & Faculty of Journalism, MSU.
Nordenstreng K. Media and society: in search of models // Гласность и журналистика: 1985–2005 / под ред. Я.Н. Засурского, О.М. Здравомысловой. М.: Горбачев-Фонд: ф-т журналистики МГУ, 2006. С. 168–177.
- Seymour-Ure, C. (1974). *the political impact of mass media*. Beverly Hills: Sage Publications.
- Siebert, F., Schramm, W., & Peterson, T. (1956). *Four theories of the press. The authoritarian, libertarian, social responsibility, and Soviet communist concepts of what the press should be and do*. Urbana: University of Illinois Press.
- Vartanova, E.L. (2018). On the relevance of the “national” within the concept of “media system”. *MediaAlmanah*, (6), 8–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2018.812>
Вартанова Е.Л. Об актуальности «национального» в концепции «медиа-системы» // МедиаАльманах. 2018. № 6. С. 8–12. <https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2018.812>
- Waisbord, S. (2013). *Reinventing professionalism. Journalism and news in a global perspective*. Cambridge: Polity.
- Yakova, T.S., & Yanglieva, T.S. (2019). *Media geography*. Moscow: Icarus Publ. (In Russ.)
Якова Т.С., Янглева М.М. Медиагеография. М.: ИКАР, 2019. 188 с.

Bio notes:

Tamara S. Yakova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5640-267X. E-mail: t-yakova@mail.ru

Irina I. Volkova, Ph.D. in Philology, Professor, Professor of the Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Сведения об авторах:

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5640-267X. E-mail: t-yakova@mail.ru

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-355-367

EDN: RZMQIG

UDC 004.89

Scientific review / Научный обзор

Transforming the future: a review of artificial intelligence models

Andrei A. Pugachev , Alina V. Kharchenko , Nikolai A. Sleptsov

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
 quadriptych@gmail.com

Abstract. A comprehensive review of existing artificial intelligence models, focusing on fourteen prominent language and multimodal generative models from four rapidly evolving categories: Marketing, Copywriting, Image Improvement, and Social Media, is made. As of May 2023, 1,523 AI models are available to end users, with notable Russian services such as Balaboba, GigaChat, and Kandinskiy 2.0 emerging as counterparts to popular foreign neural networks. The potential applications of these tools in various media production domains, including journalism, marketing, and copywriting, are explored. It was necessary to talk about language models, since these are the ones, most connected not only to the media sphere, but to academic writing as well. Moreover, the authors delve into the ethical considerations associated with the use of AI models in professional settings, addressing potential challenges and concerns. The importance of responsible development, use, and regulation of AI technology, as well as the need for collaboration among researchers, governments, and private organizations to ensure ethical AI practices, is highlighted. The authors also outline the prospects for further development of AI models and related research, emphasizing the need to foster an environment of continuous learning for innovation that is inclusive and accessible. This approach will help maximize the benefits of AI while minimizing potential harm, paving the way for a more prosperous, equitable, and sustainable future. The presented materials can serve as an introduction to the emerging branch of AI models development.

Keywords: deep learning, machine learning, neural networks, language model, generative model, AI storytelling

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted February 9, 2023; revised March 10, 2023; accepted March 25, 2023.

For citation: Pugachev, A.A., Kharchenko, A.V., & Sleptsov, N.A. (2023). Transforming the future: A review of artificial intelligence models. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 355–367. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-355-367>

Трансформация будущего: обзор моделей искусственного интеллекта

А.А. Пугачев , А.В. Харченко , Н.А. Слепцов

*Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6*
 quadriptych@gmail.com

Аннотация. Выполняется комплексный обзор существующих моделей искусственного интеллекта (ИИ). Особое внимание уделено четырнадцати известным языковым и мультимодальным генеративным моделям из четырех быстро развивающихся категорий инструментов: Marketing, Copywriting, Image Improvement и Social Media. По состоянию на май 2023 г. конечным пользователям доступны 1523 модели ИИ, среди которых выделяются такие российские сервисы, как Balaboba, GigaChat и Kandinskiy 2.0, являющиеся аналогами популярных зарубежных нейросетей. Рассматриваются потенциальные возможности применения этих инструментов в различных сферах медиапроизводства, включая журналистику, маркетинг и копирайтинг. Обсуждаются языковые модели, поскольку именно они больше всего связаны не только с медиасферой, но и с академическим письмом. Затрагиваются этические аспекты: потенциальные проблемы, связанные с использованием моделей ИИ в профессиональной сфере. Подчеркивается важность ответственного подхода к разработке, использованию и регулированию технологий ИИ, а также сотрудничества между исследователями, правительствами и частными организациями для обеспечения этичности применения ИИ. Описаны перспективы дальнейшего развития моделей ИИ и соответствующих исследований, выделена необходимость создания среды непрерывного обучения в области инноваций, которая должна быть инклюзивной и доступной. Такой подход поможет максимизировать преимущества ИИ при минимизации потенциального вреда, прокладывая путь к более процветающему, справедливому и устойчивому будущему. Представленные материалы могут служить введением в развивающуюся отрасль разработки моделей ИИ.

Ключевые слова: глубокое обучение, машинное обучение, нейросети, языковая модель, генеративная модель, ИИ-сторителлинг

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 9 февраля 2023 г.; отрецензирована 10 марта 2023 г.; принята к публикации 25 марта 2023 г.

Для цитирования: Pugachev A.A., Kharchenko A.V., Sleptsov N.A. Transforming the future: a review of artificial intelligence models // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 355–367. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-355-367>

Introduction

In the rapidly evolving field of artificial intelligence (AI), we are witnessing unprecedented advancements that are revolutionizing the way we perceive and interact with technology. As AI models become increasingly sophisticated and permeate various domains, it is essential to gain a deeper understanding of the models driving this transformation. This scientific article, aims to provide a thorough examination of the groundbreaking AI models that form the founda-

tion of this revolution, offering insights into their underlying principles, methodologies, and applications, as well as the scientific papers around that topic. This paper's additional aim is to reveal the AI's unique possibilities in the representation of reality.

From natural language processing to computer vision, AI has transcended disciplinary boundaries and has become an integral component of modern scientific research. We would present an overview of the key AI models that have emerged over the years, elucidating their architectures, algorithms, and the challenges they address. By delving into the inner workings of these models, we hope to foster a greater appreciation for the technological marvels that are reshaping our world and, in turn, inspire further exploration and innovation in the field of AI.

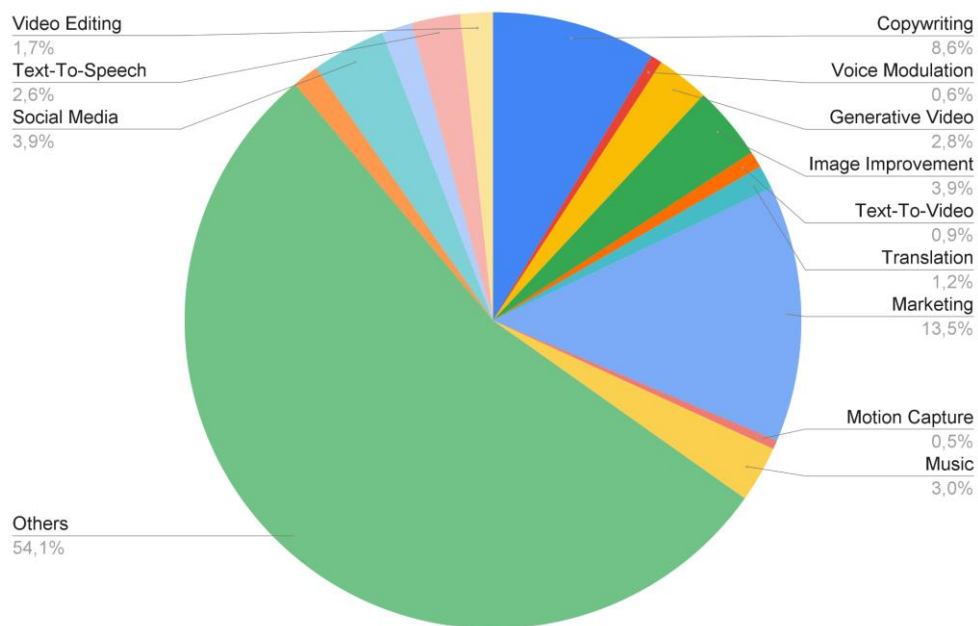
The study of artificial intelligence goes back to 1950, when a British polymath named Alan Turing started exploring the mathematical possibility of artificial intelligence, publishing his work titled "Computing Machinery and Intelligence". However, as we would be talking more about neural networks, we should delve deeper into this subject's history first. The initial neural networks employed to address real-world issues were ADALINE and MADALINE (Multiple ADaptive LINear Elements). These models were designed to identify binary patterns, enabling them to predict the subsequent bit when reading streaming bits from a phone line. In 1982, enthusiasm in the domain was rekindled when John Hopfield of Caltech introduced a paper titled "Neural networks and physical systems with emergent collective computational abilities" to the National Academy of Sciences. Hopfield's strategy involved utilizing bidirectional connections to develop more practical machines, as opposed to the earlier approach where neuron connections were unidirectional.

But research that concentrates on developing neural networks is relatively slow. Due to the limitations of processors, neural networks take weeks to learn.

Discussion

For this review, we have selected existing AI models that can be or have already been implemented in various areas of the media industry: journalism, marketing, copywriting, etc. According to the AI models aggregator website Future Tools, as of May 2023 there are 1,523 AI tools available to end users. They are all categorized according to the functions they perform or the areas in which they can be used. So, we selected a list of categories that could potentially contain tools suitable for media production workers: *Text-To-Speech*, *Speech-To-Text*, *Copywriting*, *Image Improvement*, *Video Editing*, *Generative Video*, *Motion Capture*, *Text-To-Video*, *Voice Modulation*, *Podcasting*, *Music*, *Marketing*, *Social Media*, *Translation*.

It should be noted that under the general name of "Others" we have combined the following categories: *AI Detection*, *Chat*, *For Fun*, *Generative Code*, *Image Scanning*, *Productivity*, *Self-Improvement*, *Aggregators*, *Gaming*, *Inspiration*, *Prompt Guides*, *Avatar*, *Finance*, *Generative Art*, *Research*. In the Figure we can see that from the list of categories we selected, most of the tools belong to the sections *Marketing* (205 models) and *Copywriting* (131). The *Image Improvement* and *Social Media* categories share third place with the same number of tools in each (59).

Models categorized by functions on the Future Tools website

Source: compiled by the authors.

The tools in the *Marketing* category can help in creating websites, generating logos, banners, posters and creating an identity, writing post-releases and other types of content, optimizing work with email newsletters and advertising networks. Most of the tools in the *Copywriting* category work with content: they help with creating, editing, rewriting, paraphrasing, summarizing, etc. Services from the *Image Improvement* category correspond to the name of the category: they allow users to edit images, change their quality and resolution, remove the background or unnecessary elements from a photo, as well as add new ones. *Social Media* category tools allow you to work directly with social media: they can help to create content for social networks and video hosting, optimize work with the audience and subscribers – to write and respond to comments and private messages.

From this, we decided, first, that it was necessary to talk about language models, since they are the ones most related not only to the media sphere, but to academic writing as well. Language models are based on the theory of probability: algorithms calculate the chance that a particular word will appear in the text. This requires taking into account the context, the style of speech and the meaning of words, but, as all machines do, the language model can only work in numbers. This means that the text is getting converted into a numeric representation. Such a process is called coding, and the result we can get on the output is called embedding. Each word in the dictionary has its own sequence number, and embeddings are formed from them. We also included Russian AI models, to compare their potential and functionality with the foreign ones. Then we decided to describe popular text-to-image models, as they are getting more popular. Finally, we described professionally oriented neural networks.

Chat GPT – the most famous developing language model by OpenAI. Generative Pre-trained Transformer 3, or GPT-3, is a large-scale language model created by OpenAI that can produce text with 175 billion parameters. It has been trained on a very large quantity of data (Brown, et al., 2020). Chat GPT uses all the gathered data of GPT-3's to provide replies to user input in a conversational way.

As of today, GPT-3 can perform a wide variety of functions. It can write and compile computer programs, compose fairy tales, write student essays, write business pitches, compose music or teleplays, provide answers for test questions (for example, recently this model passed the entrance exam from law and business schools¹), write song lyrics, poetry, summarize text, translate text, simulate chat rooms with multiple people, run a Linux-like system and play simple games like tic-tac-toe or warships.

This model is already being used to simplify life not only for journalists, but for other people as well. For example, recently a Russian student used ChatGPT to write his bachelor thesis in the span of a day.²

Media specialists use Chat-GPT as a news-aggregation tool, for data-driven journalism, for fact-checking and social-media management.

The ethical problems arising in using such a model comes from the quality and truthfulness of data being provided by ChatGPT. Although authors are trying to be careful and not include some sort of a bias or providing dangerous information (drug recipes, firearm schematics and so on), some users still can bypass the restrictions.

Caktus positions itself as a content-generation tool with several different options beyond writing. Its creators call it an “academic curated search engine”, as it provides content for several different topics including, science, technology, engineering and math, and school studying, as well as coding and professional services. It is, as most other language models is being compared to ChatGPT, because it has such functions as summarizing tool, essay writer, paragraph writer and such unique tools as humanizer (making the text generated by AI look more human) and movie scene analyzer. It might also be able to better evade AI plagiarism detection than its competitor, and has the ability to add citation sources to essays.

Caktus has a range of uses. It is not limited to essays, although it can produce a pretty detailed and conclusive one in just a couple of minutes. It can create a resume or CV, single paragraphs, convert TED Talks on Youtube to essays, analyze a song, write a bullet pointed list, personal statement for college admission, coding (such as Python and Javascript), and so on.

¹ Murphy Kelly, S. (2023). ChatGPT passes exams from law and business schools. *CNN Business*. Retrieved April 21, 2023, from <https://edition.cnn.com/2023/01/26/tech/chatgpt-passes-exams/index.html>

² Zhadan, A. (2023). How I wrote my thesis using ChatGPT and found myself in the middle of a dispute about neural networks in education. *Journal Tinkoff*. (In Russ.) Retrieved April 25, 2023, from <https://journal.tinkoff.ru/neuro-diploma/>

The obvious ethical problem of using such a service is the process of education and tasks given out by the professors and teachers alike. Such features as “Humanize” can hinder the detection of AI written text and make, for example, homework, useless at some subjects.

Novel AI is an online website-based, software-as-service model, an interactive story generator software. It uses modern and powerful AI algorithms to generate original and creative content in seconds. The service offers a range of three modes to choose from: storyteller mode, text adventure mode, image generation mode.

Storyteller mode: the main story generator feature of NovelAI is the Storyteller mode. In this mode, you give the AI some basic input called a “prompt” and it starts writing the story for you. This mode generates unique and creative content. Besides, it offers you full control over the content (easy edits, regenerated answers, and more).

Text Adventure mode: The text adventure mode is a text game that requires some imagination from the user. The user decides what the game setting and character are. The AI will take care of the actions based on the additional input.

Image generation mode: developers thought that the AI story generator tool needs an image generator for showing fantasy-style images in user’s stories, novels, and tales. The image generator asks for simple text input, which it uses to then generate an image.

As in every generative model, the main concern of scientists is the unlimited possibilities of scenarios users can come up with, including some illegal topics.

Character AI is a neural language model, chatbot web application that can generate human-like text responses and participate in contextual conversation. Constructed by previous developers of Google’s LaMDA (Language Model for Dialog Application), Noam Shazeer, and Daniel De Freitas, the beta model was made available to use by the public in September 2022.

Character “personalities” are designed via descriptions from the point of view of the character and its greeting message, and further molded from conversations made into examples, giving its messages a star rating and modification to fit the precise dialect and identity the user desires.

The main controversial topic that arises in such a model is users indulging into sexual conversations with characters that may be underage.

GigaChat is a Russian multimodal neural network that can answer questions, maintain dialogue, and generate texts, program code, and images. Some call it the Russian’s answer to rapidly developing ChatGPT.

GigaChat has an open architecture, while many of its competitors have a closed system. GigaChat is positioned as an answer to ChatGPT, because it knows Russian and can create images, which ChatGPT can not do at the moment.

The GigaChat consists of two AI models NeONKA (NEural Omnimodal Network with Knowledge-Awareness) and Kandinsky 2.1. The first enables solving of intellectual tasks, and the second – creating images by text request. According to the developers, the neural network was trained on a supercomputer Christofari Neo.

In the near future the developing company Sber plans to transfer the code of their neural network to another model called ru-GPT 3.5 with 13 billion parameters for public access. This model is also actively being implemented in the company's other products, such as banking apps.

The main concerning ethical aspects of such a service are the same as for CHAT-Gpt but with another take on the matter. Some people think that a Russian service may include the government bias in its replies.

Balaboba is not a service in itself, but a demonstration of technology that tries to explain the idea of language models accurately and clearly. The main task of this model is to generate the next word to match the previous one grammatically and stylistically. Due to the fact that the model has seen terabytes of texts, it solves this problem so well that it is able to communicate in different scenarios. This is how most language models, such as ChatGPT work.

The service is based on the Yandex-created YaLM (Yet another Language Model). It was trained on some of the pages indexed by Yandex on the Russian Internet, such as: Wikipedia articles, news articles, books, and open publications by users of social networks and forums. Repetitive, incomplete or unnatural texts were “cleaned” in the process. For the neural network to work correctly, it was loaded with three billion parameters that it uses to assess if the word the network uses is grammatically, and stylistically correct.

To learn how to write in a particular style, YaLM only needs a few examples. When a user selects a style, invisible samples are added in front of the text being typed, based on which Balaboba completes what is written.

Midjourney is a text-to-picture AI service developed by an independent research lab of the same name. The service allows users to generate images based on textual descriptions, creating a wide range of art forms, from realistic to abstract styles. The style in which the image will be generated is chosen by the user, utilizing a myriad of prompts. Midjourney's AI is especially known for its high-quality, well-structured, and detailed images and is used in graphical design, artwork generation and sometimes even in photo generation.

Now, Midjourney can only be accessed using third-party messenger service Discord, by opening up a conversation or adding Midjourney to a group. Image generation process can be completed in simple steps. Users need to use the imagine command and type text of what they want to see in the artwork. After that, Midjourney comes up with a set of four images, from which a user can choose 1 to ‘improve,’ upscaling it. Midjourney is also capable of describing an already uploaded image with text prompts that can be later used to generate new artwork. It can also seamlessly blend two pictures together, combining them.

Recently, Midjourney and other image generation services faced complete restriction for free generation, due to the nature of the said generated images. For example, some users may find pictures of Pope Jorge Mario Bergoglio in different attires offensive.³

³ Landymore, F. (2023). Midjourney nixes free generations after AI pope images go viral. *Futurism*. Retrieved April 25, 2023, from <https://futurism.com/the-byte/midjourney-excommunicates-free-loaders-after-pope-images>

DALL-E and its updated model DALL-E 2, are advanced neural models created and published by OpenAI, a company that created GPT-3 and GPT-4. It is designed to generate digital visuals, be it artwork, graphics or photorealistic images, based on textual prompts. The software's name comes from a combination of names of a robot from a Pixar movie "Wall-e" and famous artist Salvador Dali.

DALL-E was introduced to the public in January 2021, and was based on GPT-3 to work. According to the company name, the source code of the model is closed. DALL-E-2 entered open beta, providing access to users on July 20, 2022. During the beta-testing period, the free number of generated images per month was restricted, but users could buy additional generations. At the start of the period, access to the model was limited to only a selected number of users, as Open AI considered ethical and safety aspects of their created model. Finally, on 28th of September 2022 the model became available to the public for free.

Later, in November of 2022, the API of DALL-E 2 was released, meaning that now developers were able to include DALL-E 2 in their own applications. Microsoft, for example, used this model in their search engine Bing, as well as their internet browser Microsoft Edge. And even though the API adopted a per-image buying model, with price depending on the image resolution, the Open AI team offers discounts to the companies that will implement these models into their apps and services.

Stable Diffusion – launched in 2022, is a deep learning model focused on text-to-image generation. It primarily creates detailed visuals based on textual descriptions, but it is also versatile enough for other applications like inpainting, outpainting, and generating image-to-image translations directed by text prompts. Stability AI, a startup, developed this model in partnership with several academic researchers and non-profit organizations.

Stable Diffusion functions as a latent diffusion model, a type of deep generative neural network. The model's code and weights are publicly available, and it operates on most consumer hardware equipped with a moderate GPU boasting at least 8 GB VRAM. This approach contrasts with earlier proprietary text-to-image models like DALL-E and Midjourney, which were only accessible through cloud services.

Kandinsky 2.1 is an artificial intelligence system engineered to produce distinctive art pieces. It derives its name from the renowned Russian painter Vasily Kandinsky, celebrated for his abstract creations. This AI employs deep neural networks and machine learning techniques to examine and pinpoint various artistic styles and movements' features. It subsequently generates its own artwork by merging these styles and crafting entirely novel visuals. The neural network has undergone training with a vast collection of art images spanning multiple styles and time periods. The image generation process encompasses several phases:

1. Style and movement analysis: identifying the key characteristics and distinct artistic styles, such as Cubism, Impressionism, Surrealism, and more.
2. Innovative combinations: fusing different styles and movements to form new, original, and unforeseen compositions.
3. Visual generation: Kandinsky converts these compositions into graphic images using machine learning and deep neural network algorithms.

Kandinsky signifies a novel phase in artistic evolution, sparking debates and discussions about the capacity of AI to produce authentic art. It is crucial to recognize that Kandinsky does not merely replicate existing styles and pieces but generates new visuals based on the analysis and amalgamation of diverse artistic elements.

Runway ML serves as an innovative software solution tailored for creative professionals, such as filmmakers, designers, visual effects and computer-generated imagery specialists, artists, programmers, musicians, students, and instructors. This all-encompassing video editing platform focuses on empowering video producers by offering machine learning-assisted tools for seamless editing without any coding requirements. Accessible directly through the user's web browser, the software streamlines video manipulation processes with a diverse range of features, such as masking, color adjustment, compositing, content generation, and visual effects.

Additionally, its rotoscoping capabilities allow users to transform any video into a green screen, streamlining the editing experience. The software's Inpainting function intelligently eliminates unnecessary elements from the video, ensuring efficient and cohesive edits. Through the platform's integrated multiband video stream format, creators can enhance their work using AI-generated analytics and metadata, resulting in more engaging visuals. Creative Conduit ML produces precise and distinctive depth maps, contributing to a heightened sense of realism in the imagery.

Furthermore, an embedded optical flow function assists users in comprehending object motion through relative movement analysis. Other noteworthy features encompass real-time previews and rapid rendering in multiple formats, such as PNG, ProRes, and more.

Using such advanced tools raises the ethical problem of streamlining the other professions in this sphere. For example, why should a company hire a professional video editor, if an AI can do the same in seconds?

Soundraw is an AI-driven music creation platform developed to assist video producers in crafting bespoke music for their projects. Based in Tokyo, Japan, and established in 2020, the platform allows users to choose a theme, mood, or genre and receive auto-generated tracks, which can be further customized in terms of structure, duration, and instrumentation. Soundraw's AI algorithms examine an extensive library of music patterns and structures to produce unique AI-generated music that caters to user preferences.

Upon accessing soundraw, users are presented with a straightforward menu offering three selections: mood, genre, or theme. This offers a basic approach to music creation using the platform. For a more intricate experience, users can explore the 'primary editor,' where they can adjust or remove individual blocks, define the song's progression, and modify it to meet their specific requirements.

Mubert is a generative music streaming application, accessible via web browsers and mobile devices. The app showcases an assortment of music streams categorized by genres and corresponding activities, such as "sleep" and "work."

Each of Mubert's streams represents an ever-evolving "live" track that continually transforms, as the company highlights, "Generative music cannot be rewound, as it is produced in real-time."

Within the app, Melodion offers "like" and "dislike" buttons for users to express their opinions, which the company states are employed to refine their algorithms based on user preferences. This feedback could be evaluated using machine learning algorithms to gauge the performance of samples globally or to suggest selections based on the rankings of other users. For instance, when a user selects "like," Mubert might assess feedback from other users who appreciated the current samples to determine which additional samples they enjoyed and play those subsequently. Similarly, if numerous users choose "dislike" while a specific sample is playing, Mubert's algorithms could opt to exclude that sample from future playback.

ElevenLabs has gained recognition for its web-based, AI-enhanced speech synthesis solution, capable of generating realistic spoken output by emulating emotional tone and inflection. The company emphasizes that its software is designed to adapt the delivery's intonation and tempo according to the input language's context. Via its beta platform, users can input text and produce audio files from a range of pre-existing voice options. Subscribers of the premium tier have the added benefit of uploading personalized voice samples to develop unique vocal styles.

With the almost indistinguishable nature of voice generated content, many fear that the creation of the so-called "deep fakes" can harm people from whom the voice samples have been taken from⁴.

Ethical boundaries in AI models

The ethical principles in such a topic are a problem that has gathered attention of many scientists, due to its (AI) rapid increase in usage in recent years.

Thus, some scholars consider the ethical problems that may arise in the near future from the spread of AI, including those that may be associated with the approximation of artificial intelligence to human intelligence (Bostrom, Yudkowsky, 2014). Others focus on regulating the possibilities of using AI for the benefit, not the detriment to human development (Dignum, 2018). Some scientists consider the ethical aspect of the use of artificial intelligence in education and research activities (Lund et al., 2023; Córdova, Vicari, 2023). Proposals for a code of ethics for artificial intelligence have been under consideration since 2017 (Boddington, 2017). The Russian academic community is also talking about the need for ethical regulation of the use of artificial intelligence technologies in the media environment, a discussion on this issue first launched by M. Lukina et al. (2022).

In the past five years, private companies, research institutions and public sector organizations have issued principles and guidelines for ethical artificial in-

⁴ Santanu, R. (2023). Internet up in arms as 4Chan user uses AI voice simulator to deepfake Emma Watson's voice, makes her read hitler's autobiography. *FandomWire*. Retrieved April 27, 2023, from <https://fandomwire.com/internet-up-in-arms-as-4chan-user-uses-ai-voice-simulator-to-deepfake-emma-watson-s-voice-makes-her-read-hitlers-autobiography/>

telligence. However, despite an apparent agreement that AI should be “ethical”, there is debate about both what constitutes “ethical AI” and which ethical requirements, technical standards and best practices are needed for its realization. Anna Jobin, President of Swiss Federal Media Commission, states that the best way to define ethical AI is “an AI that follows three principles: Justice, equity and fairness”. And, for the so-called conversational AI’s, the main principles would also be termination and/or mitigation of the “biased data”.

As in this paper we would describe not only language models that are used in conversational based AI’s but also image generation models, video generation models and voice or audio generation models, we would need to discern the ethical problems that arise while using a particular model.

Conclusion

As we found, the number and the sheer variety of AI models grows by the day. Even while working on this paper, we needed to correct the number of AI models from 1,505 to 1,523, as new ones have been published. These models encompass a wide range of architectures, applications, and industries, showcasing the versatility and potential of AI in addressing various challenges and tasks. Among the many models, we selected a list of categories that could potentially contain tools suitable for media production workers. The number of these tools in each category led us to conclude on the most developing 4 areas: Marketing, Copywriting, Image Improvement, and Social Media.

Despite the plethora of AI models, the development of more advanced, accurate, and efficient models remains a priority for researchers and engineers. As the field continues to mature, we can expect AI to further integrate into our daily lives, revolutionizing the way we live, work, and interact.

Collaboration among researchers, governments, and private organizations is crucial in ensuring responsible development, use, and regulation of AI technology. Additionally, it is important to address the ethical, societal, and economic implications of AI, such as fairness, privacy, and job displacement, in order to maximize the benefits while minimizing potential harm.

As we continue to explore the possibilities and limitations of AI, it is essential to foster an environment of continuous learning and innovation that is both inclusive and accessible. By doing so, we can better harness the power of AI to create a more prosperous, equitable, and sustainable future for all.

References

- Benefo, E.O., Tingler, A., White, M., Cover, J., Torres, L., Broussard, C., Shirmohammadi, A., Pradhan, A.K., & Patra, D. (2022). Ethical, legal, social, and economic (ELSE) implications of artificial intelligence at a global level: A scientometrics approach. *AI Ethics*, 2, 667–682. <https://doi.org/10.1007/s43681-021-00124-6>
- Boddington, P. (2017). *Towards a code of ethics for artificial intelligence*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-60648-4>

- Bostrom, N., & Yudkowsky, E. (2014). The ethics of artificial intelligence. In K. Frankish & W. Ramsey (Eds.), *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence* (pp. 316–334). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139046855.020>
- Brown, T., Mann, B., Ryder, N., Subbiah, M., Kaplan, J.D., Dhariwal, P., Neelakantan, A., Shyam, P., Sastry, G., Askell, A., & Agarwal, S. (2020). Language models are few-shot learners. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 33, 1877–1901. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.14165>
- Coeckelbergh, M. (2021). Time machines: Artificial intelligence, process, and narrative. *Philosophy & Technology*, 34(4), 1623–1638. <https://doi.org/10.1007/s13347-021-00479-y>
- Córdova, P.R., & Vicari, R.M. (2023, January). Practical ethical issues for artificial intelligence in education. *Technology and Innovation in Learning, Teaching and Education: Third International Conference, TECH-EDU 2022, Lisbon, Portugal, August 31 – September 2, 2022, Revised Selected Papers* (pp. 437–445). Cham: Springer Nature Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-031-22918-3_34
- Dignum, V. (2018). Ethics in artificial intelligence: Introduction to the special issue. *Ethics and Information Technology*, 20(1), 1–3. <https://doi.org/10.1007/s10676-018-9450-z>
- Hartmann, K., & Giles, K. (2020). The next generation of cyber-enabled information warfare. *2020 12th International Conference on Cyber Conflict (CyCon), Estonia, 2020, 233–250*. <https://doi.org/10.23919/CyCon49761.2020.9131716>
- Heaven, W.D. (2022). Language models like GPT-3 could herald a new type of search engine. K. Martin (Ed.), *Ethics of Data and Analytics* (pp. 57–59). Auerbach Publications. <https://doi.org/10.1201/9781003278290>
- Lukina, M.M., Zamkov, A.V., Krashennnikova, M.A., & Kulchitskaya, D.Y. (2022). Artificial intelligence in the Russian media and journalism: the issue of ethics. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 11(4), 680–694. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).680-694](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).680-694)
- Lund, B.D., Wang, T., Mannuru, N.R., Nie, B., Shimray, S., & Wang, Z. (2023). ChatGPT and a new academic reality: artificial intelligence-written research papers and the ethics of the large language models in scholarly publishing. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 74(5), 570–581. <https://doi.org/10.1002/asi.24750>
- Luzi, L., Siahkoochi, A., Mayer, P.M., Casco-Rodriguez, J., & Baraniuk, R. (2022). *Boomerang: Local sampling on image manifolds using diffusion models*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2210.12100>
- McKay, F., Williams, B.J., Prestwich, G., Bansal, D., Hallowell, N., & Treanor, D. (2022). The ethical challenges of artificial intelligence-driven digital pathology. *The Journal of Pathology: Clinical Research*, 8(3), 209–216. <https://doi.org/10.1002/cjp2.263>
- Paek, S., & Kim, N. (2021). Analysis of worldwide research trends on the impact of artificial intelligence in education. *Sustainability*, 13(14), 7941. <https://doi.org/10.3390/su13147941>
- Thorne, S. (2020). Hey Siri, tell me a story: Digital storytelling and AI authorship. *Convergence*, 26(4), 808–823. <https://doi.org/10.1177/13548565209138>
- Zhou, K.Q., & Nabus, H. (2023). The ethical implications of DALL-E: Opportunities and challenges. *Mesopotamian Journal of Computer Science*, 2023, 17–23. <https://doi.org/10.58496/MJCSC/2023/003>
- Zhu, P., Pang, C., Wang, S., Chai, Y., Sun, Y., Tian, H., & Wu, H. (2023). *ERNIE-music: Text-to-waveform music generation with diffusion models*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.04456>

Bio notes:

Andrei A. Pugachev, PhD student, Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6722-2431. E-mail: quadriptych@gmail.com

Alina V. Kharchenko, lecturer, Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0001-8105-892X. E-mail: kharchenko-av@rudn.ru

Nikolai A. Sleptsov, lecturer, Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3447-8008. E-mail: nikolai.slepcov@skillbox.ru

Сведения об авторах:

Пугачев Андрей Алексеевич, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-6722-2431. E-mail: quadriptych@gmail.com

Харченко Алина Вадимовна, преподаватель, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0001-8105-892X. E-mail: kharchenko-av@rudn.ru

Слепцов Николай Андреевич, преподаватель, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-3447-8008. E-mail: nikolai.slepcov@skillbox.ru

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ MEDIA EDUCATION

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-368-380

EDN: IMHBJ

УДК 378.004:37.02

Научная статья / Research article

Роль технологии вузовского проектного обучения в подготовке целостной медиаличности

В.В. Гаврилов

*Сургутский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, 626417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2*

 victorg12@mail.ru

Аннотация. Авторский опыт применения проектного метода при подготовке студентов-журналистов свидетельствует об эффективности и востребованности учебных проектов. Проанализированы основные тематические работы отечественных и зарубежных ученых, методистов, журналистов-практиков. Проведенный эксперимент в двух группах будущих журналистов показал, что проектирование позволяет успешно развивать обозначенные в федеральном государственном образовательном стандарте профессиональные компетенции. При этом повышается мотивация к обучению и будущей деятельности, совершенствуются навыки применения цифровых инструментов, улучшаются ораторские способности. Материалом для исследования послужила преподавательская работа автора исследования со студентами-журналистами филологического факультета Сургутского государственного педагогического университета. Использовались методы моделирования и анкетирования. Анализ результатов эксперимента позволяет сделать вывод об эффективности применения проектного метода обучения как средства формирования целостной медиаличности студента-журналиста в вузе (в рамках деятельностного подхода).

Ключевые слова: журналистика, идентификация, социокультурная норма, профессиональные компетенции

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 13 сентября 2022 г.; отрецензирована 12 октября 2022 г.; принята к публикации 22 ноября 2022 г.

Для цитирования: Гаврилов В.В. Роль технологии вузовского проектного обучения в подготовке целостной медиаличности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 368–380. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-368-380>

© Гаврилов В.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The role of university project-based learning technology in shaping a holistic media personality

Viktor V. Gavrilov

*Surgut State Pedagogical University,
10/2 50 let VLKSM St, Surgut, 626417, Russian Federation*

✉ victorg12@mail.ru

Abstract. The project method in training journalism students is effective and in demand. The author's experience proves it. The main thematic works of domestic and foreign scientists, methodologists, journalists-practitioners were analyzed. The experiment conducted in two groups of future journalists showed that projecting allows the successful development of professional competencies outlined in the Federal State Educational Standard. In doing so, motivation for learning and future activities increases, skills in using digital tools improve, and oratorical abilities improve. The material for the study was the author's teaching work with journalism students of the Faculty of Philology at Surgut State Pedagogical University. The modeling and questioning methods were used. The analysis of the results of the experiment allows to conclude about the effectiveness of the project method of teaching as a means of forming a holistic media personality of a journalism student at university (within the framework of the activity-based approach).

Keywords: journalism, identification, sociocultural norm, professional competencies

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 13, 2022; revised October 12, 2022; accepted November 22, 2022.

For citation: Gavrilov, V.V. (2023). The role of university project-based learning technology in shaping a holistic media personality. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 368–380. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-368-380>

Введение: теоретическая база исследования

В последнее десятилетие философы, социологи, культурологи, практикующие журналисты отмечают, что современное общество следует считать медиатизированным (Шилина, 2022; Yefanov, Tomin, 2021; Коломиец, 2020; Dolničar et al., 2018; Grošelj et al., 2019; Couldry, Hepp, 2016; Уразова, 2011). Формируется «новый тип экосистемы медиа, при котором происходит слияние медиаструктур, цифровых технологий и среды их обитания» (Уразова, 2022, с. 104), серьезное информационное воздействие оказывается на взаимодействие взрослых с подрастающим цифровым поколением (Galperin, Arcidiacono, 2019), усугубляется межпоколенческий разрыв (Grishchenko, 2020). При этом активность в создании медиареальности проявляется в различных возрастных срезах (Алгави и др., 2021), формируется медиаличность. При погружении в цифровое самоидентификация личности меняется. По мнению М. Кастельса, «реальность <...> полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир...» (Кастельс, 2000, с. 351). Потеря привычного социума может вызвать панику у пользователей, о чем

подробно пишут К.Н. Хэмптон и Б. Уэллман (Hampton, Wellman, 2018). В работах Г. Саймонса рефреном звучит мысль о необратимых последствиях в политике, культуре, нравственности (Simons, 2018; 2019). Это особенно актуально для молодых людей, которые не выработали механизмы защиты от агрессивного воздействия медиа (пропаганда, фейки, коммерческая информация, стимулирование агрессивных или депрессивных настроений, манипулирование сознанием).

Есть принципиальное различие между понятиями «медийная личность» (персона, которая часто появляется на медиаплощадках, имеет авторитет у аудитории, оказывает значительное влияние на общественное мнение) и «медиаличность». Остановимся на втором понятии, которое в науке не имеет признанного определения. Ученые, как правило, ограничиваются характеристиками медиаличности в условиях множества угроз со стороны медиапространства. Культуролог Н.Б. Кириллова использует термин *homo medium* (Кириллова, 2014), считает, что медиаличность должна обладать информационной культурой: «Медиакультура включает в себя не только культуру производства и передачи информации, но и культуру ее восприятия; она может выступать и показателем уровня развития личности, способной анализировать, оценивать тот или иной медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новые знания посредством медиа» (Кириллова, 2008, с. 17–18). Медиаличность представляется как объект (с возможностями медиаторства) воздействия информационной среды. Она складывается при умении противостоять воздействию. В нашем случае речь идет о студентах-журналистах, которые являются одновременно и объектом, и субъектом цифрового медиасообщества. С одной стороны, личность испытывает воздействие социокультурной среды, с другой – сама способна оказывать влияние на общество, формировать общественное мнение.

Французский философ-персоналист Э. Мунье отмечал, что социум – это единственная реальность, которую мы познаем и одновременно создаем изнутри, являясь повсюду, она нигде не дана заранее. Личность – «живая активность самоторчества, коммуникации и единения с другими личностями, которая реализуется и познается в действии, каким является опыт персонализации» (Мунье, 1993, с. 10–11). Иначе говоря, человек – это субъект самосозидания и построения особой реальности, своего внутреннего мира (Гукасова, 2016). Мы используем в данном случае термин «самоидентификация».

Важно понимать, что, формируя себя самого, человек действует в рамках *социокультурной ситуации*, которую мы, вслед за М.М. Гукасовой, понимаем как «совокупность тенденций и контртенденций, определяющих состояние культуры данного общества на определенном этапе его развития. Для характеристики современной социокультурной ситуации необходимо учитывать три группы факторов: факторы внутреннего порядка (социальная динамика, экономическая модель развития, изменения в политическом режиме, государственном устройстве и т. п.); исторические факторы (национальные особенности культуры, в контексте которых проходило становление нынешних поколений); влияние глобальных процессов. Социальность должна способствовать всестороннему развитию личности, сохраняя последнюю от слияния и подчинения безликой массе» (Гукасова, 2016, с. 102).

Итак, *медиаличность* – это, прежде всего, личность, способная, понимая законы и механизмы, по которым устроено и действует информационное общество, противостоять его угрозам и воздействовать на него, формировать и трансформировать на основе собственной индивидуально-авторской картины мира и идентификации. Кратко обозначим базовые характеристики медиаличности.

Ассоциация кинообразования и медиапедагогики России по итогам опроса педагогов, связанных с медиаобразованием, выделила цели и компетенции, которые необходимо формировать у обучающихся. «Развитие способностей аудитории к критическому мышлению (84 %); развитие способностей аудитории к восприятию, оценке, пониманию, анализу медиатекстов (68,8 %); обучение аудитории пониманию социальных, культурных, политических и экономических смыслов и подтекстов медиатекстов (61 %); обучение декодированию медиатекстов (59 %); развитие коммуникативных способностей личности (57 %); развитие способностей к эстетическому восприятию, пониманию медиатекстов, к оценке эстетических качеств медиатекстов (55 %); обучение аудитории творческому самовыражению с помощью медиа (53,8 %); обучение аудитории идентифицировать, интерпретировать медиатексты, экспериментировать с различными способами технического использования медиа, создавать медиатексты (50 %); обучение аудитории теории медиа и медиакультуры (48 %)» (Федоров, 2003, с. 6–7).

Как видим, педагоги больше концентрируются на обучении *восприятию и интерпретации* медиатекстов, нежели *самовыражению и участию* в формировании медиакартины. Когда речь идет о самовыражении, не вполне понятны цели и средства: для чего молодой человек будет действовать в медиапространстве и какими инструментами при этом оперировать.

Материалы и методы

На основе теоретических исследований и полученных эмпирических данных (Гаврилов, 2022) мы предлагаем набор характеристик и компетенций целостной медиаличности. Умение анализировать информацию и креативно ее перерабатывать; способность к рефлексии и саморефлексии; знание концептосферы родного края (в нашем случае Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), владение культурным кодом, принципами культуросообразности; ясная гражданская позиция с опорой на социокультурную норму; стремление к самообразованию, саморазвитию; стремление к социальной адаптации и профессионализации; умение анализировать общественное мнение, понимание текущей политической ситуации; знание медиарынка, его трендов; владение информационными технологиями; опыт медиапроектирования, умение создавать оригинальные журналистские тексты в различных знаковых системах.

Цель исследования – обобщение, структурирование данных о реализации проектного обучения в вузе на основе осмысления опыта Сургутского государственного педагогического университета (СурГПУ) и разработка рекомендаций по применению проектного обучения для формирования у студентов-журналистов профессиональных компетенций. Материалом для исследования

послужила наша работа со студентами-журналистами филологического факультета. Используются следующие методы: анализ теоретических и эмпирических данных, сравнительно-сопоставительный метод, моделирование и анкетирование.

Глобальные изменения социума и медиарынка предъявляют новые требования к подготовке студентов-журналистов, являются вызовом для профессионального сообщества. На уровне университетской подготовки изменения представлены во ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика». Наряду с универсальными компетенциями, необходимо развивать общепрофессиональные компетенции, которые способствуют формированию медиаличности. Перечислим, что должны уметь студенты:

«1) создавать востребованные обществом и индустрией медиатексты и (или) медиапродукты, и (или) коммуникационные продукты в соответствии с нормами русского и иностранного языков, особенностями иных знаковых систем; 2) учитывать тенденции развития общественных и государственных институтов для их разностороннего освещения в создаваемых медиатекстах и (или) медиапродуктах, и (или) коммуникационных продуктах; 3) использовать многообразие достижений отечественной и мировой культуры в процессе создания медиатекстов и (или) медиапродуктов, и (или) коммуникационных продуктов; 4) отвечать на запросы и потребности общества и аудитории в профессиональной деятельности; 5) учитывать в профессиональной деятельности тенденции развития медиакоммуникационных систем региона, страны и мира, исходя из политических и экономических механизмов их функционирования, правовых и этических норм регулирования; 6) использовать в профессиональной деятельности современные технические средства и информационно-коммуникационные технологии; 7) учитывать эффекты и последствия своей профессиональной деятельности, следуя принципам социальной ответственности»¹. Очевидно, что характеристики целостной медиаличности, выделенные выше, напрямую соотносятся с компетенциями. Возникает вопрос о формах, методах, технологиях формирования этих компетенций.

Нам близка точка зрения И.А. Фатеевой, которая отстаивает проектную технологию в рамках медиаобразования, акцентирует внимание на *медиаобразовательном проекте* как на одной из форм реализации указанной технологии. Она выделяет три фактора эффективности: использование проектной технологии, кадровый потенциал и наличие медиаобразовательной среды (Фатеева, 2007). В рамках дискуссии о формировании целостной медиаличности важно указать следующее: «Использование проектной технологии позволяет успешно достигать основной цели профессионального обучения – формирование *целостной структуры будущей профессиональной деятельности специалиста* (курсив наш. – В.Г.), что возможно только на основе предметного и социального ее моделирования в учебной обстановке и активного включения обучаемого в квазипрофессиональную деятельность» (Фатеева,

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика». URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-42-03-02-zhumalistika-524/> (дата обращения: 02.09.2022).

2007, с. 128). Об актуализации практической составляющей в обучении студентов-журналистов говорит М.А. Мясникова, предлагая задать «контекст будущей профессиональной деятельности, причем не только предметный, но и социальный» (Мясникова, 2014, с. 118). О том же пишет В.В. Тулупов: «Подготовка творческих проектов (выпуск учебной газеты, проектная зачетная работа, итоговая аттестационная работа) – это уход от традиционных форм контроля и оценки, актуализация полученных знаний, комплексное решение профессиональных задач» (Тулупов, 2016, с. 11).

Проектный метод обучения выбран нами по трем причинам: во-первых, в основе современного образовательного стандарта для высших учебных заведений лежит компетентностный подход, а указанный метод развивает необходимые компетенции. Во-вторых, в основе проектного обучения лежит деятельность, где обучающийся проявляет высокую степень субъектности при достижении целей, а СурГПУ уже более 10 лет под руководством действительного члена РАО профессора В.С. Лазарева работает над внедрением в образовательный процесс деятельностного подхода. В-третьих, проектный метод обучения эффективен благодаря дистанционным технологиям, например «виртуальной редакции».

Понятие «проектный метод» имеет ряд синонимичных или близких по смыслу вариантов: «проектное обучение», «метод проектов», «проектная технология обучения», «проектная деятельность», «проектная методика». Мы понимаем указанный метод как комплекс целенаправленных действий, который выполняет обучающийся или группа по заданию и под руководством педагога (наставника, фасилитатора) и в сотрудничестве с ним. Результатом подобной деятельности должен быть конкретный продукт, имеющий научный или творческий характер. Деятельность направлена на решение конкретной и важной проблемы. В процессе подготовки проекта происходит саморазвитие и самореализация обучающегося (Проектное обучение..., 2018; Универсальная журналистика..., 2018).

Результаты и обсуждение

Чтобы выявить отношение студентов к новым образовательным технологиям, формам и методам обучения в 2021–2022 учебном году на базе СурГПУ нами было проведено анкетирование студентов-журналистов старших курсов (3-й курс, группа Б-8201, 20 человек и 4-й курс, группа Б-7201, 17 человек). При этом на 3-м курсе работа велась с использованием стандартных технологий, а на 4-м – в рамках интегрированного проектного обучения при объединении таких учебных дисциплин, как «Анализ журналистского текста» и «Профессиональные творческие студии». Дисциплины были объединены в силу схожих компетенций, их творческого характера. Четверокурсники разделились на три группы и готовили медийные проекты, результаты которых презентовали на итоговом занятии. Темы студенты выбирали самостоятельно, но согласовали с педагогом. Ключевые требования к проекту: актуальность и социальная направленность. Темы были следующие: «Трэвел-блог „Путешествуем по России“», «Лонгрид как современный журналистский формат» и «Доктор, у меня это». Материалы проектов опубликованы

на сайте университета. Анкетирование проводилось по окончании изучения дисциплин.

Анкета включала вопросы, призванные выяснить, насколько обучающие знакомы с понятиями, компонентами и особенностями модульного обучения, имеют ли опыт подобной работы, если да, то какие были трудности и самое главное каково их отношение к данному методу, насколько он востребован в их среде, понимают ли они его важность в собственном саморазвитии, становлении как профессионалов и личностей (вопросы формирования идентичности в цифровую эпоху).

Первый вопрос касался определений понятий «учебная задача», «проект», «проектный метод», «учебный результат». Анализ полученных ответов показал, что знают значения данных понятий 93 % респондентов на 3-м курсе и 100 % – на 2-м. Второй вопрос был направлен на то, чтобы выяснить, каков опыт обучающихся в проектной деятельности (учитывался как школьный, так и вузовский опыт). Выяснилось, что опыт проектной деятельности получен в основном в школе. Многие участвовали в научном конкурсе «Шаг в будущее» по различным дисциплинам, реализовали под руководством учителей экологические и социальные проекты. Однако нами было отмечено, что в вузе проектной деятельностью занимались лишь 53 % студентов 3-го курса. Четверокурсники, как правило, описывали опыт, полученный при подготовке проектов в рамках названных выше дисциплин. Многие студенты на 1-м курсе участвовали в подготовке учебной газеты под названием «СтудMEDIA»² и в телевыпусках «СурГПУ-микс». Полученные данные свидетельствуют о недостаточном использовании метода в работе с журналистами, при этом открывается широкое поле для совместной деятельности в учебных группах.

Третий вопрос был открытым и позволял выяснить, каково отношение респондентов к проектному методу. В обеих группах ответы в основном положительные (74 % – 3-й курс; 87 % – 4-й курс). Однако многие отмечали, что хотели бы получить больше опыта и знаний в этой деятельности, увидеть результаты труда опубликованными. Отмечалась низкая мотивация и то, что не все участники проекта вносят одинаковый вклад в общее дело: «Как правило, проект „тянут“ 1–2 инициативных человека, остальные просто „прицепом“. А в итоге все получают одинаковые оценки» (О.К., 4-й курс); «Проект отнимает много времени, а для чего это все? Не проще ли просто ходить на занятия и получать баллы? Что в итоге? На что работает проект?» (Е.П., 3-й курс). Многим не нравятся предлагаемые темы проектов и необходимость в них участвовать. Иными словами, проект, по мнению ряда студентов, лишает свободы выбора. При этом готовить проект индивидуально студенты не хотели бы, поскольку это ответственная и трудоемкая работа, легче его делать в команде.

Таким образом, проект должен быть все-таки групповым, студенты, участвующие в его реализации, должны быть мотивированы, понимать пользу проекта для общества (социальная направленность проекта), представлять образ результата (практико-ориентированный характер проекта).

² Газета имеет свою страницу в соцсети «ВКонтакте».

Кроме того, проект должен иметь для студента личностный смысл, только в этом случае обучающийся проявит высокую активность в его реализации и будет готов отвечать за результаты.

Благодаря ответам на четвертый комплексный вопрос («Совпадает ли личная цель с учебной? Оптимальны ли выбранные средства для достижения поставленных целей? Как поставленная цель и полученный результат работают на будущую профессионализацию?»), мы выяснили, насколько обучающиеся способны осуществлять рефлексию по отношению к деятельности и результатам в ходе реализации проекта. Этот аспект для нас важен как показатель самоидентификации личности студента, его умения оценивать свой потенциал и свою роль в социуме, соотносить способы выполнения задания и результаты труда. Подобная рефлексия позволяет студенту выявить противоречия (если они есть) между личными устремлениями и задачами, которые ставит перед обучающимися педагог и вуз в целом. Повышается уровень мотивации, а также осознанности в процессе обучения. Большинство студентов (98 %) понимают значимость рефлексии, однако отмечают сложности при ее осуществлении, поскольку привыкли совершать данную мыслительную операцию только под руководством педагога.

Пятый вопрос («Насколько, по вашему мнению, важна проектная деятельность в вузе при подготовке журналистов в цифровую эпоху?») позволил уяснить, каков вклад проектного метода в формирование целостной медиальности, готовой использовать свой научный и творческий потенциал в журналистике. Все студенты отметили важность и эффективность проектной деятельности, обозначили значимые особенности для саморазвития и профессионального становления личности: «Работа над проектом позволяет попробовать свои силы в профессии, не покидая вуза. Можно не бояться совершить ошибки, потому что можно их обсудить с одногруппниками и преподавателем, понять, как исправить. Для меня это был важный опыт, уверена, он мне пригодится» (Н.К., 4-й курс). Однако отмечается несамостоятельность студентов. Они привыкли к тому, что ими руководят, ставят задачи и требуют отчета. Это подавляет инициативу, которая так важна для журналистов, сужает поле для творчества, научного поиска. Именно поэтому многие студенты, признавая значимость проектной деятельности, говорят о том, что им не интересны проекты и они хотели бы вернуться в привычное образовательное пространство.

Шестой вопрос был направлен на выявление основных трудностей, с которыми столкнулись студенты при выполнении проекта. Перечислим основные.

1. Недостаточно знаний о проектной деятельности и ее формах. Студентам сложно сформулировать проблему, найти теоретические сведения, определиться со структурой проекта, наглядно и убедительно представить результаты перед аудиторией.

2. Низкая мотивация. Студенты не всегда понимают важность проектной деятельности для саморазвития и профессионального становления.

3. Неравнозначный вклад участников группы в общий результат.

4. Сложности представления полученных результатов аудитории (подготовка презентации, видеофильма, недостаточные ораторские навыки).

Результаты анализа полученных ответов отображены в диаграммах (рис. 1 и 2).

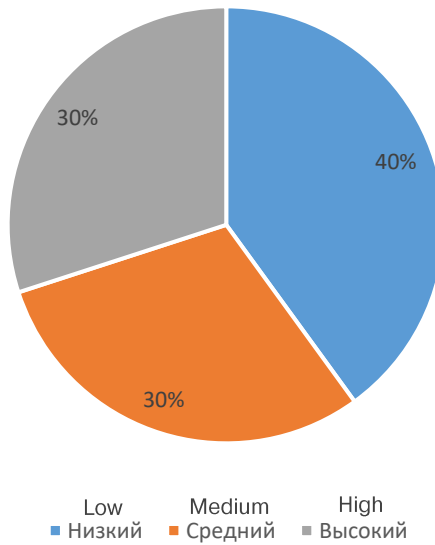

Рис. 1. Уровень проектной деятельности у студентов-журналистов 3-го курса
Figure 1. Level of project activity of 3rd year journalism students

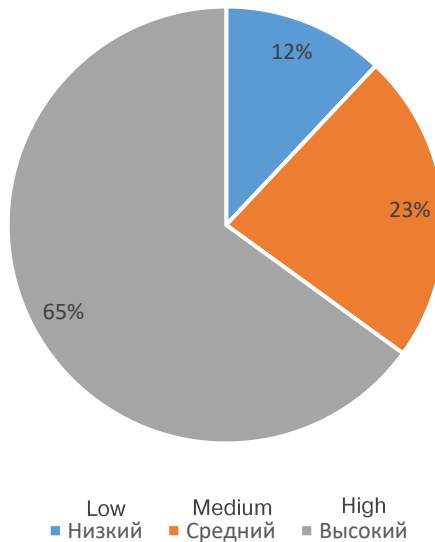

Рис. 2. Уровень проектной деятельности у студентов-журналистов 4-го курса
Figure 2. Level of project activity of 4th year journalism students

Как видим, активное участие студентов 4-го курса в практико-ориентированных проектах, темы которых они выбирали сами, повысило уровень понимания значимости проектной деятельности, мотивации, стремления к саморазвитию, умения работать в команде – улучшились те характеристики, которые можно отнести к *уровню проектной деятельности*. Эти данные – показатель высокой готовности выпускников противостоять угрозам

цифровизации и использовать ее инструменты для социальной адаптации и профессиональной самореализации.

Этапы реализации проектного метода в вузе. На основе полученных данных, предлагаем три этапа реализации проектного метода, формирующего целостную медиаличность студента-журналиста.

1. Организационно-аналитический. Основная нагрузка ложится на преподавателя. Нужно проанализировать учебный план, определить те курсы, которые можно объединить (учесть цели, задачи, формируемые компетенции, творческий и научный потенциал) при использовании проектного метода. Необходимо подготовить базу для проектной деятельности студентов, наметить коммуникативное пространство (Уразова и др., 2020). Стоит оценить с помощью тестирования умения студентов осуществлять проектную деятельность (входной контроль), выяснить их отношение к данному виду деятельности (степень мотивации), обозначить социально значимые темы, сформировать план работы.

2. Реализационно-рефлексивный. Следует выстроить маршрут по разработке и осуществлению проектной деятельности с учетом индивидуальных особенностей и запросов обучающихся. На основе полученных данных о мотивации студентов и их готовности работать определяются цели и задачи проекта (в соответствии с формируемыми в рамках выбранных дисциплин компетенциями), пути его подготовки и варианты представления результатов. Необходимо актуализировать практическую значимость и профориентацию проекта. Идеален вариант моделирования деятельности редакции печатного издания, теле- или радиостудии, интернет-ресурса; подведение итогов может быть соотнесено с моделированием процедуры отчета, например на планерке у главного редактора. Проекты лучше выполнять малыми группами, однако о своем вкладе в общий результат должен доложить каждый его участник.

3. Аналитический. Преподаватель проводит анализ собственной деятельности, корректирует план работы на следующий учебный год с учетом полученных данных.

Заключение

Использование метода проектов при подготовке будущих журналистов, как показывают анализ научных источников и наш эмпирический опыт, является эффективным и актуальным в условиях глобальных изменений, происходящих в медиaprостранстве. Обществу необходимы журналисты, способные работать в различных знаковых системах, в условиях конвергентной редакции, готовые не только находить и транслировать информацию, но и творчески ее перерабатывать, создавать оригинальные аналитические материалы. Это возможно, если процесс самоидентификации, формирования *целостной медиаличности* в условиях вузовского образования будет успешным. Иначе говоря, если вуз будет выпускать мотивированных, целеустремленных специалистов, способных нейтрализовать угрозы цифровизации, при этом использовать ее инструменты с целью трансляции гармоничной, сбалансированной картины мира.

Список литературы

- Алгави Л.О., Волкова И.И., Кадырова Ш.Н., Расторгуева Н.Е. Сетевое литературное творчество молодежи как ключ к пониманию поколения Z // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2021. № 3. С. 3–21. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.321>
- Гаврилов В.В. К вопросу о развитии специальных компетенций студентов-журналистов вуза в цифровую эпоху // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2022. Т. 76. № 1. С. 19–28. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.76.1.002>
- Гукасова М.М. Личность – центральное понятие персоналистской философии: медийный аспект // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2016. № 1. С. 86–90.
- Гукасова М.М. Медийная личность и персональная сфера: пределы расширения в социокультурной ситуации // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. № 3–1. С. 101–107. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-101-107>
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Кириллова Н.Б. «Номо medium» как объект и субъект информационной эпохи // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 17 (346). С. 17–23.
- Кириллова Н.Б. Медиакультура: теория, история, практика. М.: Культура: Академический проект, 2008. 494 с.
- Коломиец В.П. Медиазация медиа. М.: МГУ, 2020. 256 с.
- Мунье Э. Персонализм. М.: ИНИОН, 1993. 129 с.
- Мясникова М.А. Практическая подготовка арт-журналистов в рамках профессионального медиаобразования // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 12. С. 117–121.
- Проектное обучение: практики внедрения в университетах / под ред. Н.В. Исаева, Л.А. Евстратова, О.В. Лешуков. М.: ВШЭ, 2018. 150 с.
- Тулупов В.В. О вузовском журналистском образовании // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2016. Т. 22. № 3. С. 7–13.
- Универсальная журналистика: опыт проектного обучения / под ред. Л.П. Шестеркина. Челябинск: ЮУрГУ, 2018. 164 с.
- Уразова С.Л. Номо informaticus как тип личности. Конфликт зрелищного и реального на экране // *Вестник ВГИК*. 2011. № 9. С. 131–139.
- Уразова С.Л. Метаморфозы медиасистемы в ракурсе цифрового ускорения // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2022. Т. 22. № 1. С. 100–107. <https://doi.org/10.14529/ssh220113>
- Уразова С.Л., Волкова И.И., Писарева М.Н. Критерии формирования коммуникативного пространства в студенческой среде: погружение в творчество // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2020. Т. 15. № 1. С. 75–81.
- Фатеева И.А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации. Челябинск: ЧелГУ, 2007. 270 с.
- Федоров А.В. Медиаобразование в педагогических вузах. Таганрог: Изд-во Кучма, 2003. 124 с.
- Шилина М.Г. Медиазация в новой нормальности как трансгрессия: от метафоры к концепции? // *Российская пиарология: тренды и драйверы: сборник научных трудов в честь профессора В.Н. Степанова*. СПб., 2022. С. 68–72.
- Couldry N., Hepp A. *The mediated construction of reality*. Cambridge, Mass.: Polity, 2016.
- Dolničar V., Grošelj D., Hrast M.F., Vehovar V., Petrovčič A. The role of social support networks in proxy Internet use from the intergenerational solidarity perspective // *Telematics and Informatics*. 2018. Vol. 35. No. 2. Pp. 305–317. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.12.005>
- Galperin H., Arcidiacono M. Learning from or leaning on? The impact of children on Internet use by adults // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21. No. 2. Pp. 483–506. <https://doi.org/10.1177/1461444818799996>

- Grishchenko N. The gap not only closes: resistance and reverse shifts in the digital divide in Russia // *Telecommunications Policy*. 2020. Vol. 44. No. 8. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2020.102004>
- Grošelj D., Reisdorf B.C., Petrovčič A. Obtaining indirect internet access: an examination how reasons for internet non-use relate to proxy internet use // *Telecommunications Policy*. 2019. Vol. 43. No. 3. Pp. 213–224. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2018.07.004>
- Hampton K.N., Wellman B. Lost and saved... again: the moral panic about the loss of community takes hold of social media // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2018. Vol. 47. No. 6. Pp. 643–651. <https://doi.org/10.1177/0094306118805415>
- Simons G. Brand ISIS: interactions of the Tangible and Intangible Environments // *Journal of Political Marketing*. 2018. Vol. 17. No. 4. Pp. 322–353. <https://doi.org/10.1080/15377857.2018.1501928>
- Simons G. Digital communication disrupting hegemonic power in global geopolitics: new media shape new world order // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 2. Pp. 108–130. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-108-130>
- Yefanov A., Tomin V. The significance of protest mood in forming a developed civil society in Russia // *Russian Politics*. 2022. Vol. 7. No. 1. Pp. 147–165. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604015>

References

- Algavi, L.O., Volkova, I.I., Kadyrova, S.N., & Rastorgueva, N.E. (2021). Youth literary networks as a key to understanding generation Z. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (3), 3–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.321>
- Castels, M. (2000). *The information age: Economy, society and culture*. Moscow: HSE University. (In Russ.)
- Couldry, N., & Hepp, A. (2016). *The mediated construction of reality*. Cambridge, Mass.: Polity.
- Dolničar, V., Grošelj, D., Hrast, M.F., Vehovar, V., & Petrovčič, A. (2017). The role of social support networks in proxy internet use from the intergenerational solidarity perspective. *Telematics and Informatics*, 35(2), 305–317. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.12.005>
- Fateeva, I.A. (2007). *Media education: Theoretical foundations and implementation practice*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russ.)
- Fedorov, A.V. (2003). *Media education in pedagogical universities*. Taganrog: Izd-vo Kuchma Publ. (In Russ.)
- Galperin, H., & Arcidiacono, M. (2019). Learning from or leaning on? The impact of children on Internet use by adults. *New Media & Society*, 21(2), 483–506. <https://doi.org/10.1177/1461444818799996>
- Gavrilov, V.V. (2022). On the issue of the development of special competencies of university journalism students in the digital age. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 76(1), 19–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.76.1.002>
- Grishchenko, N. (2020). The gap not only closes: Resistance and reverse shifts in the digital divide in Russia. *Telecommunications Policy*, 44(8). <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2020.102004>
- Grošelj, D., Reisdorf, B.C., & Petrovčič, A. (2019). Obtaining indirect internet access: An examination how reasons for internet non-use relate to proxy internet use. *Telecommunications Policy*, 43(3), 213–224. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2018.07.004>
- Gukasova, M.M. (2016). Media personality and personal sphere: The limits of expansion in a socio-cultural situation. *Historical and Socio-Educational Thought*, 8(3–1), 101–107. (In Russ.)
- Gukasova, M.M. (2016). Personality – the central concept of personalist philosophy: The media aspect. *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, (1), 86–90. (In Russ.)
- Hampton, K.N., & Wellman, B. (2018). Lost and saved... again: The moral panic about the loss of community takes hold of social media. *Contemporary Sociology. A Journal of Reviews*, 47(6), 643–51. <https://doi.org/10.1177/0094306118805415>

- Isaeva, N.V., Evstratova, L.A., & Leshukov, O.V. (Eds). (2018). *Project-based learning: Practices of implementation in universities*. Moscow: HSE University. (In Russ.)
- Kirillova, N.B. (2008). *Media-culture: Theory, history, practice*. Moscow: Kul'tyra Publ.: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Kirillova, N.B. (2014). "Homo medium" as the object and subject of the information age. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 17(346), 17–23. (In Russ.)
- Kolomiets, V.P. (2020). *Mediatization of media*. Moscow: MSU. (In Russ.)
- Miasnikova, M.A. (2014). Practical training of art journalists in the framework of professional media education. *Pedagogical Education in Russia*, (12), 117–121. (In Russ.)
- Munier, E. (1993). *Personalism*. Moscow: INION Publ. (In Russ.)
- Shesterkina, L.P. (Ed). (2018). *Universal Journalism: the Experience of Project-Based Learning*. Chelyabinsk: SUSU Publ. (In Russ.)
- Shilina, M.G. (2022). Mediatization in the new normal as transgression: From metaphor to concept? *Russian PR: Trends and Drivers: Collection of Scientific Works in Honor of Professor V.N. Stepanov* (pp. 68–72). St. Petersburg: UNECON Publ.
- Simons, G. (2018). Brand ISIS: Interactions of the tangible and intangible environments. *Journal of Political Marketing*, 17(4), 322–353. <https://doi.org/10.1080/15377857.2018.1501928>
- Simons, G. (2019). Digital communication disrupting hegemonic power in global geopolitics: New media shape new world order. *Russia in Global Affairs*, 17(2), 108–130. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-2-108-130>
- Tulupov, V.V. (2016). On university journalistic education. *Izvestia Ural Federal University. Series 1. Problems of Education, Science and Culture*, 22(3), 7–13. (In Russ.)
- Urazova, S.L. (2011). Homo informaticus as a personality type. Conflict of the spectacular and the real on the screen. *VGIK Vestnik (Journal of Film Arts and Film Studies)*, (9), 131–139. (In Russ.)
- Urazova, S.L. (2022). Metamorphosis of media system in the perspective of digital acceleration. *South Ural State University Bulletin. Social Sciences and Humanities*, 22(1), 100–107. <https://doi.org/10.14529/ssh220113>
- Urazova, S.L., Volkova, I.I., & Pisareva, M.N. (2020). Criteria for the formation of communicative space in the student environment: immersion in creativity. *Scientific Notes of Zabaikalsky State University*, 15(1), 75–81. (In Russ.)
- Yefanov, A., & Tomin, V. (2022). The significance of protest mood in forming a developed civil society in Russia. *Russian Politics*, 7(1), 147–165. <https://doi.org/10.30965/24518921-00604015>

Сведения об авторе:

Гаврилов Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологического образования и журналистики, филологический факультет, Сургутский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 626417, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2. ORCID: 0000-0002-1279-3066. E-mail: victorg12@mail.ru

Bio note:

Viktor V. Gavrilov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philological Education and Journalism, Faculty of Philology, Surgut State Pedagogical University, 10/2 50 let VLKSM St, Surgut, 626417, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1279-3066. E-mail: victorg12@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-381-396
EDN: IFFHCG
UDC 070

Research article / Научная статья

Exposure of fake news to the Indian social media users

Bandana Pandey¹, Guarav Kumar¹, Leila O. Algavi²,
Manish Kumar², Vishal Sharma²

¹Gautam Buddha University,
Yamuna Highway, Greater Noida, Uttar Pradesh, 201312, Republic of India
²RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
 bandana@gbu.ac.in

Abstract. In the modern world, people are too techno-friendly and dependent on technology using the Internet for every work. The same goes for the news. People are shifting from traditional mass media to digital news platforms and getting news through websites, news portals, social media, etc. If you are dependent on the Internet for every kind of information, then you will face false information on the Internet. False or fake news is defined as any information that does not have any credible and reliable source behind it or any misleading information that is likely to mislead the public. The aim behind fake news transmission is to damage a person's or entity's reputation or advertising revenue. If you want not to fall into the fake news you should know about fake news detection and media literacy. The main purpose of the study is to check the exposure of fake news awareness and fake news detection methods among social media users. In the current scenario, this is much necessary to know that social media users have the advisable knowledge of fake news detection and media literacy because people easily fall into the rumors. Mob lynching is one of the biggest rumors on the Indian Internet. In this research, the survey method and questionnaire for data collection were used. The questionnaire was distributed randomly over different social media platforms and emails to the intended respondents. The findings obtained reveal that most fake or false news in India is transmitted through WhatsApp, but social media users have adequate knowledge of fake news and media literacy.

Keywords: misinformation, media literacy, India, WhatsApp

Author's contribution. *Bandana Pandey* – research concept and program, data analysis, project administration, writing – original draft. *Guarav Kumar* – analysis of materials, writing the text. *Leila O. Algavi* – analysis of materials, text editing. *Manish Kumar, Vishal Sharma* – collection, processing and verification of materials.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 27, 2022; revised December 30, 2022; accepted January 24, 2023.

For citation: Pandey, B., Kumar, G., Algavi, L.O., Kumar, M., & Sharma, V. (2023). Exposure of fake news to the Indian social media users. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 381–396. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-381-396>

© Pandey B., Kumar G., Algavi L.O., Kumar M., Sharma V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Воздействие фальшивых новостей на индийских пользователей социальных сетей

Б. Пандей¹, Г. Кумар¹, Л.О. Алгави²,
М. Кумар², В. Шарма²

¹Университет Гаутама Будды,
Республика Индия, 201312, Уттар-Прадеш, Большая Нойда, шоссе Ямуна

²Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 bandana@gbu.ac.in

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы распространения фейковых новостей среди индийских пользователей социальных сетей. В исследовании фейковые новости определяются как любая информация, не имеющая достоверного и надежного источника, или любые недостоверные сведения, способные ввести общественность в заблуждение. Подразумевается, что фейковые новости распространяются для нанесения ущерба репутации человеку или организации (компании, социальному институту), получения дохода от рекламы, увеличения популярности и т. д. Цель исследования – выявление степени осведомленности индийских пользователей социальных сетей о самом факте существования фейковых новостей, а также возможных методах их обнаружения и нейтрализации, определение наиболее популярных каналов распространения недостоверной информации. Для сбора данных использовался метод опроса и анкетирование. Анкета распространялась через различные социальные платформы и по электронной почте среди предполагаемых респондентов – пользователей соцсетей. Полученные результаты показали, что большинство фейковых новостей в Индии передается через WhatsApp, но пользователи социальных сетей обладают достаточными знаниями, чтобы обнаруживать и обезвреживать их.

Ключевые слова: дезинформация, медиаграмотность, Индия, WhatsApp

Вклад авторов. *Б. Пандей* – концепция и программа исследования, анализ полученных данных, администрирование проекта, подготовка исходного текста. *Г. Кумар* – анализ материалов, написание текста. *Л.О. Алгави* – анализ материалов, редактирование текста. *М. Кумар*, *В. Шарма* – сбор, обработка и проверка материалов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27 ноября 2022 г.; отрецензирована 30 декабря 2022 г.; принята к публикации 24 января 2023 г.

Для цитирования: *Pandey B., Kumar G., Algavi L.O., Kumar M., Sharma V.* Exposure of fake news to the Indian social media users // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 381–396. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-381-396>

Introduction

Communication is an important part of human action, such as trading, traveling, communication, etc. And in the time of globalization, every country depends on communication technologies for information. So, the whole world has changed due to the Internet. The Internet gives the world various opportunities for connecting to global society.

The main subject of this study is fake news, the biggest problem in every country, and fighting to stop the transmission of fake news. From the Indian perspective, there are various examples of fake news transmission as mob lynching. A few years ago, there were rumors on social media platforms that unknown people kidnapped the children in the villages and killed them. Under this issue, many states of India caught these types of people and beat them publicly, and some people died. The main reason to believe that rumor is digital and media illiteracy. People should be aware of fake news detection methods and media literacy to stop such crimes.

Social media sites are the general cause of fake news transmission. There are various social media, and millions of users visit these platforms for many reasons. Facebook, Twitter, and Whatsapp are the biggest social media platforms where fake news goes viral rapidly because millions of users share this information (Meel, Vishwakarma, 2020). According to data released by Union Minister Ravi Shankar Prasad in India today, YouTube has more than 448 million subscribers in India, followed by WhatsApp with over 530 m. users. There are roughly 410 m. of Facebook users, 210 m. of Instagram users, and 15 m. of Twitter users. It might also be because Indian users recently switched from Twitter to the Koo app, the national version of Twitter.¹ The data shows that WhatsApp is one of the top-ranking social media used in India. It is an internationally available cross-platform social media, where you can share information and reach users easily. Facebook and Twitter also are the largest social networks where news goes viral quickly. Hence most fake news peddlers transmit false or fake information on these types of social media (Duffy, Tandoc, 2020). So, we are discussing in this article only the news or information getting through social media platforms. The main aim of social media is to connect to society, but people also get information, sometimes deleterious, on those platforms. Most of the time, social media users fabricate false information on these sites to create public hype.

By accessing information through social media, there is a big chance to come up with fake news. Everyone can share any information on social media platforms, true or false, as there is no gatekeeping on these sites. This type of information sharing is known as citizen journalism. Every single social media user believes that he is a journalist. Some of them take advantage of this freedom and spread fake news. They transmit false information and facts that can sometimes ruin people's reputations. Thus, it is necessary to make people aware of media literacy and fake news.

False reports or incorrect information circulated in the form of articles, pictures, or videos that are presented as “actual news” with the intention of swaying people's beliefs are referred to as fake news. Social media users and covert social bots that comment on, republish, and retweet such news items are the main sources of fake news dissemination.² It usually aims to earn money through adver-

¹ Chakravarti, A. (2021, February 25). Government reveals stats on social media users, WhatsApp leads while YouTube beats Facebook, Instagram. *India Today*. Retrieved July 27, 2022, from <https://www.indiatoday.in/technology/news/story/government-reveals-stats-on-social-media-users-whatsapp-leads-while-youtube-beats-facebook-instagram-1773021-2021-02-25>

² IONOS Digital Guide. (2021, July 20). *What is fake news? Definition, types, and how to detect them*. Retrieved July 27, 2022, from <https://www.ionos.com/digitalguide/online-marketing/social-media/what-is-fake-news/>

tising or to harm someone's or an organization's reputation. The phrase, which does not have a clear definition, has been used more loosely to refer to any false information, including inadvertent and unconscious mechanisms, as well as news that is averse to the perspective of high-profile individuals. Few studies describe the different types of fake news. Information can be two types of Misinformation and Disinformation. Claire Wardle defines various types of fake news satire, Parody, Manipulation, Fabrication, Propaganda, Hoax, Rumors, Unscientific claims, etc.³

A framework for accessing, analysing, and creating communications in a range of media, including print, video, and the Internet, is provided by media literacy. With the help of media literacy, people can better grasp how the media affects society and develop the critical thinking and self-expression abilities required of democratic citizens. Media literacy, therefore, is about helping students become competent, critical, and literate in all media forms so that they control the interpretation of what they see or hear rather than letting the interpretation control them. To become media literate is not to memorize facts or statistics about the media, but rather to learn to raise the right questions about what you are watching, reading, or listening to. Without this fundamental ability, an individual cannot have full dignity as a human person or exercise citizenship in a democratic society where to be a citizen is to both understand and contribute to the debates of the time.⁴

Why are we talking about media literacy and fake news? Since the beginning of COVID-19 in the world, lots of messages and links circulated on these social media sites. As for last year's news on social media sites, we can easily see the abundance of false information, links, news, unscientific claims much more content spreading on these social media sites (Apuke, Omar, 2021). People were sharing messages like how to protect you from COVID-19. At the start of COVID-19, messages transmitted on social media sites like that smoking is good for COVID-19, so people who smoke would never be hit by COVID-19 virus. This type of message was circulating on WhatsApp and Facebook. Another message was a suggestion to intake garlic, which also protects against COVID-19. These unscientific claims circulated on Facebook, Twitter, and WhatsApp, and people have been affected by this information. That was due to a lack of knowledge, information, or media literacy. Without any verification of these messages, people were using these things, not knowing it was fake information spreading on these social media platforms. If people were aware of fake news and media literacy, they would never fall for false information. Hence, we are conducting this study on fake news awareness on social media sites.

Now a couple of words about Echo Chambers. An echo chamber is a circumstance where someone only hears information or viewpoints that mirror and support their own. Echo chambers can stifle critical thinking and distort a person's perspective, making it harder for them to consider alternative points of view and engage in complex discussions. Confirmation bias, or the propensity to favor in-

³ Wardle, C. (2017, February 16). *Fake news. It's complicated*. Resource Centre on Media Freedom in Europe. Retrieved July 27, 2022, from <https://www.rcmediafreedom.eu/Publications/Reports/Fake-news.-It-s-complicated>

⁴ Center for Media Literacy. (2021). *What is media literacy? A definition... and more*. Retrieved July 27, 2021, from <https://www.medialit.org/reading-room/what-media-literacy-definitionand-more>

formation that supports preexisting ideas, contributes to their growth.⁵ According to Oxford Advanced Learner's Dictionary, when beliefs are amplified or reinforced through communication and repetition within a closed system that is shielded from rebuttal, this situation is referred to as an “echo chamber” (Hornby, 2010). Social media platforms are the places where information is overloaded among the users, which creates information echo chambers. Social media increase the consumption of news, which affects a person's belief system. More exposure to a particular story changes our perspective and lets us believe the same in which manner it is persisted (Terren, Borge-Bravo, 2021).

Materials and research methods

The study is based theoretically on several previous research. First, it is “*Fake news – A Pandemic within a Pandemic*”. In the article, Priyanka Mishra identified the various types of fake news transmitted during the pandemic. She pointed out, “there is no single solution to curb this menace of fake news which has even been given a new name by the WHO as ‘Infodemic’ – an abundance of information which contains both verified and unverified news stories.” P. Mishra argued that misinformation flows highly impact society, and officials don't have any framework to stop these types of information. In the future, we must take some actions and create a framework for fake news detection. It is possible merely with the help of various partnerships at the local levels as well global levels (Mishra, 2021).

The second is “*Does Media Literacy Help Identification of Fake News? Information Literacy Helps, but Other Literacies Don't*”. In this study, based on an online survey, the researcher concludes that people with more information literacy more significantly identify fake news. It is depended on how well individuals navigate the digital world and get information from valid and authentic sources. It is very difficult to recognize fake news in the online world, if people are well-skilled and knowledgeable of digital literacy, and media literacy, and equipped with their skills can easily detect fake news (Jones-Jang et al., 2021).

The third is “*Social Media Fake News in India*”. This study finds several themes, but health-related misinformation, such as fake information about medical facilities, and lockdown rumors, were topped on social media sites in India. This study shows that most of the content is contained in text, video, and photo formats and finds that the number of social media users increased by 75% during the pandemic. Basically, during the pandemic, negative fake news was circulated on social media sites and mostly contained visual content (Al-Zaman, 2021).

The fourth is “*Combating fake News through Digital Media Literacy: Study on Digital Media Users of Bhopal City of India*”. This study revealed that in India most youngsters use social media not only for entertainment purposes but also for connecting to professionals in their field, and nowadays, digital media users consume too much digital media content. Most social media users are youth and consume information through social media without verifying and cross-checking, which might be the reason fake news paddlers target the youth for false infor-

⁵ GCFGlobal. (2022). *Digital media literacy: What is an echo chamber?* Retrieved July 27, 2022, from <https://edu.gcfglobal.org/en/digital-media-literacy/what-is-an-echo-chamber/1>

mation. This study also shows that Indian youth are mostly unaware of these types of traps which is why they easily fall for fake news paddlers. Hence, social media users need to know digital media literacy and fact-checking (Pathak, Patel, 2020).

And finally, the fifth is “*Fake News, Alternative Facts, and Disinformation: The Importance of Teaching Media Literacy to Law Students*”, which is concerned with media literacy education. This study suggests that some media literacy models could easily be applied to train law students and educate them about media literacy. University should add some media literacy courses and credit-based exams among law students, it will also help to understand media literacy (Dell, 2018).

Now, a proper research method is very necessary for the study. According to the need of the study, the researchers selected the appropriate research method. In this study, researchers used the survey method for collecting data from the pre-defined groups of respondents. The predefined group of this study belongs to social media users of various social media sites. In this study, researchers do not consider any age group because of all age groups people use social media sites. Every research needs good planning and execution for data collection. For this study researcher selected the questionnaire as a tool for data collection.

The questionnaire was prepared through the Google form for data collection and these Google forms were randomly distributed over social media platforms and emails to the intended persons. In this study, researchers used the Simple random sampling method to select the social media users. Questionnaires were distributed among 100 respondents, which were distributed on various social media platforms. These questionnaires were distributed over Facebook, WhatsApp, and Twitter, platforms among social media platforms.

Through Google forms, researchers collect the primary data for study and used secondary data from various sources like reports, books, research papers, etc. After collecting the data through the Google form, the researchers prepare all the graphs manually on MS Excel to use the data from Google Sheets.

The aim of this study is to know the awareness level of fake news among social media users.

The objectives of the study are:

1. To check the awareness level of fake news among the social media users.
2. To know how social media users detect or verify fake news.

Discussion and data analysis

The data of this study were collected through Google forms. Google forms were distributed on various social media sites. After receiving the data through Google sheets, we prepared the graphs with the help of MS Excel.

Demographic variables. The questionnaire was distributed among the 100 respondents who received the entire filled questionnaire. Out of 100 respondents, male respondents are 69 and female respondents are 31. It means a majority of the respondents are male for this study. The bar graph shows the number of respondents in terms of males and female (Figure 1).

The bar graphs represent the professions of the respondents, which is part of this research paper (Figure 2). Out of the total respondents, 47 are students means they are in college going doing their graduation and master's, 18 respondents are

employed, 10 respondents are self-employed, 9 respondents are scholars of various subjects, and left respondents belong to other categories. A majority of respondents are students.

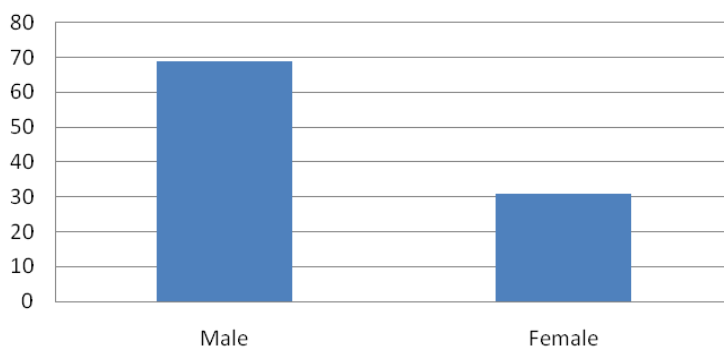

Figure 1. Gender, number of respondents

Figure 2. Profession, number of respondents

Users of social media sites. Figure 3 shows the representation of how many respondents used social media sites. The data shows that a maximum number of respondents use social media sites. Out of the total respondents, 77 respondents mark the yes option meaning they used social media sites, while 5 respondents mark the option as no, meaning they do not use social media sites, and 18 respondents use social media sites sometimes. According to the above, out of the total respondents, 77% of respondents used social media sites, and only 5% of respondents do not use social media sites.

Social media platform used by the respondents. Figure 4 shows that which social media platforms respondents used most. Out of the total respondents, 45% of respondents mark the option “All the above”, that means they used various social media platforms like Facebook, Twitter, Instagram, and WhatsApp. While 9% of respondents mark option only Facebook, 27% of respondents mark option Instagram while 13% of respondents mark option WhatsApp, and 6% of respondents mark option Twitter. According to the data of the bar graph, most of the respondents used all the social media platforms, and a maximum number of the respondents used Instagram.

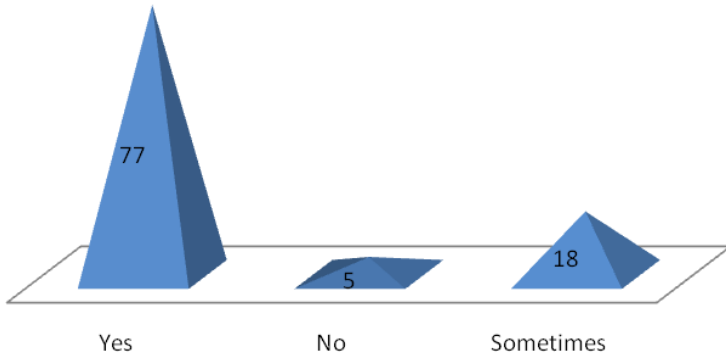

Figure 3. Social media use, number of respondents

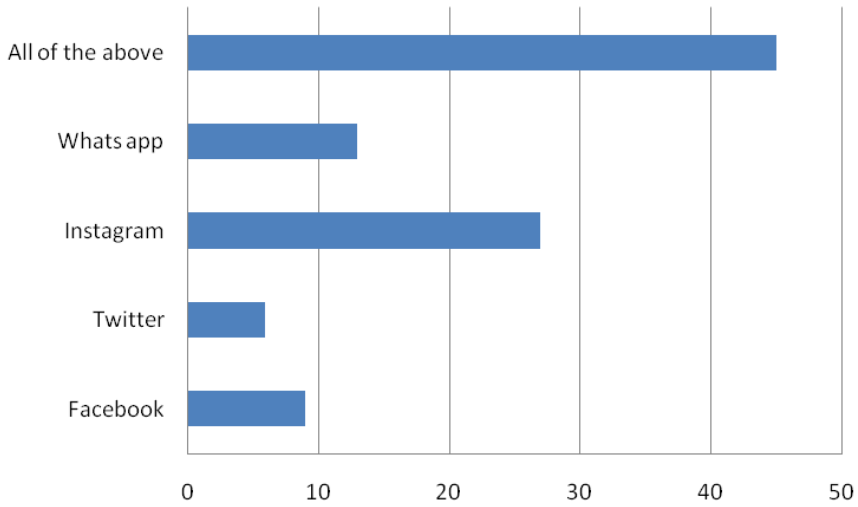

Figure 4. Media platforms used, % of respondents

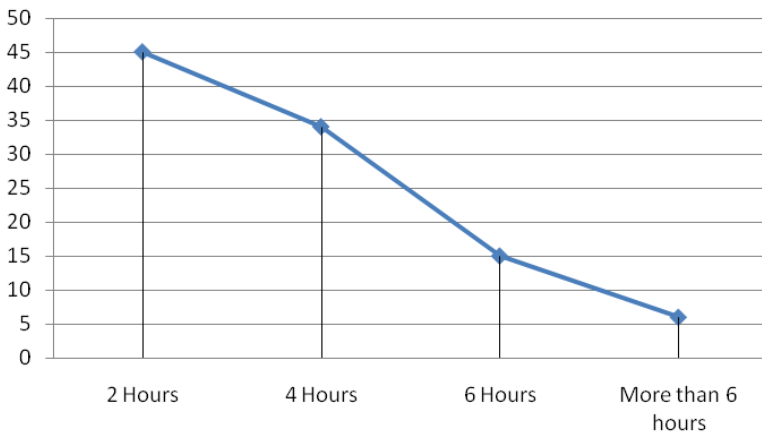

Figure 5. Use of social media sites per day, % of respondents

Time to used social media platforms by the respondents. Figure 5 represents how many hours respondents used social media sites per day. Out of the to-

tal respondents, 45% of respondents mark option “2 hours”, which means they use social media platforms only 2 hours a day. While 34% of respondents mark the option “4 hours”, 15% of respondents mark “6 hours”, and 6% of respondents mark the option “more than 6 hours” per day. Though the average time respondents use social media sites is only two hours a day. It means out of 24 hours respondents gave very less part for the social media sites. It shows that users are not addicted to social media platforms.

Fake news faced by the respondents on these social media sites. Figure 6 shows how many respondents faced fake news on social media sites. Out of the total respondents 80% respondents mark option “Yes”, which means they encountered fake news on social media sites, and 4% respondent mark option for “No”, which means they did not encounter fake news on the social media platforms, while 16% encountered fake news sometimes on the social media platforms. According to data, a majority of the respondents, 80%, met fake news on various social media platforms.

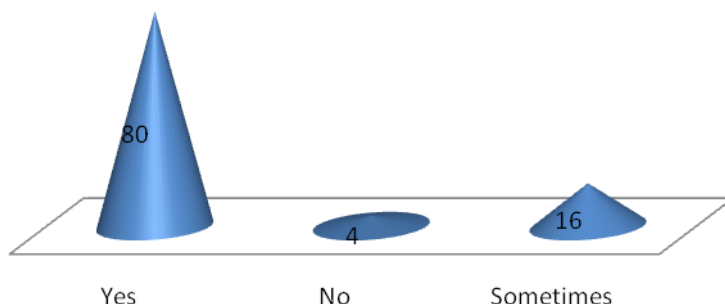

Figure 6. Faced fake news on social media sites, % of respondents

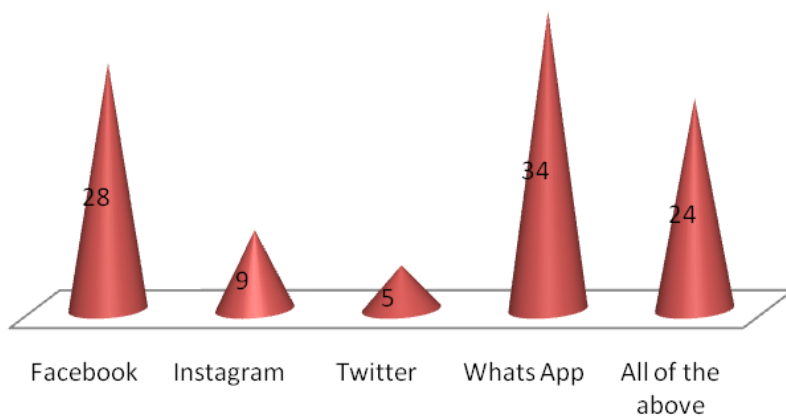

Figure 7. Platforms, where respondents faced fake news on, % of respondents

On which social media platforms do you get more fake news. Figure 7 describes which platforms respondents faced fake news on. Out of the total respondents, 28% of respondents mark option Facebook, 9% of respondents mark option Instagram, and 5% of respondents go with option Twitter. Out of the total respondents, 34% of respondents mark option WhatsApp, which means respondents

received most fake news on WhatsApp, while 24% of respondents mark the option “All the above”, which means most of the respondents encountered fake on all the platforms – Facebook, Instagram, Twitter, and WhatsApp. This data reveals data most fake news circulated over WhatsApp.

Types of fake news stories faced by the respondents. Figure 8 shows which types of fake news respondents faced on social media sites. Out of the total respondents, 28% respondents mark political news related content circulated in the form of fake news over the various social media platforms than 22% of respondents mark health-related content circulated in the form of fake news on social media platforms, and 22% also think that religious news is also circulated as fake news on these platforms. Respondents also mark other issues like Crime; Entertainment and Miscellaneous which also circulated in the form of fake news on these social media platforms. According to this data, most politics-related news circulated in the form of fake news over various social media platforms like WhatsApp, Instagram, Twitter, and Facebook. These platforms are popular among fake news paddlers.

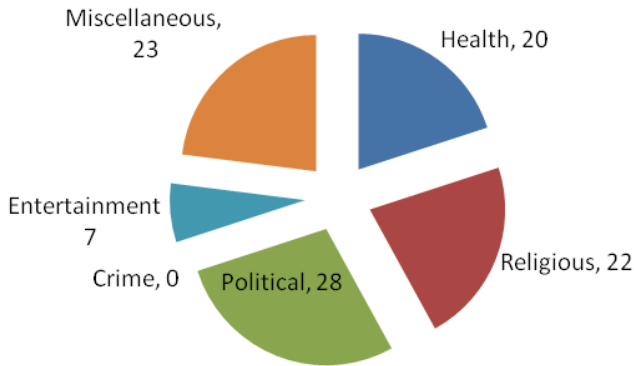

Figure 8. Types of fake news, % of respondents

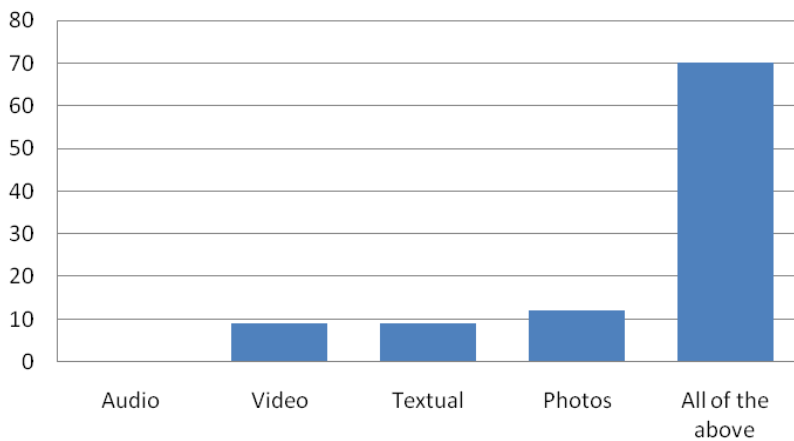

Figure 9. Types of fake news content form, % of respondents

Types of fake news content you get on these social media sites. Figure 9 shows that types of fake news content form circulated over social media sites.

Out of the total respondents, 70% of respondents go with “All the above option”, which means respondents get fake news content in the form of audio, video, text, and photos. The least majority goes with option audio, video, text, and photos. 12% of respondents marked photos that they believe the mostly fake news paddler disseminates fake news in the form of photos over the various social media platforms, while 9% of respondents go with the video and textual option. They also believe that most fake news paddlers spread fake news in the form of text messages and video on social media platforms. But most of the respondents think that most fake news paddlers used text, video, audio, and photos for fake news dissemination over social media platforms.

Knowledge of fake news verification. Figure 10 shows how many respondents know how to verify fake news. Out of the total respondents, 79% of respondents goes with the option “yes” that they know how to verify fake news, 3% of respondents do not know about fake news verification, while 18% of respondents go the option sometimes that they can verify fake news, sometimes they do not know proper methods of fake news verification. According to the data in the Table, most of the respondents have proper knowledge and skills in fake news verification methods of the fake news.

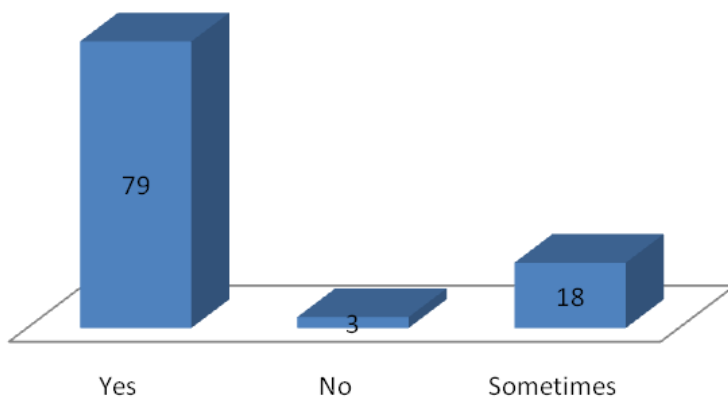

Figure 10. Knowledge of fake news verification, % of respondents

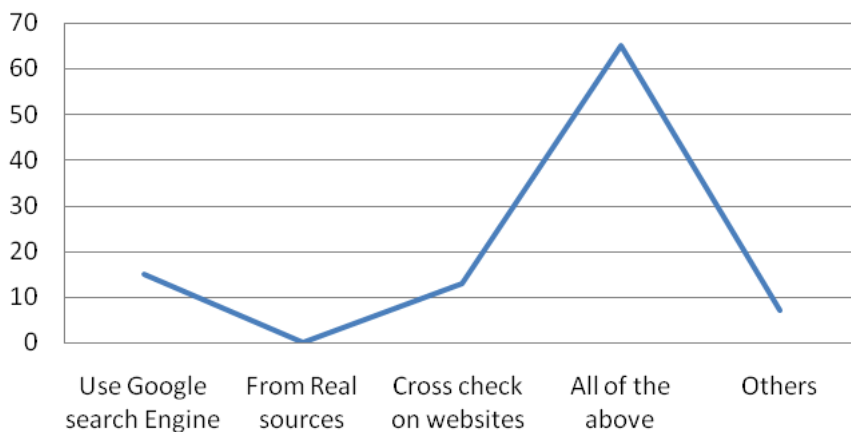

Figure 11. Means of verification of fake news stories, % of respondents

Verification of fake news stories. Figure 11 shows how respondents verify fake news stories on social media platforms. Out of the total respondents, 15% of respondents use the Google search engine for verification, while 13% of respondents cross-check fake news on websites, and 7% of respondents go with other methods of fact-checking rather than the given option in the questionnaire. Though, 65% of respondents used all these methods for fact-checking and verification of fake news stories on various social media platforms. This study reveals that respondents use mixed methods of fake news verification.

Preventing measures to decline the transmission of a fake news story. In the Table, the researchers mentioned the various prevention methods of fake news received through the data of the questionnaire respondents who shared numerous methods for preventing fake news on social media platforms. These prevention methods can help various social media users protect themselves from the trap of fake news content.

Prevention methods

Track and verify the source before transmission	Should not follow the fake accounts
Use Google for cross check	If any news come on your mobile first check
Alert the audience and their audience that the news item they shared is false	the news that the news is true or false after verification suggest it to others
Cross check and verification from reliable sources before sharing	Getting news from reputed sources, go directly to the credible websites, Google it, recognize option from fact checking
Controlled by government	
Every post should be checked for its validity before being share	It very hard to stop the transmission of fake news we must make people aware that they can point out which news is true or false
Fake accounts should be remove	
Aware the society and knowledge of media literacy	It rules should be add
Should not believe blindly on such news	Government should take preventive measure to stop fake news

The main motive behind the transmission of fake news. Figure 12 shows the motive behind the fake news transmission of the fake news paddlers. Out of the total respondents, 13% of respondents think that people used fake news for earning, 25% of respondents believed people distributed fake news to spread propaganda, 10% respondents – to spread sensationalism, and 8% respondents think, people spread fake news for publicity. 44% of respondents mark the option “All the above”, which means they think, that fake news paddlers used fake news for profit, spreading propaganda, sensationalism, and publicity, that is the reason for fake news spreading.

Knowledge of media literacy. Figure 13 shows how many respondents know about media literacy, 77% of respondents mark option “Yes”, which means most of the respondents know about media literacy, while 10% of respondents mark option “No”, and 13% of respondent mark option “Sometimes”. Data shows that the maximum number of respondents know about media literacy.

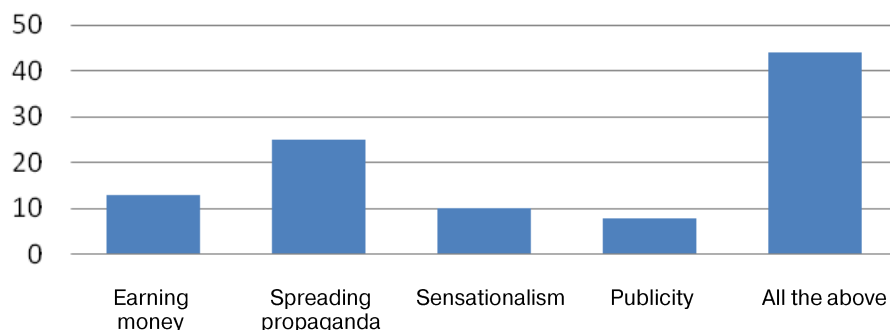

Figure 12. Motives behind the fake news transmission, % of respondents

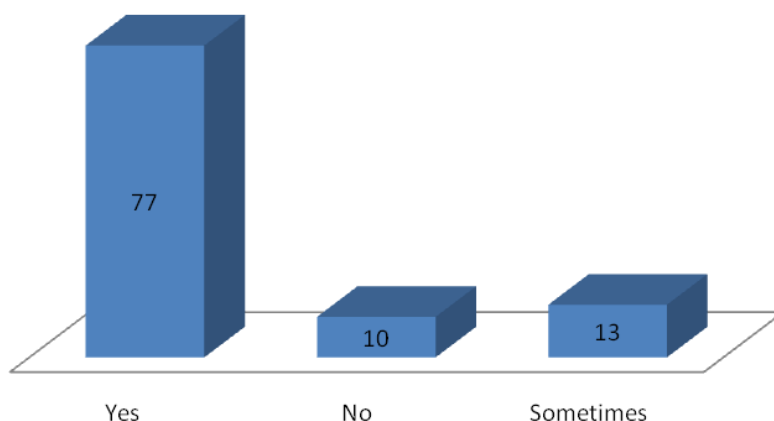

Figure 13. Knowledge of media literacy, % of respondents

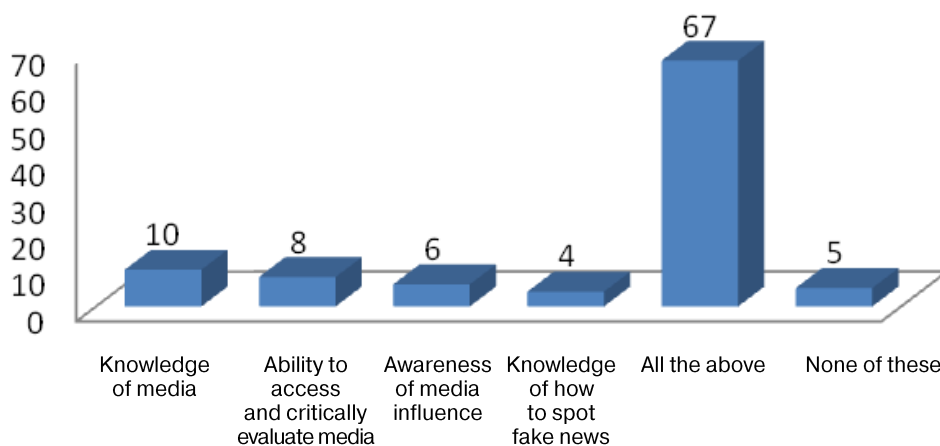

Figure 14. Understanding of media literacy, % of respondents

Understanding of media literacy. In this question, researchers asked the respondents about their knowledge and perception of media (Figure 14). A majority of respondents mark the option “All the above”. 67% of respondents think that media literacy is “Knowledge of media”, while 10% of respondents mark the op-

tion “Knowledge of media”, 8% of respondents mark the option “Ability to access and critically evaluate media”, 6% of respondents mark the option “Awareness of media influence”, and 4% of respondents mark the option “Knowledge of how to spot fake news”. But most of the respondents have sufficient knowledge of media literacy.

Lack of media literacy is the biggest cause of fake news. This question is based on five pointers Likert scale (Figure 15). 65% of respondents “Very much agree” that lack of media literacy is the biggest cause of fake news, while many respondents “Agree for same”. 35% of respondents “Very less” and “Less” agree that lack of media literacy is not a cause of fake news. Thus, a majority of respondents believe that a lack of media literacy is the biggest cause of fake news.

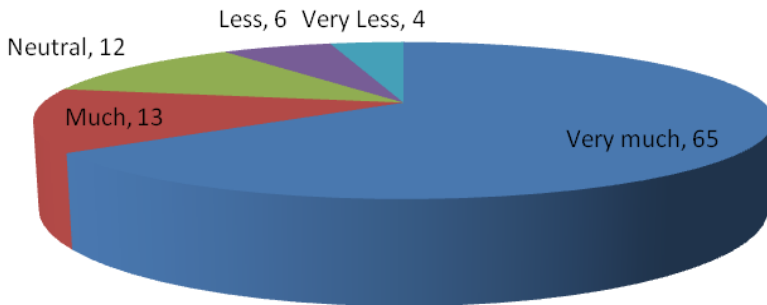

Figure 15. Lack of media literacy as the cause of fake news, % of respondents

Results

1. This study shows that the maximum number of respondents used various social media platforms like WhatsApp, Facebook, Instagram, and Twitter. They spend 2 hours on average per day on different social media platforms.

2. 80% of respondents in this study faced fake news on various social media platforms. It means the circulation of fake news over social media platforms is very high. Most respondents believed that most fake news circulated across all social media platforms like WhatsApp, Facebook, Instagram, and Twitter. But 34% of respondents mark WhatsApp that the most fake news spread across WhatsApp.

3. 70% think that most political-related fake news circulated across the various social media platforms in all media formats, i.e. photo, text, audio, and video. It means fake news paddling all forms of content and spreading fakes across many social media platforms.

4. 79% of respondents know about the fact-checking verification methods of fake news. 65% of respondents verify information through the Google search engine, trustworthy news sources, cross-checking on websites and other sources, and some respondents use different methods or sources for fake news verification.

5. 44% of respondents believe that the reason behind the spreading of fake news across social media platforms is for profit, spreading propaganda, sensationalism, and publicity.

6. 77% of respondents have proper knowledge and awareness of media literacy. 65% of respondents very much agree with the statement of lack of media literacy is the biggest cause of fake news.

Conclusion

Nowadays, everyone is connected through various social media platforms for different purposes. This study's results also highlighted that most respondents used social media platforms for chatting, communication, information, and entertainment purposes. They know about fake news, fact-checking, and media literacy. Respondents admitted that most fake or false news is transmitted over social media platforms such as Facebook, WhatsApp, Twitter, etc. It means that social media users have to be trained in fact-checking and media literacy education. The government should take the initiative and create a frame for detecting fake news. If social media users have the knowledge and awareness of fake news and fact-checking they cannot fall into the trap of fake news peddlers.

Social media created an information echo chamber on social media platforms. So, we must identify the proper sources to get the correct information or to get into the trap of fake news. We should also make a habit to check several news sources to make sure we're receiving accurate, impartial information, engaging in dialogue with others who hold opposing viewpoints, and presenting new ideas with accuracy, tolerance, and respect.⁶ These things also help us get out of the information echo chambers that social media platforms are overloaded with.

Limitations of the study. This study has some own limitations. This study was conducted on a sample size of 100 and a pre-defined group of social media sites. Further, this study may also be conducted on a big sample size among the different groups.

References

- Al-Zaman, M.S. (2021). COVID-19-related social media fake news in India. *Journalism and Media*, 2(1), 100–114. <https://doi.org/10.3390/journalmedia2010007>
- Apuke, O.D., & Omar, B. (2021). User motivation in fake news sharing during the COVID-19 pandemic: An application of the uses and gratification theory. *Online Information Review*, 45(1), 220–239. <https://doi.org/10.1108/OIR-03-2020-0116>
- Dell, M. (2018). Fake news, alternative facts, and disinformation: The importance of teaching media literacy to law students. *SSRN Electronic Journal*, 35(2). <https://doi.org/10.2139/ssrn.3002720>
- Duffy, A., Tandoc, E., & Ling, R. (2020). Too good to be true, too good not to share: The social utility of fake news. *Information, Communication & Society*, 23(13), 1965–1979. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2019.1623904>
- Hornby, A.S. (2010). *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. 8th ed. Oxford: Oxford University Press.
- Jones-Jang, S.M., Mortensen, T., & Liu, J. (2021). Does media literacy help identification of fake news? Information literacy helps, but other literacies don't. *American Behavioral Scientist*, 65(2), 371–388. <https://doi.org/10.1177/0002764219869406>
- Meel, P., & Vishwakarma, D.K. (2020). Fake news, rumor, information pollution in social media and web: A contemporary survey of state-of-the-arts, challenges and opportunities. *Expert Systems with Applications*, 153, 112986. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2019.112986>

⁶ GCFGlobal. (2022). *Digital media literacy: What is an echo chamber?* Retrieved July 27, 2022, from <https://edu.gcfglobal.org/en/digital-media-literacy/what-is-an-echo-chamber/1>

- Mishra, P. (2021). Fake news – a pandemic within a pandemic. *Psychology and Education Journal*, 58(2), 629–636. <https://doi.org/10.17762/pae.v58i2.1893>
- Pathak, B., & Patel, K. (2020). Combating fake news through digital media literacy: Study on digital media users of Bhopal City of India. *International Journal on Transformations of Media*, 5(2), 49–65.
- Terren, L., & Borge-Bravo, R. (2021). Echo chambers on social media: A systematic review of the literature. *Review of Communication Research*, 9, 99–118. Retrieved July 27, 2022, from <https://rcommunicationr.org/index.php/rcr/article/view/94>

Bio notes:

Bandana Pandey, PhD, Professor, Department of Mass Communication and Media Studies, School of Humanities & Social Sciences, Gautam Buddha University, Yamuna Highway, Greater Noida, Uttar Pradesh, 201312, Republic of India. ORCID: 0000-0002-3195-8807. E-mail: bandana@gbu.ac.in

Guarav Kumar, Doctorate Scholar, Department of Mass Communication and Media Studies, School of Humanities & Social Sciences, Gautam Buddha University, Yamuna Highway, Greater Noida, Uttar Pradesh, 201312, Republic of India. ORCID: 0000-0003-0159-4499. E-mail: gk.sdsadar@gmail.com

Leila O. Algavi, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5335-8506. E-mail: algavi-lo@rudn.ru

Manish Kumar, PhD student, Department of Mass Communication, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7115-112X. E-mail: mannipandey66@gmail.com

Vishal Sharma, PhD student, Department of Mass Communication, Philological Faculty, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0451-2893. E-mail: vishalsharma1393@gmail.com

Сведения об авторах:

Пандей Бандана, доктор философии, профессор, кафедра массовых коммуникаций и медиаисследований, школа гуманитарных и социальных наук, Университет Гаутама Будды, Республика Индия, 201312, Уттар-Прадеш, Большая Нойда, шоссе Ямуна. ORCID: 0000-0002-3195-8807. E-mail: bandana@gbu.ac.in

Кумар Гуарав, докторант, кафедра массовых коммуникаций и медиаисследований, школа гуманитарных и социальных наук, Университет Гаутама Будды, Республика Индия, 201312, Уттар-Прадеш, Большая Нойда, шоссе Ямуна. ORCID: 0000-0003-0159-4499. E-mail: gk.sdsadar@gmail.com

Алгави Лейла Омаровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории журналистики, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-5335-8506. E-mail: algavi-lo@rudn.ru

Кумар Маниш, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-7115-112X. E-mail: mannipandey66@gmail.com

Шарма Вишал, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-0451-2893. E-mail: vishalsharma1393@gmail.com

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-2-397-414
EDN: HXZZCG
УДК 328.184(470)

Научная статья / Research article

Медиастратегии с участием лоббистов: государственная поддержка IT-индустрии

А.А. Котов¹, К.Р. Нигматуллина², М.Л. Поляков^{3,4}

¹Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Российская Федерация, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82

⁴Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76

 andres.kotov@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена коммуникационная составляющая лоббистской деятельности и роль медиакоммуникаций в достижении лоббистских целей на примере формирования правового поля отрасли информационных технологий (ИТ) в условиях 2022 г. В качестве эмпирического материала выбран публичный контент, инициированный крупными ассоциациями, отстаивающими в медиаполе интересы отрасли. Показана последовательная коммуникативная сопряженность ИТ-отрасли с деятельностью Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Для анализа процесса лоббирования использована система управления репутацией, мониторинга СМИ и социальных медиа «СКАН-Интерфакс». Применительно к теме лоббирования интересов ИТ выявлен разрыв в коммуникационной активности между Минцифры и отраслевыми ассоциациями в абсолютных показателях. При этом в относительных показателях к общему количеству упоминаний в СМИ усилия оказались сопоставимы. Обнаружена актуализация медиастратегии ИТ-ассоциаций по передаче публичных заслуг регулятору – Минцифре, при этом сделан вывод об эффективности лоббистских усилий. Смысловой анализ коммуникационной активности конкретной ассоциации продемонстрировал алгоритм реализации целей медиатизированного лоббирования.

Ключевые слова: коммуникации, лоббизм, медиатизация политики, медиатизированное лоббирование

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Котов А.А., Нигматуллина К.Р., Поляков М.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 29 декабря 2022 г.; 5 февраля 2023 г.; принята к публикации 4 марта 2023 г.

Для цитирования: *Котов А.А., Нигматуллина К.Р., Поляков М.Л.* Медиастратегии с участием лоббистов: государственная поддержка ИТ-индустрии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С. 397–414. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-397-414>

Media strategies with lobbyists: government support for the IT industry

Andrey A. Kotov¹, Kamilla R. Nigmatullina², Maksim L. Polyakov^{3,4}

¹*RUDN University,*

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

²*St. Petersburg University,*

7–9 Universitetskaya Naberezhnaya, St Petersburg, 199034, Russian Federation

³*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

⁴*MGIMO University,*

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

 andres.kotov@yandex.ru

Abstract. The communication component of lobbying activity and the role of media communications in achieving lobbying goals are considered on the example of the formation of the legal field of the information technology (IT) industry in the conditions of 2022. As an empirical material, public content initiated by large associations defending the interests of the industry in the media field was chosen. The consistent communicative coupling of the IT industry with the activities of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation is shown. To analyze the lobbying process, the reputation management, media monitoring and social media system “SCAN-Interfax” was used. In relation to the topic of lobbying for IT interests, a gap in communication activity between the Ministry of Finance and industry associations in absolute terms was revealed. At the same time, in relative terms to the total number of mentions in the media, the efforts were comparable. The actualization of the media strategy of IT associations on the transfer of public merits to the regulator – the Ministry of Finance was found, while the conclusion was made about the effectiveness of lobbying efforts. Semantic analysis of the communication activity of a particular association demonstrated an algorithm for implementing the goals of mediatized lobbying.

Keywords: communication, lobbying, mediatization of politics, mediatized lobbying

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 29, 2022; revised February 5, 2023; accepted March 4, 2023.

For citation: Kotov, A.A., Nigmatullina, K.R., & Polyakov, M.L. (2023). Media strategies with lobbyists: Government support for the IT industry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 397–414. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-397-414>

Введение

Понятия «лоббизм», government relations (GR) и public affairs используются как взаимозаменяемые, касающиеся области отношений социальных субъектов с органами государственной власти и влияния на них с целью принятия благоприятных для этих субъектов решений (Шохин и др., 2017;

Ачкасова и др., 2023). Лоббизм стал популярным способом дополнить традиционное демократическое представительство интересов. Он является сделкой между заинтересованными группами и официальными структурами с благоприятным для обеих сторон результатом: первые расширяют свое влияние и закрепляются на общем экономическом и политическом пространстве, вторые получают квалифицированную техническую поддержку и эксклюзивную информацию (Ачкасова и др., 2023). Лоббисты предлагают несколько видов «активов» или «информационного обеспечения» политическим акторам в обмен на политическое влияние: техническую, юридическую и экономическую экспертизу, а также политически чувствительную информацию и медийную поддержку (Trapp, Laursen, 2017).

Методы и материалы

Основной инструмент исследования – автоматизированная система управления репутацией, медиаанализа и мониторинга СМИ «СКАН-Интерфакс», которая работает с 62,9 тыс. источников. В основе функционала и инструментария медиааналитики «СКАН-Интерфакс» статистический, мониторинговый, инфографический методы, контент-анализ и некоторые другие. Система сочетает два вида поиска: фразовый и объектный. Фразовый – это поиск словосочетаний, организаций и персон. Объектный поиск базируется на проработанных вручную карточках объектов (наиболее популярные запросы и структуры) и учитывает связи между различными объектами системы: например, объект «Минцифры» будет связан с объектом «Шадаев Максут Игоревич».

Хронологические рамки исследования – 2022 г. Для анализа выбраны четыре наиболее авторитетных и крупных ассоциации, отстаивающих интересы ИТ-отрасли, а также Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Работа с сервисом и формирование ключевых слов для определения упоминаемости в СМИ носила вариативный характер, сочетающий фразовый и объектный подходы, и основывалась на анализе сообщений в деловых и профильных СМИ для формирования конкретного поискового запроса. В частности, использовались запросы: «название ассоциации», «название ассоциации» и «Минцифры», «название ассоциации» и «меры поддержки», а также «Минцифры», «Минцифры» и «отраслевые ассоциации», «Минцифры» и «оперативный штаб». Чтобы сократить вероятность учета случайных сообщений, когда в одном новостном тексте поисковые объекты могли упоминаться без всякой связи друг с другом (например, Минцифры и оперативный штаб по борьбе с COVID-19), было задано ограничение: учитывались только те сообщения СМИ, где объекты упоминались в рамках одного абзаца. Также проведен качественный анализ основных смыслов высказываний в СМИ на примере одной из ассоциаций.

Лоббизм как коммуникация и медиатизированное лоббирование

В зарубежной литературе лоббизм уже давно рассматривается с коммуникационной точки зрения. Лестер Милбрат, считающийся пионером исследований этого явления, отмечал, что «коммуникация – единственное сред-

ство убеждения; таким образом, процесс лоббирования – полностью коммуникационный процесс» (Berg, 2009). Взгляд на лоббизм как на процесс стратегических коммуникаций сохранялся во многих последующих исследованиях (Entman, 2007; Ihlen et al., 2020; Trapp, Laursen, 2017). В отечественной научной литературе также представлена традиция анализа лоббизма и GR с коммуникационной точки зрения. Лоббирование рассматривается как явление чисто коммуникационное, поскольку основано на влиянии и договоренностях (Белоусов, 2006), или же как совокупность интеракций, возникающих на различных этапах движения информационного потока от источника к получателю (Фельдман, 2015).

Эту же традицию подкрепляет и тесная связь в исследовательской и учебной литературе лоббизма и GR с работой по связям с общественностью (public relations, PR). GR вполне может рассматриваться как вид PR-деятельности коммерческой или некоммерческой организации, направленный на коммуникативное взаимодействие социального субъекта с одним из сегментов его общественности – органами государственной власти. Другими словами, GR – это вид PR-деятельности социального субъекта, направленный на регуляцию отношений с органами власти (Ачкасова, 2023). Другие авторы также рассматривают лоббизм или GR как PR-технологии и направление связей с общественностью, которые нацелены на создание оптимальных отношений базового субъекта PR с органами государственной власти (Быков, 2013).

Однако в российской исследовательской литературе не уделяется достаточного внимания самому *процессу* взаимодействия субъектов лоббизма и GR со средствами массовой информации и другими медиа. При этом роль массмедиа чрезвычайно важна в эпоху медиатизации, социальных изменений, когда логика медиа колонизирует другие сферы общества, включая политические процессы, институты, организации и акторов (Trapp, Laursen, 2017).

С точки зрения медиатизации СМИ стали неотъемлемой частью всех аспектов политики и тотально влияют на них, неспособность учитывать и адаптироваться к логике СМИ ставит под угрозу попытки получить голоса или поддержку общественности, воздействовать на общественную и политическую повестку, посылать сигналы или избежать негативного имиджа в медиа. Учитывая критическую важность медиа во всех процессах политической коммуникации, можно сказать, что они стали «параметром окружающей среды» и подобно физической окружающей среде их нельзя избежать или игнорировать (Strömbäck, Van Aelst, 2013).

В цифровую эпоху новые медиа позволяют вести коммуникацию с широкой или сегментированной аудиторией напрямую, в обход традиционных СМИ. Таким образом, можно говорить о формировании гибридной медиасреды, в которой присутствуют и взаимодействуют традиционные СМИ, цифровые платформы и другие медиа. Сегодня любая организация может стать медиаорганизацией и производить собственный контент, так как медиасреда стала более подвижной (Figenschou, Fredheim, 2019). Площадками для дискуссий и формирования лоббистских коалиций служат блоги, микроблоги, форумы, социальные сети, сайты коммерческих и общественных организаций, сетевые СМИ, электронные версии печатных изданий и эфирных теле-

каналов. Все эти ресурсы позволяют выносить на публичное обсуждение актуальные общественные проблемы, преодоление которых требует вмешательства со стороны государства (Ачкасова, 2023).

В зарубежной науке при изучении взаимодействия лоббистских организаций со СМИ лоббирование разделяют два вида. Это непосредственное (*inside lobbying*), направленное на личные контакты и прямое влияние на лиц, принимающих решения, а также косвенное (*outside lobbying*), направленное на изменение общественного мнения преимущественно через СМИ (Strömbäck, Van Aelst, 2013; Berg, 2009; De Bruyker, 2018). Первый вид лоббирования осуществляется через личные встречи или каналы прямой связи (телефонные звонки, сообщения электронной почты) и вне публичного поля, в тех самых лобби, коридорах власти, которые недоступны для взора общественности.

Второй тип предполагает контакты со СМИ, выпуск пресс-релизов, проведение публичных кампаний. Его можно назвать медиатизированным лоббированием. При косвенном лоббировании группа интересов стремится донести сообщение до общественности, представить тот или иной вопрос или оказать воздействие на органы власти. В рамках этого подхода идет информирование общественности по ключевым проблемам, а также о способах разрешения этих проблем. Именно работу со СМИ исследователи называют одним из наиболее сильных методов косвенного лоббирования, а также его медиастратегией, он нацелен на журналистов и призван сделать позиции по тому или иному вопросу политики доступными для общественности через освещение в новостях (Tresch, Fischer, 2015).

Группы интересов применяют прямое и косвенное лоббирование. Как правило, приоритетным является прямое лоббирование, в то время как косвенное выступает в качестве важного, но вспомогательного инструмента, позволяющего дополнить работу в прямом контакте. Устоявшееся объяснение использования СМИ в GR-деятельности исходит из теории формирования повестки дня: вопросы, освещаемые СМИ, попадают в фокус внимания и обсуждения аудитории, а ее частью являются лица, принимающие решения. Многолетние исследования эффектов массовой коммуникации показали: как медиа подают и преподносят те или иные события, так аудитория их и воспринимает.

Соответственно, акторы, которые хотят оказать влияние на политические дебаты и решения, крайне заинтересованы в том, чтобы продвигаемые ими вопросы и темы попали в СМИ (Trapp, Laursen, 2017). Политически мотивированные организации или группы интересов могут спровоцировать внимание со стороны СМИ, тем самым дать политикам сигнал, что те или иные темы находятся в повестке дня и поэтому следует их рассмотреть. Быть замеченными людьми во власти критически важно для организованных групп интересов (De Bruyker, Beyers, 2014).

В западной исследовательской литературе можно выделить следующие ключевые цели групп интересов в работе со СМИ (Trapp, Laursen, 2017; Ihlen et al., 2020, Mykkänen, Ikonen, 2019):

– выступление в СМИ, чтобы стать известными общественности, так как известность организации и ее целей широкой публике увеличивает воз-

возможности и влияние этой структуры – освещение на страницах СМИ экспертных мнений и инициатив организации;

– работа со СМИ, чтобы увеличить заметность и легитимность в глазах действующих и потенциальных членов – принимая участие в обсуждениях в публичном поле и занимая в СМИ позиции по тем или иным вопросам лоббистские структуры демонстрируют, что являются активными и влиятельными силами, защищающими своих представителей;

– работа со СМИ как с площадкой для ведения лоббистской деятельности (выражение публичной поддержки лицам, принимающим решения; привлечение внимания лиц, принимающих решение и оказание давления на них; подрыв и дискредитация позиции конкурирующих лоббистских структур).

В то же время косвенное лоббирование остается вспомогательным инструментом соответствующих организаций, так как сулит не только потенциальные выгоды, но и риски. Наиболее четко риски от работы со СМИ в контексте медиатизации были сформулированы для партий, но они актуальны и для других политических акторов, включая лоббистские структуры. Они могут пострадать от неблагоприятного освещения в СМИ, есть вероятность, что позиция организации будет искажена или же публичная позиция по тому или иному острому вопросу может оттолкнуть от лоббистской структуры ее сторонников, подорвать целостность позиций внутри организации. СМИ склонны концентрироваться на конфликтах или негативных аспектах проблем, они обычно нацелены на удовлетворение краткосрочного интереса читателей, а не на освещение продолжительных историй. Поэтому подстройка под логику СМИ может оказаться опасной. Но эту логику все равно необходимо понимать, чтобы избежать нежелательного медийного внимания (Strömbäck, Van Aelst, 2013).

Роль отраслевых ассоциаций в России

В России лоббистская деятельность традиционно встроена в коммуникационную работу ассоциаций, союзов, гильдий, причем не только представителей бизнеса, но и некоммерческих организаций. В рамках объединений происходит суммирование репутационного капитала лидеров отрасли, а репутация позволяет субъектам лоббизма эффективно использовать связи со средствами массовой информации, актуализируя тему публичного дискурса, внедряясь в журналистские материалы в качестве экспертов. Транслируемая субъектом лоббизма информация должна обладать статусом экспертной: быть не просто достоверной, а прошедшей экспертизу, подкрепленную доказательствами. Данное условие выдвигает репутационный менеджмент в качестве ключевого инструмента лоббистской деятельности: без репутации у субъекта лоббизма нет шансов реализовать свою цель в рамках GR (Ушанов, 2020).

Отраслевые ассоциации бизнеса и другие общественные объединения предпринимателей выполняют роль эффективной коммуникационной площадки как внутри бизнес-сообщества, обеспечивая оперативный экспертный обмен мнениями членов объединения, формирование единой позиции по значимым для сообщества вопросам, требующим внимания государственных

акторов, так и вне его, обеспечивая конструктивный диалог между властью и бизнес-сообществом. Кроме того, смысл существования общественных объединений бизнеса состоит в объединении и сплочении бизнес-единиц в единую социальную группу, члены которой сообща способны отстаивать и продвигать общие интересы (Кашпур, Негруль, 2012).

Активное участие в деятельности ассоциаций создает для бизнеса возможности выстраивания эффективных отношений с властью: например, участие в публичном лоббировании интересов бизнес-сообщества, отрасли, в формировании государственной повестки экономического развития; позиционирование компании в деловом и политическом сообществе; знакомства и контакты с чиновниками (в рамках формализованных рабочих и специальных событий); организация участия в официальных зарубежных и региональных поездках руководителей государства; организация участия в федеральных программах, проектах; организация участия в правительственных комиссиях, советах, заседаниях органов власти; продвижение законопроектов; повышение информированности компаний о государственной политике и повестке (Шохин и др., 2017).

Традиционно высокую роль отраслевых ассоциаций в процессе лоббирования в России подтверждает опрос 103 GR-специалистов, проведенный в 2021 г. компанией Baikal Communications Group: работа через бизнес-ассоциации и отраслевые объединения стала наиболее эффективным и популярным способом поддержания диалога между бизнесом и органами государственной власти – его выбрали 91 % респондентов. Отметим, что работа через отраслевые объединения и ассоциации является самой популярной стратегией продвижения интересов компании в органах государственной власти, 89 % опрошенных экспертов. Взаимодействие с общественными, деловыми, отраслевыми и экспертными ассоциациями – одна из самых распространенных задач среди опрошенных GR-специалистов – так ответили 96 %. Часть респондентов, предпочитающих работу через бизнес-ассоциации и отраслевые объединения, уверены в их большей эффективности при отстаивании интересов бизнеса по сравнению с привлечением профессиональных консультантов в сфере GR. При этом 39 % респондентов заявили, что интересы их компаний в органах власти представляют именно отраслевые ассоциации, а проинтервьюированные в рамках исследования генеральные директора также считают, что, если компанию не могут представлять они лично, делать это должны отраслевые ассоциации. Что интересно, 89 % опрошенных отметили, что чаще всего взаимодействуют с департаментом по PR, ключевая задача которого сопровождение деятельности компаний в СМИ – чаще GR-специалисты взаимодействуют только с юридическими департаментами компаний. В то же время с тезисом о том, что коммуникация между бизнесом и властью носит непрозрачный характер, скорее согласились 34 %, еще 36 % сообщили, что «и согласны, и нет». Отраслью с наибольшей представленностью респондентов стали ИТ и телекоммуникации (16 % опрошенных), что стоит особо подчеркнуть в рамках данной работы¹.

¹ Исследование ключевых тенденций и особенностей работы специалистов по связям с органами государственной власти в России на основе опроса среди GR-директоров и GR-

ИТ-отрасль в России является относительно молодой и гибкой, процесс формирования ее правового поля разворачивается сейчас фактически в режиме реального времени. В выработке правил игры активное участие принимают и лоббистские структуры, что позволяет отследить их роль и влияние. Профессионалы в области GR почти единодушны в том, что отраслевые объединения в ИТ очень важны и являются действенным инструментом для продвижения своих интересов; когда речь идет о продвижении в органах власти, поодиночке ИТ-компании, даже очень большие, мало что могут – их «одиноким» голос в информационной повестке органов власти может потеряться². К основным отраслевым ассоциациям в ИТ относят ассоциацию разработчиков программных продуктов (АРПП) «Отечественный софт», РУССОФТ, Ассоциацию предприятий компьютерных и информационных технологий (АПКиТ), Российскую ассоциацию электронных коммуникаций (РАЭК).

Меры поддержки ИТ-отрасли в России в 2022 г.

Ни одна индустрия в России в последние годы не была окружена таким вниманием властей, как ИТ. Статус приоритетного направления развития российской экономики закреплен в программе национального проекта «Цифровая экономика». В течение 2022 г. органы исполнительной власти РФ приняли два десятка решений по поддержке отрасли, стремясь сократить отток из страны ИТ-специалистов и ИТ-компаний. Первый пакет решений был разработан и представлен спустя неделю после начала специальной военной операции (СВО) в Украине, он включал в себя десять пунктов. Вторым и третьим – в августе и сентябре 2022 г. после объявления частичной мобилизации. Сами чиновники разделяют принятые решения на две части – системные и точечные. К системным причисляют налоговые льготы и преференции, к точечным – отсрочку от армии и льготную ипотеку для сотрудников ИТ-компаний, цифровизацию малого и среднего бизнеса, продвижение российских ИТ-продуктов в интернете, льготные кредиты для ИТ-компаний, а также грантовую поддержку разработки российских ИТ-решений.

Президент РФ подписал указ № 83 «О введении новых мер поддержки отрасли информационных технологий 2 марта 2022 г. К этому моменту ряд льгот для организаций ИТ-сферы уже действовал с 2021 г. и касался налога на прибыль (п. 1.15 ст. 284 НК РФ), НДС (подп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ), страховых взносов (подп. 3 п. 1 ст. 427 НК РФ). Новый указ преследовал цель сберечь кадры, обеспечить функционирование информационной инфраструктуры и сохранить темпы развития ИТ-сферы. В нем представлены следующие меры поддержки: освобождение компаний от налога на прибыль до 31 декабря 2024 г.; отсрочка от призыва на военную службу, ежегодное выделение грантов на разработку решений в области ИТ; финансирование ипо-

специалистов крупного бизнеса // Baikal Communications Group. 2021. URL: <https://b-c-g.ru/wp-content/uploads/2021/12/Issledovanie-GR-industrii.pdf> (дата обращения: 26.11.2022).

² Лаврентьева Н. Лоббизм и GR на российском ИТ-рынке. Кто, как и зачем этим занимается // TAdviser. 2022, 15 апреля. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Лоббизм_и_GR_на_российском_ИТ-рынке_Кто_как_и_зачем_этим_занимается_Обзор_TAdviser (дата обращения: 26.11.2022).

теки для сотрудников аккредитованных ИТ-организаций; предоставление кредитов по льготной ставке не выше 3 % на обеспечение текущей деятельности ИТ-компаний; упрощение процедур трудоустройства иностранных граждан, привлекаемых для работы в аккредитованных организациях, и получения ими ВНЖ; освобождение от налоговых проверок.

Указ президента привел в движение государственные механизмы реализации. Так, уже в апреле Правительство определило категории сотрудников ИТ-компаний, которые смогут получить право на получение отсрочки от военной службы до достижения ими возраста 27 лет. Был увеличен объем грантовой поддержки компаний. Приняты постановления Правительства о льготном кредитовании компаний и финансировании ипотеки для сотрудников. Владимир Путин подписал закон № 321-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», расширяющий льготы для ИТ-компаний, 14 июля 2022 г. Поправки дали льготный налоговый режим компаниям-интеграторам, платформам по продаже онлайн-рекламы и размещению объявлений на классифайдах (Wildberries, Avito, Авто.ру и др.), площадкам с платным доступом к контенту, в том числе по подписке, образовательным платформам и разработчикам программно-аппаратных комплексов. Изменения коснулись обнуления налога на прибыль до конца 2024 г. и снижения ставки страховых взносов до 7,6 %. Закон вступил в силу 1 января 2022 г. С 1 августа был изменен порядок аккредитации ИТ-организаций, дающих возможность для получения льгот.

После объявления о частичной мобилизации 21 сентября 2023 г. эксперты заявили о возросших рисках релокации специалистов из России, особенно в сфере ИТ, причем волна отъезда ожидалась более мощной, чем в марте³. Но уже 23 сентября Министерство цифрового развития сообщило о введении отсрочки от призыва на военную службу в рамках частичной мобилизации для сотрудников ИТ-компаний, имеющих высшее образование и работающих полный рабочий день⁴.

Все принятые решения были немедленно представлены на цифровых ресурсах государства: портал «ГосУслуги», сайт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» Мойбизнесрф.ру и др. На портале «ГосУслуги» к июлю 2022 г. льготы были собраны воедино: пользователь может увидеть и понять, кому предназначена мера поддержки, какой у нее статус (принята или еще в работе), на какой стадии разработки находится, какие условия для применения меры и срок ее действия⁵.

В сентябре 2022 г. заместитель главы Минцифры Максим Паршин представил промежуточные результаты принятых решений. По состоянию на 5 сентября 2022 г. в реестр аккредитованных ИТ-компаний (его ведет

³ Дмитриева Д., Афонина С. Повестка дня: как петербуржцы адаптируются к новой реальности // Деловой Петербург. 2022, сентябрь 23. URL: https://www.dp.ru/a/2022/09/23/Povestka_dnja (дата обращения: 02.10.2022).

⁴ Министерство цифрового развития: официальный телеграм-канал Минцифры. 2022, 23 сентября. URL: t.me/mintsify/1479 (дата обращения: 02.10.2022).

⁵ Государственные меры поддержки для ИТ-компаний // Портал Госуслуги. URL: <https://www.gosuslugi.ru/itindustry> (дата обращения: 09.08.2022).

Минцифры) вошли 18 000 новых компаний, они могли рассчитывать на льготы по налогу на прибыль; отсрочку от армии в ходе весеннего призыва 2022 г. получили 7695 сотрудников ИТ-специалистов, а к осеннему призыву заявления на отсрочку подали 7806 человек; банки выдали 2,86 тыс. ипотечных кредитов – на общую сумму 25,9 млрд руб., при этом одобрение получили еще свыше 10 тыс. кредитов; 107 ИТ-проектов получили льготное кредитование на общую сумму 64,27 млрд руб.⁶

Участие ассоциаций ИТ-отрасли в выработке мер поддержки

Оперативное принятие мер поддержки после начала СВО стало возможным благодаря диалогу между основным регулятором ИТ-отрасли, отстаивающим ее интересы, в лице Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и основных ее игроков, в том числе отраслевых ассоциаций. В 2020–2021 гг. были представлены два пакета мер поддержки сектора: для компаний предусмотрены налоговые послабления, расширялись программы прямой финансовой помощи, шло стимулирование спроса госсектора и частных компаний на внедрение отечественных ИТ-решений. Еще до 24 февраля 2022 г. началось обсуждение третьего пакета мер поддержки, часть которых вошла в упомянутый указ президента России. Это признавал и глава Минцифры Максуд Шадаяев в рамках диалога с отраслью: «Мы действуем в рамках указа президента, который появился достаточно оперативно после начала спецоперации. Многие вещи, которые в него вошли, готовились заранее (обсуждали весь прошлый год), поэтому так совпало, что он вышел после начала спецоперации»⁷. О своем участии в работе над мерами сообщали и сами отраслевые ассоциации: «Туда не включили некоторые наши (АПКИТ) инициативы по инфобезу и интеграторам, не включили срочные меры по исполнению госконтрактов в условиях санкций, но и вошло тоже не мало»⁸.

28 февраля 2022 г. глава Минцифры Максуд Шадаяев подписал приказ о создании оперативного штаба по мониторингу состояния российских организаций отрасли ИТ, который он же и возглавил. Основной его целью стал мониторинг состояния российских организаций отрасли информационных технологий в целях обеспечения их устойчивого функционирования в связи с введением иностранными государствами ограничительных мер. Одна из задач штаба – подготовка предложений в правительство РФ для принятия мер по устранению рисков, возникающих от ограничительных действий со стороны иностранных государств, а также подготовка справочных и информационно-аналитических материалов, отражающих текущую ситуацию

⁶ *Коник Л.* Промежуточный финиш мер поддержки ИТ-отрасли // ComNews. 2022, 5 сентября. URL: <https://www.comnews.ru/content/222016/2022-09-05/2022-w36/promezhutochnyy-finish-mer-podderzhki-it-otrasli> (дата обращения: 17.09.2022).

⁷ *Кирьянова А., Воейков Д., Королев И.* Глава Минцифры Максуд Шадаяев на CNews FORUM. Кейсы – о ходе цифровизации России в новых условиях // CNews. 2022, 10 июня. URL: <https://cnews.ru/link/a18507> (дата обращения: 17.09.2022).

⁸ Указ о развитии и поддержке ИТ // АПКИТ. 2022, 3 марта. URL: <https://apkit.ru/news/ukaz-o-razviti-i-podderzhke-it/> (дата обращения: 17.09.2022).

в ИТ-отрасли. Среди представителей ИТ-отрасли в штабе исполнительный директор АРПП «Отечественный софт» Ренат Лашин, исполнительный директор АПКИТ Николай Комлев, президент РУССОФТ Валентин Макаров, директор Центра компетенций по импортозамещению в сфере ИКТ Илья Массух, директор РАЭК Сергей Плутогаренко и др.

В апреле ИТ-отрасль расширила свое представительство в Минцифры России: прошло заседание оперштаба, где обсудили реализацию мер поддержки по 34 направлениям. Для ускоренной проработки мер поддержки ИТ-ассоциации предложили по каждому направлению назначить ответственного, который будет консолидировать мнения компаний, готовить материалы по сегменту и оказывать аналитическое содействие. Минцифры поддержала инициативу и предложило назначить ответственных за каждое направление советниками министра, работающими на общественных началах. Вскоре РУССОФТ, АПКИТ, АРПП «Отечественный софт» и Ассоциации крупнейших потребителей программного обеспечения и оборудования (КП ПОО) направили соответствующее письмо с 34 кандидатурами, среди которых оказалось 6 представителей РУССОФТ, 3 представителя АПКИТ, 1 представитель РАЭК (не всегда легко определить принадлежность тех или иных кандидатур, так как часто указываются бизнес-должности, а не общественные). В дальнейшем Минцифры подчеркивало, что те или иные меры поддержки были либо разработаны с участием отрасли, либо обсуждаются с отраслью.

Анализ упоминаний

Проведенный анализ упоминаний ассоциаций, Минцифры России, ИТ-отрасли и мер ее поддержки в СМИ позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, отраслевые ассоциации не скрывают в публичном поле свое взаимодействие с Минцифры России (рис. 1), а также участие в разработке в тесной связке с регулятором мер поддержки ИТ-отрасли. В свою очередь, профильный регулятор отрасли в лице Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций отмечает активное взаимодействие с отраслевыми ассоциациями, в том числе в рамках оперативного штаба. Таким образом, факт ведения лоббистской деятельности не считают необходимым скрывать ни отраслевые ассоциации, ни Минцифры России.

Во-вторых, очевидно, что в освещении мер поддержки существует гигантский коммуникационный разрыв между отраслевыми ассоциациями и Минцифры России, который оценивается в несколько порядков (рис. 2). Это можно попытаться объяснить общим сложившимся трендом на огосударствливание как экономики в целом, так и медийных потоков – значимость государства как актора, ньюсмейкера и распорядителя коммуникационных бюджетов возрастает. Поэтому превалирующая в СМИ роль регулятора отрасли как автора изменений и разработчика мер поддержки не может быть поставлена под сомнение.

Однако при анализе информационного поля вокруг работы объединений становится ясно, что нельзя приуменьшать и их консультативную роль, заключающуюся в предоставлении технической, экономической и юридической экспертизы, а также в поддержке и одобрении представляемых регулятором мер в публичном поле. Мы уже выяснили ранее, что объединения были инициатором

многих нововведений в мерах поддержки в 2022 г., однако очевидно, что они избрали медиастратегию передачи всех публичных заслуг регулятору. Отметим, что публичная атрибуция заслуг Минцифры России не отменяет того факта, что ассоциации помогли входящим в их состав игрокам добиться желаемого результата в виде конкретных мер поддержки. Следовательно, их лоббистские усилия увенчались успехом, а значит – цель деятельности достигнута.

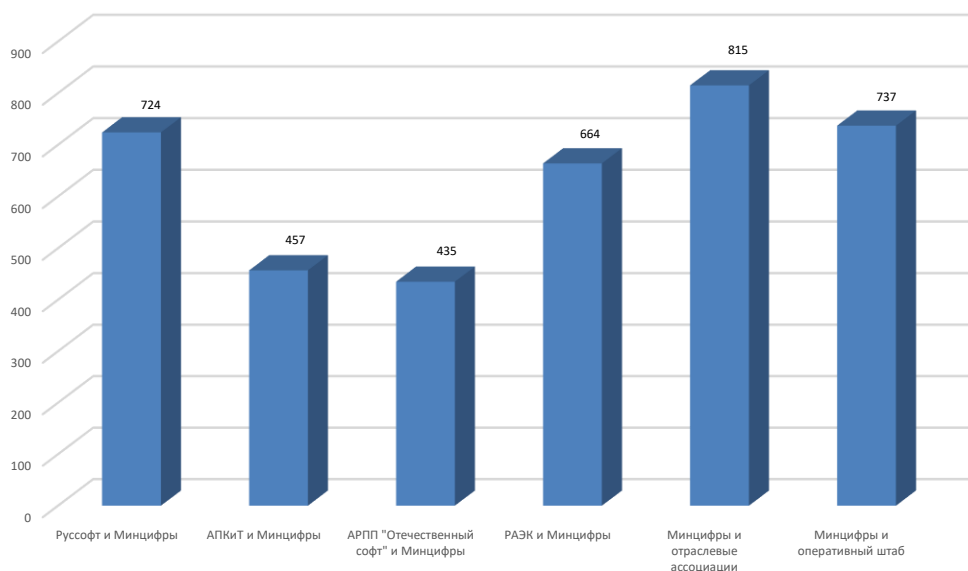

Рис. 1. Количество сообщений СМИ с упоминанием сочетания фраз в 2022 г.

Источник: Интерфакс-СКАН.

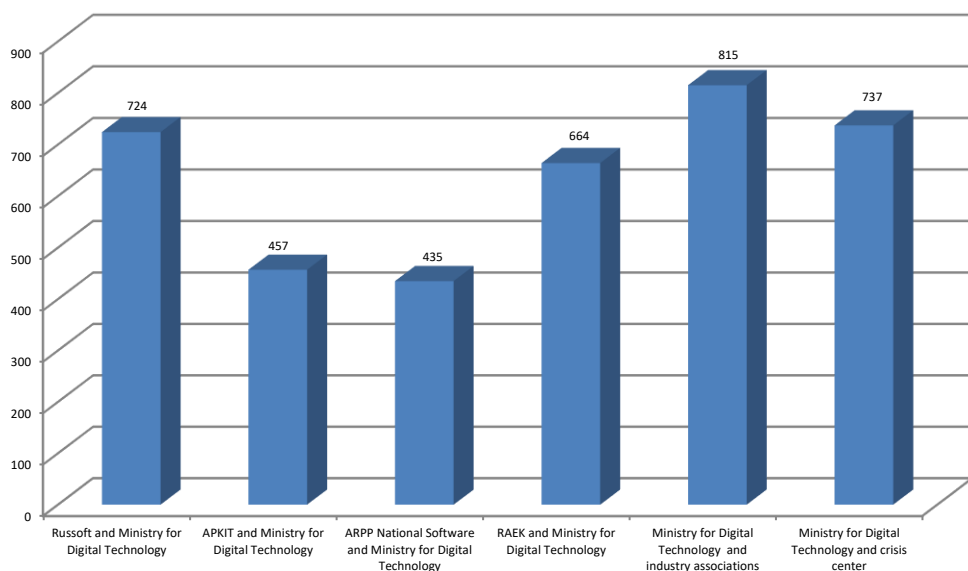

Figure 1. Number of media reports mentioning phrase combinations, 2022

Source: Interfax-SCAN.

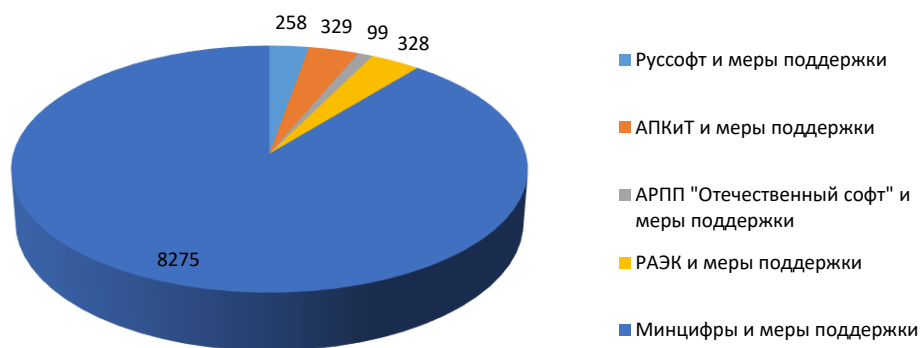

Рис. 2. Связь с мерами поддержки в сообщениях СМИ

Источник: Интерфакс-СКАН.

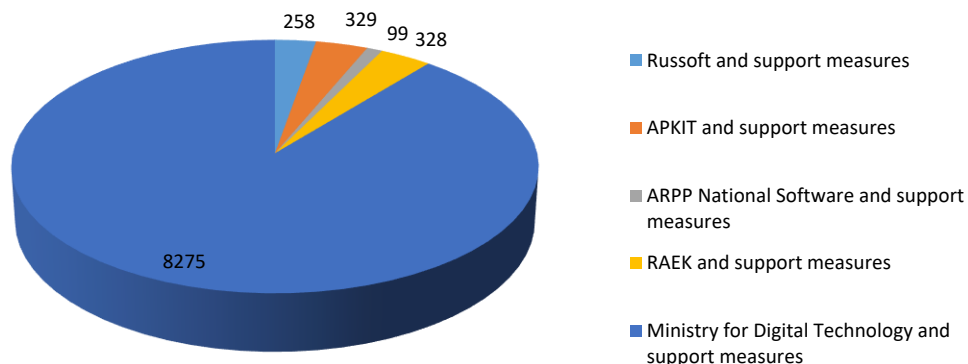

Figure 2. Connection of various entities to support measures in media reports by number of publications

Source: Interfax-SCAN.

При этом роль отдельных компаний в выработке инициатив в медийном поле ничтожно мала, хотя именно они являются конечными бенефициарами принимаемых мер поддержки, ориентированных именно на конкретные компании. Таким образом, активная позиция отраслевых ассоциаций, аккумулирующих чаяния и предложения игроков отрасли, и не менее активный диалог регулятора с этими структурами позволяет максимально быстро формировать правовое поле, адаптированное к вызовам среды.

Что характерно, в течение года пик публикаций с упоминанием большинства ассоциаций самих по себе, а также в привязке к мерам поддержки приходится на март, когда был принят указ президента, содержащий основной набор льгот для отрасли. Второй всплеск публикаций случился в сентябре – октябре и связан, очевидно, с частичной мобилизацией и предоставлением отсрочек/брони от нее для ИТ-специалистов. В случае с Минцифры пик публикаций сообщений в привязке к мерам поддержки также пришелся на март, однако в общем упоминании министерства в СМИ за год аналогичная динамика не прослеживается – упоминаемость в СМИ росла, начиная с марта на протяжении всего года с пиками в июне, сентябре, октябре и декабре.

Еще одно наблюдение, сделанное в ходе работы с данными, полученными в «Интерфакс-СКАН», можно сформулировать следующим образом. Несмотря на разрыв в коммуникационной активности в связи с мерами поддержки между Минцифры и отраслевыми ассоциациями в абсолютных показателях, в относительных показателях к их общему количеству упоминаний в СМИ затраченные усилия оказались сопоставимы: 3,6 % у Минцифры и 2,4–6,3 % от всех сообщений в случае отраслевых ассоциаций. Исключением стала лишь АПКИТ, у которой на меры поддержки пришлось 14,5 % всей коммуникационной активности.

Рассмотрим подробнее содержание сообщений с упоминанием ассоциаций и транслируемых ключевых смыслов на примере АПКИТ как наиболее информационно активной ассоциации. Из 10 основных сюжетов с упоминанием ассоциации 5 сюжетов (таблица), пик активности АПКИТ в СМИ в целом за год (143 сообщения) приходится на март 2022 г.

Среди ключевых сообщений, транслируемых в медиа ассоциацией в марте 2022 г.: государство осознает важность ИТ-индустрии и ее влияние на все секторы экономики; вместе с Минцифры необходимо поработать, чтобы перечисленные меры поддержки получили удобные для применения подзаконные акты и в поле действия этих мер попали все секторы индустрии; разъяснение предложенных АПКИТ антикризисных мер, направленных в письме всех четырех ассоциаций на имя вице-преьера Андрея Белоусова; комментарии, одобряющие усилия Минцифры по разъяснению мер поддержки; комментарии с неодобрением предложений Правительства (не Минцифры) по созданию единого закупщика электроники и легализации пиратского ПО; экспертные комментарии о влиянии санкций на российский ИТ-рынок.

Основные сюжеты в СМИ с упоминанием АПКИТ

№	Сюжет	Количество публикаций
1	Минцифры разъяснило правила предоставления новых мер поддержки ИТ-отрасли	26
2	Правительство объявило о новых мерах поддержки российского бизнеса	17
3	В России резко упал спрос на ИТ-специалистов	16
4	Минцифры отвечает на вопросы по мерам поддержки ИТ-отрасли	14
5	Минцифры призвало ИТ-компании заполнить форму на Госуслугах	9
6	Российские разработчики ПО выступили против легализации пиратского ПО	8
7	Эксперты оценили влияние льготного кредитования разработчиков ПО	8
8	Власти подготовят механизм привлечения капитала для быстро растущих компаний	6
9	ИТ-ники попросили у Минцифры поддержки для 17 классов ПО	6
10	Правительство обсуждает идею отдать закупки компьютеров одной организации	4

Источник: Интерфакс-СКАН; составлено авторами.

**Main media stories mentioning
Information & Computer Technologies Industry Association (APKIT)**

No.	Topic	Number of publications
1	Ministry for Digital Technology, Communication and Mass Media clarified the rules for providing new measures to support the IT industry	26
2	The government announced new measures to support Russian business	17
3	Demand for IT specialists has fallen sharply in Russia	16
4	Ministry for Digital Technology, Communication and Mass Media answers questions about measures to support the IT industry	14
5	Ministry for Digital Technology, Communication and Mass Media urged IT companies to fill out a form at State Services Portal	9
6	Russian software developers speak against the legalization of pirated software	8
7	Experts assessed the impact of concessional lending on software developers	8
8	The authorities will prepare a capital raising mechanism for fast-growing companies	6
9	IT specialists asked the Ministry for Digital Technology, Communication and Mass Media for support for 17 classes of software	6
10	The government discusses the idea of giving computer purchases to single buyer organization	4

Source: Interfax-SCAN; compiled by the authors.

Заклучение

Установлено, что работа лоббистских организаций или групп интересов со СМИ относится к косвенному или медиатизированному лоббированию, это вспомогательный инструмент, дополняющий личные встречи или контакты по каналам прямой связи с представителями органов государственной власти. Удалось определить и доказать на практических примерах, что отраслевые ассоциации и деловые объединения в России являются значимым актором в процессе лоббирования, инкорпорирующим активность широкого круга компаний той или иной отрасли. При этом они выступают эффективной коммуникационной площадкой внутри бизнес-сообщества, обеспечивая оперативный экспертный обмен мнениями и формирование единой позиции по значимым вопросам. В рамках отраслевых объединений происходит суммирование репутационного капитала лидеров отрасли, что позволяет им эффективно использовать работу со СМИ.

Количественный и качественный анализ упоминаний в СМИ лоббистских ассоциаций показал, что ни ассоциации ИТ-отрасли, ни Минцифры не скрывают факт совместной работы. Также выявлено, что ведущую коммуникационную роль в данном взаимодействии играет регулятор, в то время как ассоциации выступают консультантами, обеспечивающими техническую, экономическую и юридическую экспертизы, а также поддержку и одобрение представляемых регулятором мер в публичном поле. Смысловой анализ коммуникационной активности АПКИТ показал, что на уровне транслируемых посылов ассоциация в своей медиастратегии реализует все основные цели медиатизированного лоббирования.

Список литературы

- Ачкасова В.А., Минтусова И.Е., Филатова О.Г.* GR и лоббизм: теория и технологии. М.: Юрайт, 2023. 438 с.
- Белоусов А.Б.* Дискретная модель лоббистской коммуникации // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 87–101. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.09>

- Быков И.А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. СПб.: Санкт-Петербургский госуниверситет промышленных технологий и дизайна, 2013. 200 с.
- Каптур В.В., Негруль С.В. Активность участия в профессиональных общественных объединениях и ассоциациях в малом и среднем бизнесе как параметр субъективного потенциала регионального предпринимательства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 1 (17). С. 129–140.
- Ушанов П.В. Лоббизм как коммуникационная технология российский опыт // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 157–160.
- Фельдман П.Я. Коммуникативная структура лоббистской деятельности // Коммуникология. 2015. Т. 3. № 2. С. 59–66.
- Шохин А.Н., Баширов М.Ф., Борисов С.Р., Воробьев М.А., Гальперин М.Л. Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2017. 384 с.
- Berg K.T. Finding connections between lobbying // *Public Relations and Advocacy*. 2009. Vol. 3. No. 3. URL: https://epublications.marquette.edu/comm_fac/78 (accessed: 12.10.2022).
- De Bruycker I., Beyers J. Balanced or biased? Interest groups and legislative lobbying in the European news media // *Political Communication*. 2015. Vol. 32. No. 3. Pp. 453–474. <https://doi.org/10.1080/10584609.2014.958259>
- De Bruycker I., Beyers J. Lobbying strategies and success: inside and outside lobbying in European Union legislative politics // *European Political Science Review*. 2018. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–18. <https://doi.org/10.1017/S1755773918000218>
- Entman R.M. Framing bias: media in the distribution of power // *Journal of Communication*. 2007. Vol. 57. No. 1. Pp. 163–173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x>
- Figenschou T., Fredheim N. Interest groups on social media: four forms of networked advocacy // *Journal of Public Affairs*. 2019. Vol. 20. No. 2. <https://doi.org/10.1002/pa.2012>
- Ihlen Ø., Valentini C., Davidson S., Shavit A. Lobbying, the public interest, and democracy: communication perspectives // *Journal of Public Affairs*. 2020. Vol. 20. No. 2. <https://doi.org/10.1002/pa.2091>
- Mykkänen M., Ikonen P. Media strategies in lobbying process. A literature review on publications in 2000–2018 // *Academicus: International Scientific Journal*. 2019. Vol. 20. Pp. 34–50. <https://doi.org/10.7336/academicus.2019.20.03>
- Strömbäck J., Van Aelst P. Why political parties adapt to the media: exploring the fourth dimension of mediatization // *International Communication Gazette*. 2013. Vol. 75. No. 4. Pp. 341–358. <https://doi.org/10.1177/1748048513482266>
- Trapp N.L., Laursen B. Inside out: interest groups' 'outside' media work as a means to manage 'inside' lobbying efforts and relationships with politicians // *Interest Groups & Advocacy*. 2017. Vol. 6. Pp. 143–160. <https://doi.org/10.1057/s41309-017-0016-y>
- Tresch A., Fischer M. In search of political influence: outside lobbying behaviour and media coverage of social movements, interest groups and political parties in six Western European countries // *International Political Science Review*. 2014. Vol. 36. No. 4. Pp. 355–372. <https://doi.org/10.1177/0192512113505627>

References

- Achkasova, V.A., Mintusova, I.E., & Filatova O.G. (2023). *GR and lobbying: Theory and technologies*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Belousov, A.B. (2006). Discrete model of lobbyist communication. *Polis. Political Studies*, (4), 87–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.09>

- Berg, K.T. (2009). Finding connections between lobbying. *Public Relations and Advocacy*, 3(3). Retrieved October 12, 2022, from https://epublications.marquette.edu/comm_fac/78
- Bykov, I.A. (2013). *Network political communication: Theory, practice and research methods*. St. Petersburg: SPbSUITD Publ. (In Russ.)
- De Bruycker, I., & Beyers, J. (2015). Balanced or biased? Interest groups and legislative lobbying in the European news media. *Political Communication*, 32(3), 453–474. <https://doi.org/10.1080/10584609.2014.958259>
- De Bruycker, I., & Beyers, J. (2018). Lobbying strategies and success: Inside and outside lobbying in European Union legislative politics. *European Political Science Review*, 11(1), 1–18. <https://doi.org/10.1017/S1755773918000218>
- Entman, R.M. (2007). Framing bias: Media in the distribution of power. *Journal of Communication*, 57(1), 163–173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x>
- Feldman, P.Ya. (2015). Communication structure of lobbying activity. *Communikology*, 3(2), 59–66. (In Russ.)
- Figenschou, T., & Fredheim, N. (2019). Interest groups on social media: Four forms of networked advocacy. *Journal of Public Affairs*, 20(2). <https://doi.org/10.1002/pa.2012>
- Ihlen, Ø., Valentini, C., Davidson, S., & Shavit, A. (2020). Lobbying, the public interest, and democracy: Communication perspectives. *Journal of Public Affairs*, 20(2). <https://doi.org/10.1002/pa.2091>
- Kashpur, V.V., & Negrul, S.V. (2012). Participation activity in professional public unions and associations of small and medium business as a parameter of regional entrepreneurship subject potential. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 17(1), 129–140. (In Russ.)
- Mykkänen, M., & Ikonen, P. (2019). Media strategies in lobbying process. A literature review on publications in 2000–2018. *Academicus: International Scientific Journal*, (20), 34–50. <https://doi.org/10.7336/academicus.2019.20.03>
- Shokhin, A.N., Bashirov, M.F., Borisov, S.R., Vorobiev, M.A., & Galperin, M.L. (2017). *Business and authorities in Russia: Regulatory framework and compliance practices*. Moscow: HSE University. (In Russ.)
- Strömbäck, J., & Van Aelst, P. (2013). Why political parties adapt to the media: Exploring the fourth dimension of mediatization. *International Communication Gazette*, 75(4), 341–358. <https://doi.org/10.1177/1748048513482266>
- Trapp, N.L., & Laursen, B. (2017). Inside out: Interest groups' 'outside' media work as a means to manage 'inside' lobbying efforts and relationships with politicians. *Interest Groups & Advocacy*, 6, 143–160. <https://doi.org/10.1057/s41309-017-0016-y>
- Tresch, A., & Fischer, M. (2014). In search of political influence: Outside lobbying behaviour and media coverage of social movements, interest groups and political parties in six Western European countries. *International Political Science Review*, 36(4), 355–372. <https://doi.org/10.1177/0192512113505627>
- Ushanov, P.V. (2020). Lobbyism as a communication technology: Russian experience. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, (2), 157–160. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Котов Андрей Александрович, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; директор департамента по связям с общественностью, Общероссийская общественная организация «Деловая Россия», Российская Федерация, 127473, Москва, ул. Делегатская, д. 7, стр. 1. ORCID: 0000-0001-5311-494X. E-mail: andres.kotov@yandex.ru

Нигматуллина Камилла Ренатовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Рос-

сийская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. ORCID: 0000-0002-9146-1712. E-mail: k.nigmatulina@spbu.ru

Поляков Максим Львович, автор и руководитель магистратуры «Цифровые коммуникации и новые медиа», старший преподаватель, кафедра интегрированных коммуникаций, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, 119571, Москва, пр-кт Вернадского, д. 82; профессор кафедры международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Российская Федерация, 119454, Москва, пр-кт Вернадского, д. 76. ORCID: 0000-0001-6110-7045. E-mail: polyakov-ml@ranepa.ru

Bio notes:

Andrey A. Kotov, postgraduate student, Department of Mass Communications, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; Director of the Public Relations Department, All-Russian Public Organization “Business Russia”, 7 Delegatskaya St, bldg 1, Moscow, 127473, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5311-494X. E-mail: andres.kotov@yandex.ru

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Digital Media Communications Department, Graduate School of Journalism and Mass Communication, St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Naberezhnaya, St Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9146-1712. E-mail: k.nigmatulina@spbu.ru

Maksim L. Polyakov, Academic Director of Master Program “Digital Communications and New Media”, senior lecturer, Integrated Communications Department, Institute of Social Science, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation; Professor of International Journalism Department, MGIMO University, 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6110-7045. E-mail: polyakov-ml@ranepa.ru